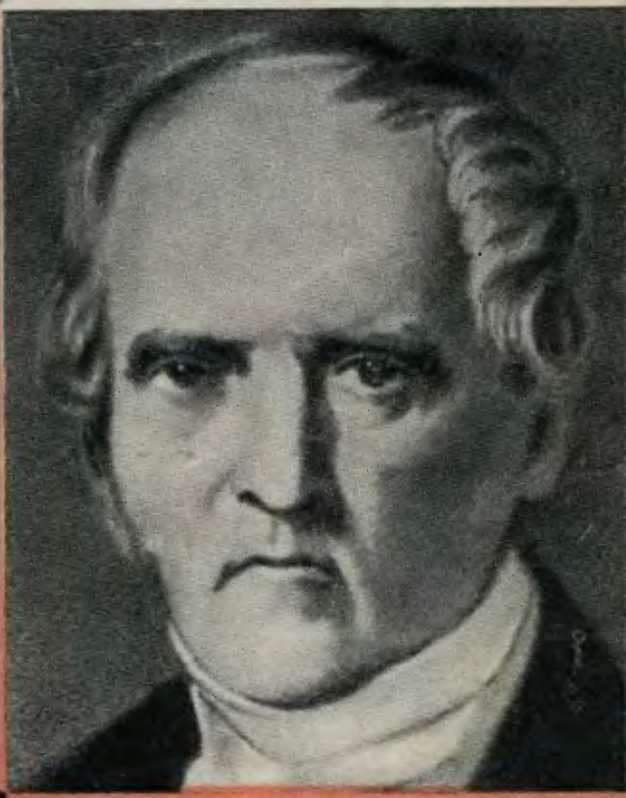
ФУРЬЕ

LE NOUVEAU MONDE
INDUSTRIEL ET SOCIÉTAIRE
OU
INVENTION DU PROCÉDÉ
D'INDUSTRIE ATTRAYANTE ET NATURELLE
DISTRIBUÉE
EN SÉRIES PASSIONNÉES

Par Ch. FOURIER.

PARIS.



Юлия Василькова

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 15
(585)

Юлия Василькова

ФУРЬЕ

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1978

87.3
В19

В $\frac{30702-276}{078(02)-78}$ БЗ—53—003—78

© Издательство «Молодая гвардия», 1978 г.

ВСТУПЛЕНИЕ

В последний год уходящего XIX века в Париже, на бульваре Клиши, открыли памятник, на цоколе которого были высечены диковинные изречения:

«Серия распределяет гармонии»,

«Притяжения пропорциональны судьбам» *.

Слова эти принадлежат Франсуа-Мари-Шарлю Фурье... Не все знают у нас, как жил этот человек, не все знакомы с его «Новым миром» или «Теорией четырех движений», но многие — по крайней мере, из курса истории средней школы — помнят о мечтателе, который всю жизнь надеялся, что какой-нибудь миллионер пожертвует капитал для устройства его фаланстера...

О Фурье яростно и непримиримо спорили еще при его жизни. Почти два столетия идет борьба за его идейное и научное наследие. И ныне для одних он гений, смотревший далеко вперед, для других — всего лишь бесплодный фантазер и мечтатель, к тому же и изрядный путаник.

Мало кто из людей, живших в одну с Фурье эпоху, заключал в себе столько противоречий времени, как он. Поэтому не следует, видимо, удивляться и противоречивости оценок и суждений о его личности.

Оценки эти при всей их категоричности и резкости (а может быть, именно поэтому) сбрасывать со счетов нельзя: они дают возможность понять многое в том необычном историческом явлении, имя которому — Фурье.

«Оторванный от жизни мечтатель...»

«Его сочинения — бред безумца...»

«Утопист, чьи мечты никогда не осуществятся...»

С другой стороны, К. Маркс назовет Шарля Фурье патриархом социализма, а Ф. Энгельс с гордостью подчеркнет: «...теоретический социализм никогда не забудет, что он стоит на плечах Сен-

* В годы второй мировой войны фашистскими оккупационными властями вместе с другими 142 памятниками Парижа памятник Шарлю Фурье был снят с постамента и вывезен в Германию.

Симона, Фурье и Оуэна — трех мыслителей, которые, несмотря на всю фантастичность и весь утопизм их учений, принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно» *...

Фурье родился, когда в недрах феодализма уже возникла новая идеология, когда гремели имена Вольтера и Руссо, когда энциклопедисты объявили идейную войну и старому политическому строю, и диктатуре церкви.

Фурье жил, когда ураган Великой французской революции опрокинул устои отмиравшего строя, очистил пациональную почву от хлама феодализма, подготовил условия для быстрого развития капитализма и буржуазной демократии.

Фурье пережил годы бурного увлечения лозунгом «Свобода, Равенство, Братство!» и горечь разочарования в возможности его осуществления. Он стал свидетелем того, как вместо обещанного *пароду «золотого века» и всеобщего счастья наступило царство* всесильного чистогана, бешеной погони за наживой, невиданной ранее эксплуатации и нищеты трудящихся масс.

Он прожил долгую жизнь. Это были годы политических бурь: революция, консульство и империя, реставрация и «сто дней», вторая реставрация, июльская революция и монархия Луи-Филиппа.

Фурье жил в эпоху борьбы двух общественно-экономических формаций. В этой борьбе, которая привела к невероятному противоречию между лозунгами новой формации, выдвинутыми при ее появлении на свет, и тем реальным капиталистическим строем, который восторжествовал, и следует искать причины разительного контраста между действительной жизнью Шарля Фурье и жизнью, созданной им в его воображении.

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 18, с. 498—499.

Глава 1

ДЕТСТВО

Франсуа-Мари-Шарль Фурье родился 7 апреля 1772 года в крупном торговом городе Восточной Франции — Безансоне, в семье торговца колониальными товарами. Его крестным отцом был дядя Франсуа Мюге-младший, а крестной — старшая сестра Мариетта.

Так в книге записей местной церкви отмечено рождение в семье почтенных супругов Фурье четвертого, последнего ребенка и единственного сына. Он появился на свет в 6 часов утра, и в честь отца его назвали Шарлем.

Господин Шарль Фурье-старший, человек весьма уважаемый в среде безансонского купечества, вел оптовую торговлю сукном. О степени его влияния говорит тот факт, что 11 мая 1776 года он был избран коммерческим судьей города. Сам Жан-Клод-Никола Перней де Гросбуа, дворянин, королевский советник и первый президент провинции Франш-Конте, принял у господина Шарля Фурье присягу на верность справедливости. Судья был суров. От него зависели отсрочки векселей и обязательств, а в случае неоплаты по заемным письмам коммерческий судья мог подвергнуть виновника аресту.

В некоторых документах Фурье-старший именуется негоциантом. Так в противоположность торговцам называли лишь крупных коммерсантов. Фурье-отец, как видно из его сохранившихся писем, был человеком малообразованным. Однако предприимчивый коммерсант был достаточно умен от природы и заботился не только о наживе, но и о доброй репутации своего торгового дома, в чем вполне и преуспел.

В торговле Франции середины XVIII века увеличился импорт промышленного сырья — кож, мехов, леса и так называемых колониальных товаров — ценных пород дерева, хлопка, пряностей, красильных и дубильных веществ, сахара, кофе, какао. Как никогда, внешняя торговля страны приобрела огромные размеры. В этой об-

становке процветает и безансонский торговый дом колониальных товаров господина Фурье, стоящий на углу улицы Гранд-Рю и переулка Барон*. Да и клиентуру свою господин Фурье подбирал главным образом из лиц солидных, счета которых в банке никогда не подводили.

Мать Шарля, урожденная Мари Мюге, принадлежала к богатейшему семейству Безансона. Один из ее братьев, Франсуа, сумел благодаря своему богатству приобрести дворянское звание, а после смерти оставить двухмиллионное состояние. Добродетельная госпожа Фурье была экономна и рачительна, помогала мужу в его коммерческих делах и занималась воспитанием детей.

Безансон был главным городом старинной провинции Франш-Конте, в прошлом — части герцогства Бургундского. Как память о старине в Безансоне сохранилось много построек римской эпохи и средневековья. Когда-то город окружала крепостная стена, теперь кое-где выглядывали только ее остатки.

К концу XVIII века, став крупным торговым центром и столицей богатой провинции Восточной Франции, Безансон начинает бурно развиваться и отстраиваться. Гордостью безансонцев стал великолепный театр, построенный в 70-х годах XVIII века талантливым архитектором Шарлем-Франсуа Леду.

Нравы безансонцев суровы. Их заботы сосредоточены вокруг материальных, будничных интересов. Патриархальный быт, жесткая провинциальная мораль, выдержанная в тонах традиционной религиозности. В семье Фурье царили строгие законы: заботы всех ее членов должны быть посвящены только коммерции, причем коммерции выгодной. Поэтому торговлю в магазине вели, как правило, сами члены семьи. Таким образом расчетливый господин Фурье экономил деньги на приказчиков, и, что самое важное, дети приобщались к занятию отца. Как только Шарль подрос, отец стал ежедневно брать его с собой в магазин. У прилавка, в атмосфере прозаических, сугубо меркантильных интересов, прошло его детство. Обмен беглыми новостями сводился только к подсчету убытков или бары-

* Дом Фурье был снесен в 1841 году. Фурьеристы потом на одной из картин восстановят его внешний вид и план комнат, где прошло детство мыслителя.

шей. Во всех этих разговорах чувствовалось презрение к бедным. Деньги... Прибыль.

Сколько потеряно или приобретено при закупке очередной партии сукна? Сколько потеряно на том, что подорожала перевозка грузов из-за плохих дорог? В Париж из Безансона товары поступают только на девятые сутки... За это время они семь раз облагаются таможенным сбором и дважды перегружаются. А сколько съедают внутренние таможни! Иногда товар, прошедший 4—5 миль, облагается пошлиной три раза: нужно заплатить мостовой, дорожный и транзитный сборы. Меры длины и веса свои на каждой почтовой станции. Порой они значительно различаются даже в пределах одного города, одной деревни. А провинция Франш-Конте благодаря обилию кордонов и таможен совершенно отрезана от смежных областей.

Шарль уже понимал, откуда в доме появлялось богатство. Товар продавали дороже, чем купили, или продавали тот товар, который уже никуда не годится. Через много лет, вспоминая свое детство, Фурье напишет: «Разоблачить все проделки торговой биржи и маклеров достойно подвигу Геракла. И вряд ли этот полубог, принимаясь за чистку конюшен, питал столько отвращения, сколько пришлось перенести мне, постоянно находясь в этой клоаке, в этом биржево-маклерском притоне. Я с шести лет воспитывался в меркантильных овчарнях. Там я уже в этом возрасте заметил контраст, царящий между торговлей и истиной».

На уроках катехизиса ему внушали, что лгать грешно, а дома и в магазине обучали «ремеслу лжи, или искусству продажи».

Его пытливые глаза следили за обычной сценой.

— Прекрасный материал! А цена! Ведь это даром!

Но Шарль-то видел, что любезный продавец, проводив покупателя к самому выходу, как только деньги были уплачены, и сказав: «До свидания, сударь», — моментально менял выражение лица. Мальчик-то знал, что это был далеко не превосходный товар.

«Возмущенный проделками и обманом, я отводил в сторону покупателей и открывал им это. Один был настолько неловок, что в пылу жалоб выдал меня, в результате чего я получил здоровую трепку. Мои родители,

видя, что у меня вкус к истине, воскликнули тоном упрека: «Этот ребенок совсем не годится для торговли!» И действительно, я почувствовал к ней тайное отвращение и в семь лет дал клятву, которую Аннибал произнес против Рима в девять лет: *я поклялся в вечной ненависти к торговле*».

Маленький Шарль с нетерпением ждал, когда ему разрешат уйти из магазина, и, не теряя ни минуты, бежал скорее в свою комнатку. Здесь его царство. Отсюда из окна он видел поутру, как над соседними домами открывается бесконечно голубой покров небес. В этом уголке он оставался один, чтобы помечтать. Его воображение могло представить любое событие, независимо от того, видел ли он его когда-либо в действительности или только слышал о нем краем уха. Шарль отличался чрезвычайной впечатлительностью и склонностью к безудержной фантазии.

Мамаша Фурье, не раз останавливая взгляд на задумавшемся любимце, говорила себе: не в отца сын. Тих, покорен, нрава кроткого и не по годам рассудителен. Да и здоровьем слаб этот почти неуклюжий от застенчивости ребенок. Ни на кого не похож из родных ни по линии отца, ни по линии матери.

Все карманные деньги мальчика уходили на покупку растений. Никто не знал, как он принес земли, но однажды его комната превратилась в оранжерею. Шарлю уход за цветами приносил большое удовольствие. Он заботливо выращивал каждый цветок, и гибель любого из них вызывала слезы. Когда однажды один из приятелей опрокинул горшок, Шарль пришел в такой гнев, что, забыв законы гостеприимства, набросился на гостя с кулаками.

Добропорядочная госпожа Фурье была ревнительно набожна. Она строго следила, чтобы члены семьи не пропускали ни одной службы. Посещение церкви, проповеди, бесконечные упоминания ада и рая глубоко потрясали нервного и впечатлительного ребенка. Хоры, заполненные детьми, девочки по одну, мальчики по другую сторону, длинные свечи в их руках казались пиками, наклоненными во всех направлениях.

Богатая фантазия рождала в голове мальчика самые

страшные картины загробной жизни и вечных мук грешников. Много лет спустя Фурье не без иронии будет вспоминать об этих преследовавших его видениях:

«Я был очень напуган горящими углями и кипящими котлами. Меня постоянно водили на разные исповеди и службы, и вот наконец, ошарашенный угрозами проповедников и кипящими котлами, не дававшими мне покоя по ночам, я решил покаяться в целой массе грехов, о которых и понятия никогда не имел, но которые, как мне казалось, мог совершить, сам не сознавая того. Я думал, что лучше приумножить свои грехи, чем опустить хоть один».

Конечно, все эти великие «прогрешения» были лишь плодом воображения, к тому же болезненно расстроенного непомерным бременем религиозных бдений. Мальчика всегда охватывало волнение, когда приступали к причастию.

Однако, когда священник услышал на исповеди от семилетнего Шарля, что в длинном ряду совершенных им грехов значится и симония *, он увидел в этом насмешку над собой. Удивленный и разгневанный исповедник строго выговорил Шарлю. Тогда мальчик прибавил к одной лжи другую.

— Мне приказали так исповедаться дома, — сказал он.

За эту очевидную ложь священник сделал еще один выговор. После исповеди Шарль поверил, что кюре действительно обладает сверхъестественной способностью читать мысли человека.

.

Шарлю было 9 лет, когда умер его отец. После смерти Фурье-старшего осталось 200 тысяч ливров. Из этого по тем временам богатого наследства на долю Шарля согласно завещанию досталось две пятых, то есть 80 тысяч ливров. До совершеннолетия Шарля его деньгами должна была распоряжаться мать.

Экономная и расчетливая госпожа Фурье требовала отчета от детей даже в мелких расходах. Покупка модной шляпки или ботинок старшим сестрам становилась событием в доме, которое долго обсуждалось. Все три сестры

* Симония — приобретение духовных должностей за деньги. Название происходит от имени Симона — мага, пытавшегося подкупить апостолов.

Фурье потом выйдут замуж, одна из них будет вести собственный магазин.

У Шарля, как единственного и любимого сына, в этом отношении были известные преимущества перед сестрами. В отличие от них он всегда располагал карманными деньгами, которые мог относительно свободно расходовать по своим вкусам. Кроме цветов, Шарль любил лакомства и так высоко ставил это удовольствие, что, когда умер кондитер, готовивший вкусные пирожки со сливами, мальчик написал в память о нем... оду. Впрочем, любовь к хорошей еде сохранилась у Фурье на всю жизнь.

Однажды сестры нашли его в маленьком садике, который находился во втором дворе, занятого дегустацией пирогов со сливами. Он поедал их по два, сложив один на другой. А когда девочки его упрекнули, что он с ними не поделился, Шарль ответил:

— Я хотел попробовать, изменится ли их вкус от того, что я их буду есть таким образом. Если бы не это, я, несомненно, дал бы их вам сию же минуту...

КОЛЛЕЖ

Поступление в местный общеобразовательный коллеж спасло Шарля от обязательного ежедневного присутствия в магазине. Коллежи тех лет, находясь в руках иезуитов, давали воспитанникам формальное классическое образование. Изучалось все — от родного и латинского языка до истории Рима, а главное, то, что никогда в жизни не пригодится.

Порицая французские коллежи тех лет, Дидро писал: «В течение 6—7 лет там изучают, не выучивая, два мертвых языка, которые полезны только небольшому числу граждан. Под именем риторики там учат искусству говорить прежде искусства мыслить; в логике растягивают на сотню непонятных страниц то, что можно ясно изложить на четырех: естественную историю, химию, астрономию и географию совершенно опускают».

И потому по окончании коллежа в общество выпускались толпы писцов, которые за 10 лет учебы получали во всех отраслях наук самый минимум знаний. Незаурядные способности и прекрасная память помогли Шарлю заметно превзойти по всем предметам своих одноклассников.

Его усердия не проходят даром: в числе образцовых учеников он не раз получает награды.

Известно, что в 1785 году в третьем классе ему вручены две первые премии за письменное сочинение по латинской поэзии. Уже в те годы в коллеже сложилась характерная для будущего творчества Фурье черта: не оставлять непонятным ни одного вопроса. Его стремление к научной, в частности к математической, точности сочеталось с увлечением поэзией. Он пишет стихи, большей частью сатирические.

Уже упомянутая ранее ода на смерть безансонского кондитера, сочиненная сластеной Шарлем, столь понравилась слушателям, что стала ходить по рукам. Когда она достигла преподавателей коллежа, те долго не могли поверить, что ее сочинил восьмилетний ученик.

Прослушав как-то советы преподавателя, который давал уроки рисования старшим сестрам, он вскоре преуспел в рисунке настолько, что поправлял их же работы. Учитель, увидев его наброски, не поверил, что Шарль — самоучка. Рисовал он больше цветы, собак, лежащих у ног своего хозяина.

Преподаватели коллежа, требовавшие учить все назубок, еще больше развили его память, ставшую поразительно обширной и точной. Раз услышанное или увиденное навсегда запечатлевалось в его сознании. Впоследствии друзья не раз изумлялись, когда слышали от Фурье, к примеру, абсолютно точное описание города, в котором он был всего один раз проездом.

К числу любимых предметов Шарля со временем прибавилась география, которая оттеснила на второй план все остальные. Теперь мальчик тратил свои не слишком большие средства не только на цветы и пирожки, а и на географические атласы и карты. Он мечтает о дальних странах. Правда, пока это путешествия по книгам и картам, которые открывают Шарлю мир. Он может часами вместе с автором странствовать по причудливым уголкам, и нужно только дать полную свободу воображению, чтобы представить все великолепие сверкающих водопадов, иссушенных пустынь, ослепительный блеск снежных просторов Севера.

Во время учебы в коллеже самым близким его другом стал Жан-Жак Ординер. Юноша не раз аккомпанировал

ему на гитаре, а Шарль, который мог бегло читать ноты с листа, пел свои любимые арии. Шарль обладал достаточно приятным голосом и хорошо владел им. Очень рано в детстве он научился играть на музыкальных инструментах. Притом не только освоил несколько инструментов, но и сочинял небольшие пьески.

Одна из его сестер, впоследствии мадам Клерк, вспоминает об этих годах:

«Он не был злым и дрался, только чтобы защитить своих товарищей. Иногда он возвращался весь разбитый и в полном беспорядке.

— Откуда ты пришел? — спрашивает мать. — Как ты выглядишь?

Шарль принимался объяснять, как ему пришлось вступиться за кого-то из друзей. Шарль не был сильным, но в горячности он был опасен».

В доме, где учитывался каждый франк, однажды выяснилось, что Шарль ежедневно отдает кому-то свои школьные завтраки. Узнав об этом, мамаша Фурье была весьма раздосадована. Всем стало ясно, почему Шарль по утрам задерживался в столовой: он выбирал самые большие из оставшихся куски булки, присоединял к ним ветчину и, завернув все в бумагу, уходил незамеченным.

Обнаружилось это позже и случайно, когда Шарль уже перестал посещать коллеж. В один из дней в магазин пришел мальчик, по его виду можно было понять, что этот бездомный ребенок живет подаяниями. Он был обеспокоен, не случилось ли чего с маленьким господином — он его не видел несколько дней. Услышав, что Шарль здоров, но больше ходить в коллеж не будет, мальчик заплакал — он лишился важного источника существования.

В последний год учебы в коллеже юный Шарль часто задумывался о будущем. Ему не хотелось заниматься торговлей. Однако среди взрослых было давно предрешено — ему, единственному сыну, следовало продолжать дело отца.

Об этом заблаговременно позаботился еще покойный Фурье-старший. В завещании он распорядился так, что треть состояния сын получит по достижении 20 лет, если будет заниматься торговлей; вторую — к 25 годам, если, занимаясь торговлей, женится; а последнюю треть —

к 30 годам. Впоследствии Фурье резко выступит против такого кабального «воспитания преемственности».

У Шарля свои планы. Он мечтает после окончания коллежа заняться точными науками, чтобы стать военным инженером. Он делает попытку поступить в специальную военную школу в Мезьере, но, так как в такие учебные заведения Франции еще со времен Людовика XIV принимали только детей дворян, ему в приеме отказали. Эдикт 1751 года требовал, чтобы поступавшие доказали предварительно свою принадлежность к дворянству в течение четырех поколений.

Шарль пытается уговорить мать приобрести документ о дворянстве. По рассказам он знал, что один из предков их семьи, Пьер Фурье, прозванный Монтакуром, по названию деревни, где он был кюре, канонизирован * папской буллой еще в 1650 году. Каково родство с этим Фурье, подлинно неизвестно, но сохранившиеся записки намекают, что отец Шарля был потомком одного из его сыновей.

Поражает портретное сходство (особенно лба и глаз) Шарля Фурье с этим кюре. Но так как для подтверждения родства требовались деньги, мамаша Фурье наотрез отказалась приобретать дворянское звание. Шарль просит мать отправить его в Париж, где он будет изучать логику и физику, но и с этой просьбой не посчитались.

Сохранилось любопытное письмо друга семьи — господина Мартинона из Парижа вдове Фурье:

«Париж. 21 октябрь 1785 года.

Мадам!

Я знаю, что Ваш сын хорошо учился, получал награды и Вы хотите отправить его в Париж, в тот коллеж, где учился племянник Мюге. Вам интересно знать мое мнение об этом. Большинство выпускников нашего коллежа стремятся после окончания заняться наукой и литературой. Во всех коллежах воспитанники в свободное время выходят на прогулки в сопровождении своих наставников. Здесь они заводят знакомства, и кто знает, все ли они хорошие. Я боюсь обратного — Париж — источник и добра и зла. Месье Феликс, занимаясь в Безансоне, приносил награды, а в Париже лишь повторил то, что сделал раньше. А по сочинениям он был одним из послед-

---

* Канонизировать — утвердить в качестве церковного канона, причислить к лику святых.

них. Если Ваш сын захотел бы сохранить свои успехи, ему нужно было бы повторить один класс, что отняло бы у него два года. Он выразил желание заниматься логикой и физикой. Это необязательно для торговца. Вы считаете, что у него есть вкус к коммерции. Я опасаюсь, что нет, я хочу Вам посоветовать не мешать сыну заниматься тем, что он хочет. Сделав выбор сам, он не будет Вас упрекать.

На Вашем месте я бы дал ему возможность заниматься гуманитарными науками в Безансоне. Позднее, если он пожелает заниматься философией, я бы подыскал ему человека, который обучал бы его основам логики, физики и математики в течение одного года. А в коллеже на это потребовалось бы три года.

Примите мои уверения
в уважении к Вам

Мартинон».

УЧЕНИЧЕСТВО В ТОРГОВОМ ДОМЕ

Отправляться в далекое путешествие было и тревожно и радостно. Шарль помнил рассказы отца о его поездке в Лион. А по книгам знал, что до сих пор там сохранились римские развалины, что целы даже гигантские акведуки и арочные мосты, сифоны с огромными свинцовыми трубами, которые поднимали когда-то воду на большую высоту. И что все это огромных размеров, сложено из неотесанных камней, а подогнано с удивительной точностью. Древние строители имели свои тайны.

Притих у окна дилижанса, когда показались два высоких холма — Круа-Рус и Фурвьер. Да, город красив. Перед юным путешественником предстала живописная панорама берегов Сены. А где-то там, на косе острова Барб, высится замок, где, говорят, еще Карл Великий принимал парад своего войска. За акведуками открывался великолепный вид на горы Швейцарии.

И можно представить отчаяние юного путешественника, когда экипаж остановился у дверей дома банкира Шерера. Так вот для чего эта затея... Значит, сговорились, привезли обманным путем и так хотят заставить торговать...

К вечеру Шарль бежал из Лиона, убеждая себя, что никогда не поддастся на уговоры матери. Дома выслушал неприятные укоры, через некоторое время согласился по-

ехать в Руан. Но ученичества в руанском торговом доме тоже не вынес и снова бежал. Однако, не видя выхода, не имея средств к существованию, юноша в конце концов должен был смириться, дав согласие заняться торговлей.

Через много лет, вспоминая о своей юности, он напишет: «...Я склонил шею под игом... потеряв свои лучшие годы во лжи, слыша со всех сторон прожужжавшее мне за это время уши зловещее предвещание: «Уж очень честен этот малый! Совсем не годится для торговли». И действительно, я был одурачен, ограблен во всем, что только ни предпринималось. Но если я нисколько не гожусь, чтобы заниматься торговлей, то вполне гожусь, чтобы разоблачить ее».

Правда, сохранились воспоминания Фурье, что перед тем, как отдать его на обучение в торговый дом, мать, видимо под впечатлением его школьных наград, отправила Шарля в Дижон, где он изучал риторику. Поэтому мы не знаем, был ли он свидетелем того, как в 1788 году восставшие безансонцы вышли на улицы города, а солдаты местного гарнизона отказались стрелять в народ.

Год 1789-й. Наступивший кризис всей феодально-абсолютистской системы Франции достиг крайней остроты. Отсталое сельское хозяйство, цеховой строй с его рутинной техникой и организацией труда в промышленности, разобщенность провинций, узость внутреннего рынка и крайняя бедность народа тормозили рост и развитие новых производительных сил страны.

Став самым богатым, экономически могущественным классом, но отстраненная от государственного руководства, буржуазия постоянно наталкивалась на ограничения, правительственный контроль. Жадно стремясь к власти, она надеялась в своих интересах по-новому устроить государство. Неограниченный феодальный гнет в деревне разорял крестьянские массы. Лишаясь имущества и крова, превращаясь в бродяг и нищих, крестьяне уходили в леса. В безысходном положении находились рабочие крупных городов страны.

Политика расточительных затрат привела государство к состоянию полного банкротства. Закрывались промышленные предприятия, свертывалось строительство, и доведенный до отчаяния народ брался за вилы и топоры. Вооружались целые деревни. Весной 1789 года мятежи

вспыхивали в разных концах страны. Народ требовал хлеба и установления доступных цен на продукты питания.

Взятие ненавистной и грозной крепости-тюрьмы Бастилии исполненными веры в свои силы восставшими парижанами подорвало основы старого режима. Это было начальным событием революции. Весть о ее победе в Париже эхом распространилась по всей Франции.

Факелами пылали помещичьи замки и усадьбы, крестьяне делили луга и леса, жгли кабальные бумаги, расправлялись с наиболее ненавистными помещиками. Дворяне, духовенство, состоятельные буржуа, охваченные страхом, бежали в Париж или за границу. В больших и малых городах восставшие создавали новые муниципалитеты. Почти одновременно поднялась городская беднота Лилля, Марселя, Тулона и Экса. В Страсбурге восставший народ два дня был хозяином города. Жители Руана и Шербура заставили спекулянтов распродать хлеб по сниженным ценам. В Труа народ захватил оружие и овладел ратушей. В апреле рабочие Сент-Антуанского предместья Парижа оказали мужественное сопротивление правительственным войскам. Много рабочих было убито.

Во всех городах королевства, как только туда доходила весть о событиях в Париже, восставший народ замещал старые власти новыми выборными органами — муниципалитетами. В них в большинстве случаев вошли именитые представители третьего сословия. Эта «муниципальная революция» в результате привела к власти буржуазию, которая использовала движение восставшего народа в своих интересах. В Лионе была организована буржуазная милиция. От своей победы народ ничего не выиграл. Не изменилось его положение и после того, как в августе 1789 года Учредительное собрание, приняв Декларацию прав человека и гражданина, торжественно провозгласило, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах». Принятием Декларации буржуазия надеялась успокоить народные массы. Но, являясь для своего времени документом большого революционного значения, Декларация узаконивала имущественное неравенство. Объявляя право частной собственности, буржуазия яростно защищала это право от народа.

Сотни мелких предприятий, занятых производством никому не нужных в эти дни предметов роскоши, закрывались, а на улицах городов оказывались толпы безра-

ботных. В деревне конфискованные земли были объявлены национальным имуществом и должны были быть реализованы для покрытия государственного долга. Крестьяне не могли раскупить земли, продаваемые большими участками. Распродажей национализированных земель воспользовалась буржуазия. Нехватка и рост дороговизны продуктов питания били в первую очередь по рабочим, ремесленникам, сельской бедноте.

В послании народному собранию из Кагора в сентябре 1790 года сообщалось: «В некоторых местностях народ снова начинает сажать «майские деревья», что является общим сигналом к восстаниям... в других местах воздвигаются виселицы для тех, кто будет собирать ренты...» Обеспокоенное правительство осенью 1790 года направило в мятежные местности войска и комиссаров, наделенных неограниченными полномочиями. Отряды национальной гвардии были встречены камнями.

Постановления Учредительного собрания не улучшили материального положения трудящихся масс. Волнения рабочих Парижа и провинций не прекращались. Они требовали сокращения рабочего дня и повышения заработной платы. В городах стал исчезать хлеб, появились голодные очереди. Вспыхнул бунт на Монмартре.

1790 год Шарль Фурье встречает в Париже, где начинает заниматься изучением юридических наук. Надо полагать, что не без расчета родственники, нарушив свои планы, разрешили Шарлю на протяжении почти полугода заниматься юриспруденцией. Современный торговец должен знать законы страны...

Попав впервые из провинции в столицу, Шарль, конечно, был поражен красотой города.

Сохранилось одно из его писем того времени. В нем он сообщает матери о впечатлениях, которые произвели на него архитектурные памятники столицы.

«8 января 1790 года.

Вы спрашиваете, пришелся ли мне по вкусу Париж. Без всякого сомнения. Он великолепен, и я был просто очарован, увидев Пале-Рояль. Первый раз кажется, что входишь в жилище фей. Здесь все есть, что только можно пожелать: прекрасные постройки, зрелища, места для прогулок, выставки мод — все, что душа просит... Можно

сказать, что это самое приятное место, какое только существует на свете».

Тридцать два года спустя он вспомнит, что именно в первую прогулку по Парижу под отвратительным впечатлением уродств Руана и Труа у него родился «план города, весьма отличного от наших». Этим открытием, уверял Фурье, он был обязан прогулке по бульвару Инвалидов и двум маленьким особнякам между улицами Акации и Н. Плюмэ. От улицы Н. Плюме, бульваром, пересекая мост Инвалидов, Елисейские поля, площадь Людовика XV, он доходил до улицы Риволи. Вот где изощрялась в строительстве своих особняков пришедшая к власти буржуазия!

Об уродстве архитектуры Руана по сравнению с Парижем Фурье впоследствии напишет матери. Кстати, по письмам этого периода мы можем судить, насколько Шарль зависел от нее. Он отчитывается в каждой мелочи, вплоть до 12 су, данных портье гостиницы, оправдывается дороговизной столичной жизни, обещает тратить не слишком много, быть экономным. Париж же полон соблазнов.

В Латинском квартале, в этом людном студенческом районе, он освоился быстро. Здесь, на бульваре Сен-Мишель, можно было с удовольствием порыться в книгах у букиниста. На библиотеку времени оставалось совсем немного.

Летом 1790 года Шарль Фурье — ученик в солидном торговом доме в Лионе, городе, откуда, как помним, он бежал два года назад. Он старается — уж если нет другого выхода — исполнять свои обязанности добросовестно и усердно. Лионский покровитель Шарля — купец Бускэ относится к нему очень тепло и в одном из писем к госпоже Фурье сообщает:

«Уверяю Вас, сударыня, что нет ничего равного доброму характеру Вашего сына, он деликатен, честен, образован. Во всех моих поездках он мне доставляет самое большое удовольствие».

Два года в лионском торговом доме были для юного Шарля прекрасной школой. Должность коммивояжера для молодого человека — знак большого доверия со стороны патрона. Это не только льстило, но и давало воз-

можность разъезжать по стране. При посещении всякого нового города он ничего не оставлял без внимания.

Участие во всевозможных торговых операциях давало прекрасный материал для раздумий. Шарль видел, что при всех политических переменах процветала, по его мнению, только торговля. После отмены в 1790 году внутренних таможен торговый капитал захватывал все новые и новые производства. В эти бурные годы торговцы извлекали барыши отовсюду: из конфискации имений, из всевозможных военных поставок — оружия, амуниции, хлеба. А главное, из непосильного, изнурительного труда рабочих.

Каждая поездка для Шарля становилась открытием.

Руан... Древний город на северо-западе Франции, столица старинной провинции Нормандии.

Город издавна был центром текстильного производства. Муслины и ситцы Руана знал весь мир. Его сукна и полотна отправлялись с давних пор даже на Антильские острова. Кровью и потом тружеников создавались эти богатства. Нищета народа в районах Руана толкала женщин, стариков, детей на труд почти неоплачиваемый. Эксплуатация не встречала никаких ограничений.

В этот приезд Шарль с интересом приглядывался к городу. О побеге из торгового дома вспоминал как о мальчишеском бунте, наивной попытке освободиться от давления семьи.

После Парижа Руан казался удивительно маленьким. Жизнь на улицах незаметна, лавочки наглухо закрыты. Но еще час-другой — и эта тишина будет нарушена. Днем он побывал на площади, где когда-то была сожжена Жанна д'Арк. Освободившись к вечеру от дел, осмотрел знаменитый Руанский собор. Вечерний город напоминал Лион. На бульваре также собираются коммерсанты, озабоченно толкуя о повышении или падении цен. В письме матери из Руана сухие строчки отчетов: столько-то уплатил за гостиницу, за питание; здесь жизнь намного дороже, чем в Лионе. В городе возникали «голодные» очереди.

С любовью отзывается о семье Кардонов, с которыми свел знакомство, и о заботе патрона, на службу к которому поступил. Однако остаться жить надолго в Руане не решился, и вскоре, предупредив хозяев, с утренним почтовым дилижансом он оставил город. Поначалу тащились медленно-медленно, почти шагом. Когда рассвело,

смог рассмотреть пассажиров. Два чиновника. Офицер. Торговец вином — плут с улицы Гран-Пон. Состояние нажил, конечно, продавая самое дрянное вино мелким торговцам.

Проголодавшийся Шарль с нетерпением ждал, когда впереди покажется какой-нибудь придорожный трактир и он сможет позавтракать. Наконец остановились возле харчевни, и ее владелец пригласил путешественников к себе. Яйца с зеленью и кусочек хлебца, носящий в Нормандии название «режанс», показались пищей богов.

И снова в путь. Шарль с облегчением представил, что, как только кончится эта бесконечная дорога, он снова сможет вернуться к своему столу, к своим книгам, конспектам.

В эти годы юноша настойчиво занимался самообразованием. Как только освобождался от торговых дел — брался за книги. Системы не было. Читал все, что попадало под руку. Последнее время выделял книги об истории техники, изобретениях, о развитии человечества. Делал первые выписки.

Когда Шарлю исполнилось 20 лет, согласно завещанию отца он получил наконец-то первую часть наследства — 42 932 ливра — и по требованию семьи открыл в Лионе самостоятельную торговлю колониальными товарами. Настойчивость родственников в данном случае ничем, кроме торгашеского упрямства, не объяснялась. Но время для коммерческой карьеры Шарля было не очень-то подходящее.

Революция подорвала экономику города. Эмиграция придворной знати и высшего духовенства снизила спрос на производство предметов роскоши. Никто не покупал теперь прославленные лионские шелка, золотое и серебряное шитье, роскошные шляпки. Людям, которым не хватало хлеба, не было особой нужды в перце, гвоздике и корице. В связи с восстанием в колониях из продажи пропали колониальные товары — сахар, чай, кофе. Народные массы требовали от Законодательного собрания установления твердых цен и обуздания произвола крупных оптовых торговцев и спекулянтов. В районе Нойона отряды крестьянской бедноты задержали баржи с зерном и часть распределили между собой, часть пустили по установленным ими ценам. Якобинцы старались успокоить общественное недовольство. Лионская торговая буржуазия враждебно встретила все перемены, ко-

торые принесла революция. Ее вполне устроила бы конституционная монархия, но уж никак не народовластие. Сторонники роялистов и жирондистов в Лионе открыто выступали против Конвента.

ГОД 1793-й...

В январе 1793 года в Париже был обезглавлен Людовик XVI. Не помог и святой Дени — покровитель королей Франции. По странной случайности этого святого изображали держащим в руках собственную голову. Казнь короля взбудоражила страну. Не только аристократы, но и буржуазия были объяты страхом. Народ же надеялся, что теперь наконец наступит пора давно обещанного благосостояния, но нищета и цены по-прежнему росли. Со сказочной быстротой, словно на дрожжах, разбухали кошельки спекулянтов. Это не могло не вызывать возмущения. Слышались требования применять смертную казнь для «наказания виновных», усовершенствовать полицейскую машину «общественной безопасности» и революционного суда.

Группа народных агитаторов, получившая от ненавидевших их жирондистов прозвище «бешеных», выражала интересы плебейско-пролетарских слоев. Она выступала за коммунизацию и национализацию торговли, необходимость организации обмена по всей Франции продуктами по стоимости их производства. Однако дальше «дележки всех благ поровну», уравнения собственности «бешеные» не пошли. Они были против гнета и эксплуатации, но не стремились уничтожить частную собственность.

Идеологи «бешеных» рабочий Варле и бывший священник из парижской церкви Николая на Полях Жак Ру, Теофил Леклерк, Клерк Лакомб понимали, что недостаточно обеспечить каждому «право на труд» или «право на землю», что следует в первую очередь ликвидировать коммерческую эксплуатацию, средством для чего и считали обобществление торговли.

«Нет большего преступления, чем наживаться за счет народных бедствий», — справедливо утверждал Жак Ру.

Несмотря на то, что якобинская революционно-демократическая диктатура старалась пресечь спекуляцию с помощью штрафов, продовольственное положение в стране продолжало обостряться. Усугубляло последствия продовольственного кризиса и обесценение ассигната. Бумаж-

ные деньги после казни короля обесценились и едва достигали 30 процентов своей номинальной стоимости.

Выступая с критикой якобинского правительства, «бешеные» упрекали Конвент в бездеятельности. Они требовали введения смертной казни для спекулянтов, усиления революционного террора. Их требования ввести всеобщий максимум (то есть установить твердые предельные цены на продукты) и террор против скупщиков все чаще повторялись в петициях и решениях народных обществ, на улице — в очередях у хлебных лавок. 8 июня 1793 года в Генеральном совете Коммуны Варле зачитал свою торжественную декларацию прав человека о социальном состоянии, в которой требовал справедливыми мерами уничтожить неравенство. Он призывал национализировать все богатства, нажитые путем спекуляции, скупки товаров и воровства. А 25-го в Конвенте Жак Ру огласил петицию, в которой спрашивал у Конвента, какие меры приняты против спекулянтов и скупщиков. «Мы заявляем Вам, что Вы не сделали всего, что необходимо для счастья народа. Свобода — это призрак, когда один класс людей может морить голодом другой, равенство — когда богатый распоряжается жизнью себе подобных, республика — когда допускается взвинчивание цен. Если Вы не примете меры, то Ваши декреты осуществят санкюлоты». И действительно, простой народ, санкюлоты встали на защиту справедливости. На следующий день во всех парижских речных портах вспыхнули «мыльные бунты»: три дня прачки разгружали суда и делили между собой мыло, предварительно установив на него цены.

Агитация «бешеных» имела решительный успех не только среди бедноты Парижа, но и отчасти Лиона.

Впоследствии к идее обобществления торговли придет и Шарль Фурье. Это, конечно, не значит, что именно «бешеные» как-то повлияли на его взгляды. Экономические и социальные взгляды Жака Ру и Варле слишком мало в чем соприкасались со взглядами Шарля Фурье, но они жили в одно время и не могли не думать о наболевших вопросах своей эпохи.

Летом 1793 года существование республики было поставлено под угрозу. В связи с войной резко ухудшилось экономическое ее положение. Неприятель занял пограничные районы. Созданная огромная армия требовала непре-

рывного снабжения. Расходы на войну все росли. Обычные хозяйственные связи были нарушены, сократилась торговля. Экономический и продовольственный кризис углублялся. У булочных за жалкой порцией хлеба ночами выстраивались длинные очереди. Дороговизна, голод, издержки войны ложились на плечи народа.

Придя к власти в самый критический момент для республики, якобинцы проявили неистощимую энергию. Вождь якобинского революционного правительства Максимилиан Робеспьер был беспощаден к врагам революции. Конвент вводил смертную казнь за спекуляцию, скупку и сокрытие предметов потребления. Имущество врагов республики подлежало конфискации. С неограниченными полномочиями для установления революционного порядка Конвент направил по департаментам своих комиссаров. Террор Конвента против экономической контрреволюции привел к возникновению заговоров. Политикой массового террора, которая обрушилась не только на спекулянтов и контрреволюционеров, но и на любого «подозрительного», были недовольны широкие слои буржуазии, крестьянства и плебейства городов. Одновременно с наступлением интервентов на Париж повсеместно по стране голову подняла контрреволюция. К середине лета 60 департаментов из 83 были охвачены контрреволюционными мятежами.

Лионский мятеж — одна из самых кровавых страниц в истории французской революции. В защиту революционных завоеваний против реакции здесь выступили пролетарии. Их возглавил расстрига-священник и бывший купец Шалье. Этот трогательный фантазер, когда пала Бастилия, привез в Лион камень из стены крепости-тюрьмы, чтобы сделать из него алтарь.

В период войны департамент Роны и Луары, и город Лион в особенности, приобрел важное стратегическое значение для обороны республики. Торговый Лион с множеством магазинов и складов был основной базой снабжения армии страны и одной из главных преград для неприятельских войск на юге Франции. Но городская буржуазия, потеряв во время революции и войны возможность выгодно сбывать свои товары, была настроена контрреволюционно и все дальнейшие преобразования Конвента встречала с раздражением. К началу 1793 года Лион стал прибежищем всей контрреволюции юга. Узнав об изгнании из Конвента жирондистов, а также о волне

мятежей в других департаментах, лионские роялисты готовились открыто выступить против местной власти.

В ноябре 1792 года два специально присланных депутата сообщали Конвенту о крайне тягостном положении города. «Вот уже два месяца, — писал один из них, — как громадный город, терзаемый бичом голода, находится во власти тяжелых смут... Упадок мануфактур, 30 тысяч безработных рабочих, дороговизна хлеба... Департамент напрасно пытался достать продовольствие».

Попытка Конвента вывести город из кризиса оказалась только на пользу контрреволюции. Поводом к мятежу послужило постановление администрации города о наборе в армию 6 тысяч человек, часть которых необходимо было направить в Вандею на подавление контрреволюционного мятежа. Тем же постановлением вводился принудительный беспроцентный заем у богатых коммерсантов на 6 миллионов франков и изгонялись из города все приезжие. Эти решительные меры аристократы и крупные буржуа использовали в своих интересах.

Началом мятежа стал разгром уличными толпами склада — поставщика масла для революционной армии и захват арсенала. 29 мая жирондисты изгнали из ратуши якобинцев и захватили власть. Против мэра Лионской коммуны Жозефа Шалье, вождя якобинцев, защитника санкюлотов и бедноты, был направлен первый удар реакции. Над его шеей трижды опускался, не отсекая головы, неопробованный инструмент террора — нож гильотины, долго до этого простоявший в сарае. 16 июля Шалье был казнен.

Мятеж в Лионе серьезно угрожал республике. В августе к городу были стянуты правительственные войска, но на требование о его сдаче ответа не последовало. По истечении срока ультиматума на город посыпались бомбы и каленые ядра. Начались пожары. Женщины и дети стали покидать Лион, а все мужчины города были мобилизованы в войска обороны. Осада Лиона затянулась до октября. Два месяца упорствовали осажденные.

В бурные события торжества контрреволюции в Лионе невольно оказался вовлечен и Шарль. Местные власти реквизировали в лавке молодого купца Фурье даже тюки с хлопком, которые пошли на сооружение баррикад, а сам хозяин лавки был мобилизован в войска мятежников. По приказу роялиста Преси и графа Вирье, стоявших во главе обороны, каждый день проводились вылазки, стоив-

шие многих жертв и осаждающим и осажденным. Во время одной из таких вылазок Фурье едва не погиб. Для подавления мятежного Лиона Конвент отправил своих виднейших членов — Кутона, Колло д'Эрбуа, Дюбуа-Крансе, Фуше и других, наделив их неограниченными полномочиями.

8 октября, исчерпав все средства к обороне, Лион капитулировал. Конвент принимает декрет, по которому создает «чрезвычайную комиссию из пяти членов, чтобы немедленно наказать лионскую контрреволюцию по законам военного времени». Жителям Лиона предложено «сдать свое оружие защитникам революции». Город должен быть разрушен, все дома, где жили состоятельные люди, — уничтожены. Сохранить только те дома, в которых могла бы расселиться беднота. Чтобы стереть всякую память о мятеже, Конвент предписал: «название Лион вычеркнуть из списка городов республики», назвать его Виль-Афроши (Освобожденный город), а «на развалинах Лиона возвести колонну, которая будет вещать грядущим поколениям о преступлениях роялистского города следующей надписью: «Лион боролся против свободы — Лиона больше нет».

Осуществляя этот приговор, уполномоченные Конвента начали бессмысленную и жестокую расправу с мятежниками. Поля Бретто пропитались кровью сотен расстрелянных. Город был превращен в груду развалин и пепла.

С вступлением войск Конвента в город Шарль Фурье был арестован. В одном из автобиографических отрывков он впоследствии писал: «Каждый из нас, чтобы спасти себя, не задумывался лгать революционному комитету. Что касается меня, то в один день я обманул три раза комитет и тех, кто у меня делал обыск. В один день я три раза избежал гильотины и думаю, что поступил хорошо, как бы о том ни судили господа моралисты». Фурье был освобожден, но через несколько дней вновь арестован. На сей раз откупился карманными часами и большой коллекцией игральных карт, которой очень дорожил. Здраво рассудив, что в третий раз искушать судьбу не стоит, Шарль поспешил бежать из Лиона в Безансон.

Родной город встретил его неприветливо: местная полиция нашла, что бумаги Фурье не в порядке, и он впредь до рассмотрения своего дела был водворен в тюрьму. Не желая огорчать семью, он никому не дал знать о своем возвращении в город.

Конечно, весть об аресте Шарля в конце концов достигла семьи Фурье, и только через посредничество шурина, который оказался членом безансонского революционного комитета, он был вскоре освобожден.

Лионский мятеж заставил Фурье многое перечувствовать. К тому же он был совершенно разорен. Свое разорение он перенес спокойно, и впоследствии его ученики никогда не слышали от него даже упоминания, что он когда-то был зажиточным торговцем. На этом завершилось «участие» Шарля Фурье в событиях лионской контрреволюции.

Освободившись из безансонской тюрьмы, Фурье не смог никуда выехать. 10 июня 1794 года он был зачислен в действующую армию и стал служить рядовым в 8-м полку конных егерей.

Еще осенью 1793 года, когда Франция переживала трудные времена, энергичными мерами якобинского правительства армия была превращена в грозную боевую силу.

23 августа по предложению Комитета общественного спасения Конвент принял декрет о массовом призыве в армию. Статья 1 декрета гласила: «С настоящего момента и до тех пор, пока враги не будут изгнаны за пределы республики, все французы объявляются в состоянии постоянной реквизиции». На поле битвы призывалась молодежь, женатым поручалось изготовление оборонительных сооружений, перевоз снабжения и продовольствия. Женщины шили палатки, обмундирование, обслуживали госпитали. Даже старики были в рядах борцов, чтобы возбуждать мужество, разжигать ненависть к королям и проповедовать единство республики. Дома превращались в казармы, общественные места и клубы — в оружейные мастерские.

Первый набор был проведен в кратчайший срок и дал республике 520 тысяч бойцов. Оставшиеся вне призыва работали в оружейных мастерских, добывали селитру для пороха. На дверях многих домов появились надписи: «Живущие в этом доме граждане поставили свою долю селитры для уничтожения тиранов». Установление обязательной для всех воинской повинности имело громадное моральное значение. Рекруты сознавали, что на них лежит обязанность спасти отечество. Героический порыв

охватил страну. Военные комиссары Карно и Дюкенуа смогли очистить ее от контрреволюционных элементов, одеть и обуть солдат, обучить только что набранных добровольцев. К руководству армией приходят совершенно неизвестные до того люди: сын трактирщика Мюрат, сын смотрителя королевской псарни Гош, юнга и бывший контрабандист Массена, крестьянин Лан и другие. Это были командиры, беззаветно преданные делу революции. В армии установились новые порядки, сознательная дисциплина, новая тактика. Солдаты принимали участие в политической жизни нации: они получали газеты, спорили, посылали письма клубам и народным обществам, обращались с петициями к офицерам и в Конвент.

Декрет об установлении твердых цен и введение карточек на хлеб и основные продукты, введение смертной казни за укрывательство продуктов и спекуляцию — эти меры спасти народ от голода сказались немедленно на военной ситуации. Воодушевленная революционными преобразованиями, французская армия начиная с осени 1793 года одерживала одну победу за другой, пока не изгнала интервентов за пределы страны.

Сто с лишним лет спустя Ленин, объясняя эти события, скажет: «Побежденный феодализм, упроченная буржуазная свобода, сытый крестьянин против феодальных стран — вот экономическая основа «чудес» 1792—1793 годов в военной области» *.

Шарль Фурье оказался в рядах революционной армии, в то время когда территория Франции была окончательно освобождена и все дальнейшие боевые операции велись за ее рубежами.

Служба Шарля продолжалась недолго, и через полтора года, 23 января 1796 года, он был уволен по состоянию здоровья. Среди сослуживцев молодой человек приобрел репутацию преданного, честного и смелого солдата. Сохранился документ, который свидетельствует, что Шарль Фурье «вел себя во время службы с честью». Документ составлен в Везуле, и его заверил комиссар чрезвычайной директории при муниципальной администрации Безансона Буржен.

Шарль Фурье на всю жизнь сохранит любовь к ар-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 35, с. 346.

мейским формам, парадам, к точности. И через много лет, к удивлению прохожих, он будет следовать по улицам за полком солдат, самозабвенно наблюдать военные маневры и грандиозные парады. Создавая разнообразные планы устройства общества будущего, он возьмет много слов из армейского лексикона: генеральный штаб, младший штаб, смешанный штаб, администрация и т. д. Из этого же лексикона и самое главное слово его утопических сочинений — *фаланга.*

Но и после увольнения Фурье сохранил желание служить республиканской армии: он представил Директории проект реорганизации снабжения армии и план ее быстрого перехода через Альпы в Италию. Этот план был принят.

В июне 1796 года он получил письмо от члена Директории генерала Карно. «Организатор побед» республики, замечательный математик в обтекаемых тонах поблагодарил господина Фурье за замечания по поводу предлагаемой системы организации французской армии и ее снабжения. Столь корректный ответ расхолодил Фурье и остановил от отправки очередного, уже подготовленного проекта.

Глава II

ШКОЛА ЖИЗНИ

Спустя три года после подавления мятежа Шарль снова оказался в Лионе. После освобождения из армии он побывал в Безансоне, Бордо и Марселе. Рассчитывая обосноваться в Руане, вновь поступил на службу в богатый торговый дом Бускэ, но место оказалось временным, и он вернулся в Лион, связав отныне с этим городом бóльшую часть своей жизни. Отсюда он уезжал в города Франции, Германии и Нидерландов, сюда возвращался, здесь сопоставлял, анализировал...

Быстро восстановленный после событий 1793 года промышленный Лион, казалось, ничего не помнил о своем недавнем унижении... Это был единственный, кроме Парижа, город страны с населением свыше ста тысяч, крупный торговый и промышленный центр. Лионские купцы широко торговали железом, тканями, хлебом, вином. По Роне и Соне сюда везли вина и хлеб из Бургундии, сахар, пряности и колониальные товары из Марселя. Восемьдесят оптовых домов по торговле пряностями совершали сделки на миллионы франков.

Огромные торговые обороты превратили Лион в крупнейший финансовый центр страны, в город банкиров и маклеров. Европейскую славу ему принесли знаменитые шелка. Лионское производство представляло в то время типичный образец капиталистической рассеянной мануфактуры, где четыреста хозяев-купцов держали в своих руках тысячи рабочих — мастеров, подмастерьев, учеников. Лион сосредоточил в себе все социальные контрасты и антагонизмы общества.

Лион стал школой жизни мыслителя.

С вершины холма Круа-Рус можно обозреть весь город. На вытянутом полуострове между Роной и Соной видны колокольни крыши центральных кварталов.

У улицы Мерсьер другое лицо. Здесь крепко обосновалась мелкая буржуазия: коробейники, торговцы зеле-

нью и молоком... Лионский базар розничной торговли почти ничем не изменился со времен короля Франциска I, разве что видом некоторых товаров. А характер торговли тот же, торгуют даже в жилищах. В 10 часов вечера на улице Мерсьер не видно ни одного освещенного окна. Можно подумать, что жители вымерли — они легли пораньше спать, чтобы не потерять ни одного сантима в утренние часы торговли ситцами и коленкорами, фигурками католических святых, овощами и прочей снедью. Они всегда жили не нуждаясь, хотя и без роскоши, однако критическая зима 1795/96 года изменила и их положение. Они все чаще страдают от роста цен и угрозы попасть в зависимость к крупным предпринимателям.

«Лишь зажиточный класс может пользоваться жизнью в настоящий момент, а трудящиеся находятся в крайней нужде»; ремесленники и рабочие «видят все меньше соответствия между плодами своего труда и своими повседневными потребностями»; «отчаяние и горе достигли высшего предела» — такого рода заявления приводились в эти месяцы почти в каждом полицейском донесении.

Из года в год Фурье открывал для себя Лион. Ни в одном городе страны, даже в Париже, социальные противоречия не выражались так остро, как здесь. Систематическое недоедание, каторжный труд, ужасы безработицы, непроходящие болезни и преждевременная смерть — вот удел лионских тружеников. Их семьи ютятся в жалком и скученном квартале Сен-Жорж. Во дворики их домов никогда не заглядывает солнце.

Шарль не раз бывал в рабочих хижинах Лиона, где, казалось, сутками не прекращалось назойливое жужжание ткацких станков, изготовляющих различные сорта прославленного лионского шелка. В старой мастерской, чаще в небольшой комнатке поставлено пять-шесть ручных станков, на которых работают сам ткач, его жена, дети и двое-трое наемных рабочих. Они пришли из деревни, надеясь за сезон хоть как-то поправить свое хозяйство. К станкам становились в пять утра и трудились до поздней ночи — известно давно, что рабочий день лионского ткача на три часа больше, чем французского каторжника. И все же семье едва хватало средств, чтобы прокормиться: расценки оптовых торговцев, скупающих ткани, мизерны.

Спекуляции, кризисы и банкротства, разгул реакции, изнурительный труд и нужда обостряли недовольство народных масс. Антинародная политика термидорианского Конвента, а затем Директории, вызвала в стране революционный заговор, во главе которого стал Бабёф.

Выходец из провинциальной мелкобуржуазной семьи Франсуа-Ноэль Бабёф до революции работал землемером, а затем занимался составлением описей имуществ. Еще в те годы он был занят вопросом о возможности передачи земельной собственности народу, выдвигая вопрос о создании сельскохозяйственных ассоциаций. Его проект «коллективных ферм» предусматривал совместное владение землей, инвентарем и доходом. Такое владение «сплачивало бы, — по его словам, — несколько мелких бедных хозяйств, высвободило бы их из весьма непрочного положения...». Такие общины, по его проекту, должны были привести к изобилию. Он мечтает о том времени, когда «хижина не будет угрожать хижине и замок может быть в полной безопасности; не будет больше воров, не будет поджигателей, не будет больше виселиц и палачей...».

С первых дней примкнув к революции, Бабёф защищал идею уравнительного перераспределения земли. «Все люди, — говорил он, — имеют право на счастье, и целью их соединения в обществе является обеспечение каждому из них достаточных средств к существованию...»

Все эти годы он выступает с проектом ликвидации частной собственности на землю, с предложением переустройства общества.

Близкий к нуждам народных масс, Гракх Бабёф (в 1789 году он принял имя древнеримского трибуна Кая Гракха — сторонника наделения крестьян землей) решительно критиковал Конвент за ухудшение продовольственного положения в стране. Это он выступил со страстным призывом к восстанию в тяжелые месяцы зимы 1794/95 года: «Когда вы довели нас до того, что мы не можем достать ни хлеба, ни дров, ни одежды, когда вы вызвали чудовищно высокие цены, недостаток всего и лишили нас возможности найти работу... когда вы нарушили все права народа, у нас остается один священный и неприкосновенный долг... это восстание». Арестованный за антиправительственную политику, весной 1795 года в Аррасской тюрьме он составил проект «Манифеста плебеев», в котором призывал уничтожить частную собствен-

ность. Действуя нелегально, бабувисты готовили вооруженное восстание и свержение Директории.

То, чего не дала французская революция — неограниченное равенство, счастье, просвещение и уверенность в завтрашнем дне, — обещала народу «Тайная директория», вошедшая в историю под названием «Заговор во имя равенства». Бабувисты обещали раздать голодающим продукты и одежду, заселить бедняков в дома богачей. Их программа была уравнительской, но это была первая попытка связать революционную борьбу широких масс с идеями коммунизма.

В мае 1796 года Бабёф, к тому времени уже находившийся на свободе, и его друзья были арестованы: провокатор — офицер Гризель, пробравшись в их ряды, выдал все сведения о подготовке восстания и участниках движения. Известие о том, как заговорщиков в железных клетках везли в небольшой городок Вандом и как с ними расправились, достигло Лиона. Здесь также действовала тайная организация бабувистов. Авторитет правительства Директории, которое пыталось силою оружия укрепить свои позиции, падал.

Проект «аграрного закона», выдвинутый Бабёфом, был великим приближением к «совершенному» равенству. В этом сказывался его утопизм. Раздел общинных земель, конфискация сеньориальной собственности, раздача всех дворянских и церковных земель в «долгосрочную аренду» приведут не к «равенству без обмана», а, наоборот, к бурному расцвету капиталистических отношений — этого, конечно, Бабёф не понимал и не предвидел. Но в условиях революционной ломки феодального землевладения такая возможность вполне соответствовала интересам тех социальных групп, которые он представлял.

В своем плане установления полного социального равенства Бабёф рассматривает и вопрос о женском равноправии. В одном из его июньских писем 1786 года содержатся блестящие страницы, посвященные необходимости уравнения в правах женщин и мужчин, близкие по духу к будущим высказываниям Шарля Фурье. Подчиненное положение женщины Бабёф считал самой гнусной несправедливостью современного общества.

...По торговым делам фирмы Шарль побывал еще раз в Безансоне и, возвратившись в Лион, для себя отметил, что в этих двух городах, как нигде, торжествовала контр-

революция. И как пресса ни трубила о «процветании Франции», было очевидно, что «свобода труда» бросила труженика на произвол хозяев и хищников-спекулянтов. Нужду народа, безработицу и спекуляцию никакими лозунгами прикрыть было невозможно.

Шарлю приходилось все чаще видеть на лионских улицах толпы безработных. Эти несчастные в лохмотьях и без башмаков подбирали отбросы в кучах мусора. У церкви, театра или магазина — всюду нищие. Они рады полуфранку, за который можно купить ломоть хлеба или горсть гороха.

В кафе или залах торгового дома можно было услышать жалобы чиновников: цены на дрова повысились, торговцы продают мясо, не считаясь с таксой... среднему служащему хватает жалованья, чтобы прокормить семью, всего лишь на один-два дня... торговцы перестали давать в кредит, всюду нужна звонкая монета... Участились сообщения о грабежах.

Шарль понимал, что только голод заставляет служащего, разорившегося рантье или безработного ткача выходить грабить на большую дорогу. Газеты писали о самоубийствах. Кризис не обошел и торговый дом, в котором служил Шарль. Он видел, что магазины завалены редкими и ценными товарами, но они недоступны народу. В то же время кучка лионской торговой буржуазии купалась в роскоши, скупала бриллианты и особняки.

Картины тяжелого положения тружеников Лиона послужили Фурье основой для таблицы несчастий пролетариата, которую он составил через много лет. По его словам, этот класс один несет бремя всех повинностей, которых не знает богач, один вынужден заниматься ненавистным трудом. Этот пролетарий наживает болезни, увечится на опасных работах, медленно умирает в плохих больницах. Если его сын идет в армию, то сын богача откупается. Сети богача неизбежно впутывают в проституцию жену и дочь бедняка. Он лишен судебной защиты.

Фурье делает свои первые заключения: существующее положение вещей никогда не обеспечит трудящемуся человеку счастья. Нужно изобилие продуктов — тогда только не будет голодных. Там, где каждый печется лишь о своей выгоде, это невозможно. Может быть, людей объединит и увеличит количество продуктов совместный труд?

Что, если ассоциация изменит положение человека в обществе?

Об ассоциации он уже наслышан. На родине, в провинции Франш-Конте, до сих пор существуют крестьянские ассоциации по изготовлению сыра. Эти общественные сыроварни — «артельные сырни» — принадлежат чаще всего беднякам, крестьянам с предгорий, которые сообща содержат коров и делят доход между собой. Они совместно нанимают сыровара, который по три раза в день принимает от них молоко и отмечает зарубками, сколько у кого принял. Сыра при такой организации изготовляют больше, занимаются этим реже, а труда затрачивается меньше. Но это объединение только производственное. Нужно решать вопрос так, чтобы изменить весь уклад жизни человека.

В Нидерландах, Германии, на севере Франции, где молодому коммивояжеру удалось побывать по торговым делам за эти годы, он видел, что люди сами создают общины по опыту моравских.

О «Моравских братьях» писал еще в 1755 году парижский «Экономический журнал», и вскоре эта статья появилась в знаменитой «Энциклопедии». В ней рассказывалось, что в созданной общине все вместе трудятся, живут в общих домах. Совместная закупка дров и муки, общая касса, ссуды нуждающимся, совместный досуг... Занимаются тем делом, которое по вкусу. Фурье также знал, что еще пять подобных общин создано в Саксонии, семь в Пруссии, три в Нидерландах. А если создать такие объединения и во Франции? Но кем будет управляться такое общество? Изменится ли положение тружеников, если у власти снова будут стоять богачи?

Возвратившись в Лион после одной из поездок, Шарль стал свидетелем очередного волнения ткачей. Вооруженное столкновение было предотвращено выступлением мирового судьи господина Ланжа, который, чтобы уничтожить спекуляцию продуктами — причину волнения, предложил создать для хранения продовольствия кооперативные амбары.

Франсуа-Жозеф Ланж с идеей кооперативных объединений выступал еще задолго до революции. В 1789 году он предлагал создать «амбары изобилия» — один общественный склад продуктов на каждые 100 семей, а учреж-

денные национальные компании общественных поставщиков будут снабжать эти склады продуктами. Со своими мерами предотвращения в стране недовольства масс и спекуляции Ланж обращался в Учредительное собрание. В трагические дни 1792 года он предлагал план спасения Франции от опасности голода.

В Лионе, в типографии Луи Кютти, были напечатаны его «Жалобы и представления пассивного гражданина гражданам активным», в которых он гневно обрушился на законы, установленные буржуазией, держащие в рабстве наемных рабочих.

В своих последних планах Ланж предлагал пристроить к «амбарам изобилия» залы для собраний, а также школу и больницу, построенные по единому плану. Он весь в мечтах об общей гармонии и уверен, что только с созданием системы ассоциаций революция пойдет по правильному пути.

Исследователи наследия Фурье будут находить, что его взгляды очень близки к проектам Ланжа. Лионский мировой судья мечтал, что в обществе с введением ассоциаций исчезнет нужда, будут освоены бесплодные земли, осушены болота и во Франции наступит земной рай. Система Ланжа для Фурье не прошла незамеченной.

Попытка создать кооперацию в Лионе возникала не впервые. Крайняя нужда заставляла рабочих организовать коллективную закупку продуктов.

Давно, еще в 30-е годы, «братья-портные» на общие средства приобрели дом, где устроили мастерские. В протоколе Генерального совета Коммуны еще в ноябре 1792 года записано, что «большое число горожан улицы Тюпен объединились для совместной закупки каменного угля», чтобы освободиться от посредников, которые чинят помехи в снабжении города топливом.

В начале 80-х годов существовало несколько объединений ремесленников и в Париже. Общество «братьев-портных» на улице Гранд-Трюандери, объединив свой капитал, активно помогало беднякам.

В революционный 1792 год в коммуне Эпинней (департамент Шер) крестьяне бурно обсуждали афишу местного священника Пти-Жана, который призывал граждан села «добровольно отказаться от всей своей собственности» и установить общее владение имуществом. Беседы Пти-

Жана с крестьянами и его воскресные проповеди окончились тем, что вооруженные крестьяне попытались захватить землю своего патрона и оказали сопротивление жандармам и национальным гвардейцам.

Весной 1796 года некий Летэ из Лоня обратился к «почтенным членам французского правительства» с планом коренной реформы общества, которое необходимо построить «на основе порядка, основанного на всеобщей выгоде». Он предлагал создать коммуну Лонь, где будут совместные кухни и магазины, все будут жить в согласии и трудиться в общественных производственных мастерских.

В этом же году лондонский сборник «Британская библиотека» поместил статью Бенжамена Томпсона, более известного под именем Румфорда, в которой говорилось о выгоде создания «экономического предприятия» по опыту организованного в Мюнхене рабочего дома для нищенствующих. Он предлагал имущим собрать по подписке нужную сумму и построить специальное здание, организовать публичную кухню, где отпускать бедным обеды, и предоставить им работу. Такой дом, конечно, не ассоциация, но Фурье впоследствии не раз будет ссылаться на этот опыт в своих трудах.

Во Франции второй половины XVIII века подобных проектов также было немало, но Шарлю Фурье было известно далеко не о всех из них.

В Национальном архиве в Париже на века остались пылиться папки различных проектов: как лучше наладить порядок в республиканской Франции, какую создать административную структуру, как организовать труд и распределение продуктов труда среди населения. Эти петиции, обращения, проекты, представленные правительству Директории, были отражением чаяния народа осуществить лозунг революции: «Свобода, Равенство и Братство».

Во французской литературе еще за сто лет до революции появились описания идеального общества будущего. Мечтой Гаспара Борье в его утопическом романе «Ученик природы» стал «остров мира». Как и в «Утопии» Томаса Мора, здесь все равны, нет бедных и богатых, узаконен коллективный труд в мастерских, осуществляется общественное воспитание детей и молодежи в особых домах-

школах... Задолго до революции Борье опубликовал свой проект сельскохозяйственной ассоциации, и до конца жизни престарелый писатель с жаром ратовал за его осуществление.

Утопические сочинения социальных мыслителей XVIII века Мабли и Морелли, Жана Мелье и в особенности Вераса д'Алле «История Севарамбов» не могли не заинтересовать юного Шарля Фурье. В романе Вераса описывалось некое государство севарамбов, созданное где-то на Австралийском континенте, организованное как идеальное общественное устройство.

У Вераса Фурье отметил описания строений, в каждом из которых могли совместно жить более ста человек. Во внутреннем дворе квадратного четырехэтажного здания благоухают цветники и искрятся фонтаны. Города в стране севарамбов состоят из товариществ для работы в какой-либо отрасли, это объединенные группы женщин и мужчин, живущих в одном здании, называемом осмазией. Каждый город состоит из определенного числа товариществ. Каждая осмазия занимается своим производством, у нее свои склады и магазины.

Видимо, Фурье в те годы был под большим впечатлением этого автора. Известно, что Шарль как-то даже зарисовал дом, занимаемый осмазией, точно определив размеры постройки, пометив, что каждая стена должна иметь в длину 50 шагов...

БОРДО, ЛИОН, ПАРИЖ, МАРСЕЛЬ...

Очередная командировка в Бордо нарушала все его планы: закупка новой партии товаров заставила отложить надежды на поездку в Париж.

Бордо испокон был Меккой крупных купцов и мошенников. Сюда стекались колониальные товары, казалось, со всего мира. Только что отстроенные роскошные особняки придавали городу щеголеватый вид — торговая верхушка наверстывала упущенное во время революции. Прогуливаясь по городу, Шарль заглянул в порт. У ворот унылая толпа желающих получить хоть какую-нибудь работу. Разгружали суда с сахаром, кофе, какао, а пустые трюмы загружали бочками французских вин.

Шарль наметанным глазом оценивает каждую новую деталь в облике города. Более того, в его поле зрения в течение нескольких последних лет — целая группа горо-

дов. Мысли его заняты одновременно множеством проектов, планов. Еще в прошлом году он отправил письмо на имя министра иностранных дел, предлагая введение новой системы «обмена и компенсаций», которую считал необходимой включить в мирные договоры, заключаемые Францией с другими державами. Сейчас уже май 1797 года, а ответа нет. Полгода назад послал в Париж описание опытов по составлению красок. Как ни выводил каллиграфически обратный адрес, а «гражданину Ш. Фурье» ответов все нет.

Прошло шесть лет с тех пор, как он разработал первый проект — рассчитал постройку локомотива. Но инженеры, к которым обратился со своими расчетами, отметили, что его проект осуществить невозможно. Он не раз будет вспоминать этот случай и незадолго до смерти скажет, что только в юности позволительно быть неуверенным в своем открытии и отступать.

После неудачи с локомотивом так же неожиданно пришла мысль об устройстве деревянных, а потом и металлических рельсов, отличающихся от существующих. Но и этот план остался лишь на бумаге.

Проекты, расчеты, планы... Они, кажется, сами преследуют Шарля Фурье. К примеру, его увлечение музыкой оказалось настолько серьезным, что привело к изучению теории музыки. Не удовлетворенный существующей довольно сложной системой нотописания, Шарль заметил, что ее можно упростить, и предложил новую, им придуманную систему. Но что-то и на эту его идею никто не откликается.

План переустройства Лиона возник у Фурье задолго до того, как стали постоянными его прогулки по широкой набережной Сен-Клер. В этом излюбленном месте отдыха лионцев, в тени густоразросшихся деревьев удобно расположились тротуары. Но таких уголков в городе немного.

Почему бы не перепланировать весь Лион заново? Город по-своему красив, но его красота противоестественна человеку. Семиэтажные дома лишают света и воздуха узкие городские улицы. Здания расположены беспорядочно; если посмотреть на Лион с высоты холма Фурвьер, то город предстанет сплошным нагромождением высоких, низких и тесных домов. Это центр. А что представляют

собой кварталы бедноты? Наверное, животным живется лучше, чем их обитателям. На пакет, посланный в муниципалитет с описанием того, с чего нужно начать переустройство города, Фурье ответа также не получил. Может быть, его считают маньяком, изобретателем-графоманом?

Наконец представилась возможность отправиться в Париж специально, чтобы вручить свои планы правительству.

С какими именно из проектов поехал Фурье, неизвестно. В 1804 году он напишет: «Много раз я посылал правительству политические записки, я получал в ответ лестные письма, подписанные Карно, Талейраном и другими лицами, которые, я надеюсь, разумеют кое-что в политике». Но ни один из его планов так и не был одобрен.

В Париже задержался на несколько месяцев. Новости общественной жизни столицы захватили Шарля. В кафе Манури почти каждый вечер со своими прожектами выступал Ретиф де ля Бретон.

Знаменитый Ретиф де ля Бретон!.. Сын крестьянина, наборщик и фактор * одной из парижских типографий, еще в 60-х годах его литературными новинками зачитывалась молодежь. Он оставил после себя двести томов сочинений. Его политические памфлеты, философские трактаты, различные проекты общественных преобразований волновали умы Франции. В «Письме обезьяны к своим соплеменникам», критикуя существующий строй, он говорил: «Существующий закон собственности является источником всех человеческих страданий...»

В 1775 году в приложении к роману «Развращенный крестьянин» Ретиф опубликовал проект сельской общины, основанной на ассоциации. Он отмечает, что только общины-ассоциации по профессиональному признаку станут тем единственным путем, по которому должно пойти общество и такое общество создадут просвещенные умы.

Фурье находил, что Ретифу в планах создания ассоциативного общественного строя не хватает точности. Может быть, и можно взять за основу предложение создавать городские ассоциации, где группа жителей будет занята в одном производстве и вести совместные доходы, но

---

* Фактор — так назывался управляющий технической частью типографии, осуществлявший связь типографии и ее клиентов.

этого недостаточно... Ведь нужно, чтобы в ассоциации решались вопросы и воспитания.

В том же доме № 27 на улице Бюшери, где жил Ретиф де ля Бретон, в эти годы обитал и другой автор проектов создания ассоциаций — Жан-Клод Шапюи. В своем «Социальном плане», основанном на общности имуществ, он предлагал разделить всю территорию Франции на квадраты, в центре каждого квадрата возвести здание, рассчитанное на 1050 жителей. Свои идеальные общины он рассматривал также как ячейки будущего.

Мы не знаем, встречались ли Ретиф де ля Бретон, Жан-Клод Шапюи и Шарль Фурье, но, хотя общественные идеалы Шапюи и Фурье в корне отличны друг от друга (Шапюи сторонник уравнительного коммунизма, а Фурье его противник), исследователи найдут немало параллелей между поселениями Шапюи и фалангами Фурье. Оба они представляли общество будущего как совокупность самостоятельных ассоциаций. Фурье не могло не заинтересовать подробное описание построек, в которых жилые помещения и производственные мастерские были объединены. Впоследствии он, так же как и Шапюи, станет утверждать, что в обществе будущего хлеб будет исключен из питания. Оба утописта стремились «математически» обосновать свои проекты, оба боялись, что их «открытия» будут похищены. Шапюи даже отвез один экземпляр «Социального плана» в родной город Сален (провинция Франш-Конте), чтобы там надежно сохранить его для потомков от всех превратностей времени.

В Париже Фурье исправно ходит на лекции, слушает курсы по естествознанию, в частности, знаменитых натуралистов Жоффруа Сент-Илера и Ласепеда. В конце XVIII и начале XIX столетия открыты важнейшие законы естествознания. Возникали вопросы: вся ли природа живет по определенным законам развития? Если это так, то нет ли подобных законов и в жизни человеческого общества? Для себя он четко определил: законы социальной жизни общества основаны на тех же принципах, что и законы природы. Все человеческие несчастья — следствие незнания или непонимания тех начал, которые лежат в основе жизни общества. Итак, для того чтобы вернуть утраченную человеком свободу, необходимо коренное переустройство общества?

Возвратившись в Лион, он пересмотрел свои конспекты лекций парижских профессоров. Да, только через по-

знание естественных наук — химии, естествознания, астрономии, математики — можно понять существующее человеческое общество.

Фурье пренебрежительно относится к философии и политической экономии. Он будет впоследствии резко критиковать «так называемую» политическую экономию, относя ее, так же как и политику, мораль и метафизику, к «наукам неопределенным». Будет не раз упоминать современных ему экономистов всех направлений, излагая и цитируя их идеи, утверждая, что нельзя признавать за науку учения, которые оправдывают хозяйство, где процветает хищническая свобода торговли, свобода конкуренции. Эта «наука» привела человечество к тупику.

Наступают годы напряженного самообразования. На беспорядочное чтение уходят почти все вечера. Друзьям Шарль жалуется на недостаток времени для чтения: «С 1799 года я был всегда так занят своими меркантильными делами, что почти не имел времени для других занятий. Проводя все дни в услужении всем проискам, хитростям и обману торговцев, я мог посвящать только ночи ознакомлению с истинной наукой...» Время от времени урывками попадал в библиотеку или читальный зал.

Об этом периоде жизни Фурье в Лионе одна из сестер вспоминает: он сохранял те же вкусы, что и дома, в Безансоне; его комната была всегда полна горшков с цветами, а камин заставлен разнообразными луковицами или прорастающими зернышками. Даже в середине зимы у него расцветали великолепные цветы. Чтобы дать им побольше солнца и воздуха, Шарль выставлял их в полдень на балкон. Лионские дамы во время прогулок привыкли приходить и любоваться этой выставкой. Здесь, под балконом господина Фурье, они даже назначали свидания своим поклонникам.

Однажды Шарль не вынес цветы в полдень, и возле его балкона собралась недоумевающая толпа. Увидев это, он вышел, извинился, пообещав завтра вознаградить желающих выставкой более разнообразной и богатой.

Лионская библиотека, которая располагалась тогда в здании городского музея и насчитывала около 12 тысяч томов, по тем временам считалась богатой. Однако впоследствии Фурье разочаровался в этом книгохранилище: «Лионская библиотека изобилует томами, но среди них

вряд ли найти хотя бы одно-единственное хорошее современное произведение».

Он взял за правило штудировать несколько проблем одновременно. В большинстве случаев читал статьи из газет и журналов, особенно часто журнал «Философская, литературная и политическая декада», где можно было найти статьи на научные, экономические и литературно-критические темы и где постоянно публиковались обзоры новинок художественной и научной литературы.

Популярные обзорные статьи этого журнала служили первым источником его информации. Сохранившиеся записи Фурье, цитаты в его сочинениях свидетельствуют, что в эти годы ему были одинаково интересны авторы как современные, так и древние, отечественные и иностранные.

Многочисленных писателей, о которых он упоминает, на которых ссылается и о которых высказывает суждения, в подлинниках Фурье никогда не читал. Впоследствии он сам наивно признается, что с Кантом, Шеллингом и Фихте познакомился из популярной литературы, ибо «никогда не мог понять и одной-единственной страницы во всей науке Канта и других идеологов». Он говорил, что ему трудно читать Кондильяка, он не смог закончить даже второй главы. Значит, дело не только в языковом барьере Фурье, замечая, что Канту, Фихте, Шеллингу он предпочитает Декарта, тут же заявляет, что его трактата также не читал.

О Песталоцци и его педагогической системе он имел лишь сведения из статьи, помещенной в официальной правительственной газете «Монитер».

Такой своеобразный метод чтения Фурье будет впоследствии объяснять тем, что ему у писателей древних учиться нечему, он взял за основу принцип «абсолютного сомнения» и «абсолютного отклонения» по отношению к интеллектуальному наследию целых тысячелетий.

И в то же время жадно читал все, что попадалось под руку.

У него установилась своя манера работы: делать обширные выписки, часто переходить от одного автора к другому, от одной теории к совершенно противоположной. Отсюда и уровень знаний — обрывочный, книжный. Случайный характер этих занятий впоследствии скажется весьма ощутимо на теориях Фурье. Обширная, хотя и не

всегда глубокая эрудиция всю жизнь будет соседствовать у него с поразительными пробелами в знаниях.

О выработанных им способах подбора фактов на одну тему Фурье вспоминал спустя много лет: «Я три раза подряд был возмущен картинами бедности ученых. Утром, читая в газетах отчет о заседании Французской академии, я нашел там стансы господина Ренуара о нужде поэта Камоэнса... к полудню, перебирая некоторые бумаги, я нашел старый номер одной газеты, где оплакивалась бедность Гейне, выдающегося ученого Германии... вечером мне подали в руки том Расина, и я прочел детали о бедности Дюмарсе...»

Можно лишь восхищаться могучим умом, упорством и интуицией этого человека, глубоким прозрениям и выводам которого не смогло помешать отсутствие серьезного систематического образования.

Из месяца в месяц растет число тетрадей-конспектов. Для себя отметил утверждения Гельвеция, что в мире нравственном происходит то же, что и в мире физическом... Движение создает, уничтожает, сохраняет и оживляет все, без него все было бы мертво. Страсти все оживляют в мире нравственном.

Может, Гельвеций и прав, что «мнения правят миром»? Но у Лейбница: «управляющей силой мироздания является творец». Мысль Платона заинтересовала: чувства не могут быть источником знаний. Но тогда что? Рене Декарт полагает, что познать мир может только человеческий разум. Вместо слепой веры — разум. Разум... Разум... Может, действительно только разум?.. По Вольтеру, бог нужен только как узда для простого народа, как гарантия порядка. Где же истина?

Анализируя сохранившиеся записи и конспекты Фурье, вряд ли можно согласиться с его заявлением, что он не читал подлинников.

Фурье явно бравировал тем, что мало читал, что даже не прочел полностью работ тех философов XVIII века, на которых он нападал. Это, конечно, преувеличение. Можно определенно утверждать, что он просмотрел и «Общественный договор» и весьма внимательно прочел «Эмиля» Жан-Жака Руссо.

Фурье находит, что только идеи Руссо заслуживают серьезного внимания, ибо тот правильно утверждал, что буржуазный прогресс, развитие экономики и науки ничего человечеству не приносят.

В своих записках Фурье отмечает мысль женевца: «Все было хорошо, выходя из рук Творца вещей». Может, Руссо и прав, говоря, что лучше было бы оставить человека в состоянии дикости, чем доводить его до нынешней степени испорченности и тем самым отвлечь от искания лучшего порядка? Но иногда он спорит с мнениями Руссо и в этом споре теряет терпение.

Как будто Руссо как человек ему безусловно симпатичен. Но вдруг Фурье начинает осуждать его за то, что тот оставил своих детей на попечение общественной благотворительности. Хотя, с другой стороны, сочувствует литературным невзгодам Руссо и воздает ему хвалу за то, что он «не способен на меркантильные ухищрения».

Через много лет исследователи социальной философии Шарля Фурье найдут в его сочинениях немало сходного с идеями Жан-Жака Руссо, хотя Фурье нередко в запальчивости называет женевского мудреца болтуном и пустомелей, придумывая для него и другие клички.

Подобно Руссо, Шарль Фурье отрицает всю предшествующую науку. Как и Руссо, с захватывающей верой утверждает, что воспитанием народа можно изменить все пороки общества.

Фурье всецело поглощен проблемами обучения. Но в этих вопросах он очень скоро отошел от Руссо. Как помним, Эмиль вначале научился читать, дети же в фурьеристской фаланге должны вначале изучать письмо. Расхождения касаются и более общих педагогических принципов. Фурье ни в какой форме не признавал подражания спартанскому или римскому воспитанию с их атрибутами: черной похлебкой, купаньем в ледяной воде, розгами и т. д. Он — за систему гуманистического воспитания. Развивать зрение и слух нужно путем посещения оперы, а вкус и обоняние посредством вкусно приготовленной пищи.

Если Руссо против потакания капризам ребенка, то Фурье призывает к тому, чтобы родители баловали детей.

Словом, Фурье никогда не был руссоистом. Он осуждает Руссо за то, что тот звал человечество назад. «Не следует удивляться, что некоторые софисты, как Ж.-Ж. Руссо, пришли к заключению в пользу движения назад и высказались за то, чтобы снова впасть в состояние дикости».

В эти напряженные годы самостоятельной учебы Шарль Фурье по-своему пытался объяснить и проблему счастья. Прежде всего он разбирает мнения философов древности. У Эпикура он находит, что человек счастлив, если удовлетворит в первую очередь все потребности и инстинкты, которыми наделила его природа. Представители школы киренаиков (школа эта основана учеником Сократа Аристиппом в Кирене) говорили, что человек счастлив, если он сполна испытывает чувственные наслаждения, а интересы личности ставит превыше интересов общества. Не об этом ли пишет и Ламетри в «Речи о счастье: «Счастливое телосложение, красота, ум, мужество, талант, честь, богатство, здоровье, удовольствие и слава создают полное счастье. Все, что может вызвать счастье, бывает причиной приятного настроения»?

Но как совместить счастье одного и многих? Кажется, никто из старых философов не хотел и подумать об этом.

Основательно изучал Фурье физику, химию, астрономию. Увлекся анатомией — ведь без знания телесного устройства человека не познать и его страстей. Виноват ли человек в том, что происходит в обществе? Или пороки его — результат влияния несовершенного общества? А если удовлетворить все желания, все страсти человека? Но что такое *страсти*? И в чем истинная природа человека? Человек... человек... человек... Проблема человека стала главной в социальной философии Шарля Фурье. Человек и счастье, человек и природа, человек и общество — к этим узлам стягиваются все интересы будущего мыслителя.

Под влиянием просветителей XVIII столетия Гельвеция, Гольбаха и Дидро он выведет свое суждение о человеке и его страстях. Гельвеций высоко ценил роль страстей в общественной и индивидуальной жизни личности. По его мнению, «деятельность ума зависит от деятельности страстей. Поэтому-то в возрасте страстей, т. е. от 25 до 30—40 лет люди способны к большим усилиям в проявлении добродетели и гениальности». А у Дидро: «Только сильные страсти способны нас подвигнуть на великие дела. Иметь сильные страсти — счастье, но при условии, если они все согласуются. Нужно не то что умерять их, но установить между ними справедливое соотношение. Проповедовать уничтожение страстей — глупость».

Шарль делает свои первые записи о равенстве, о нрав-

ственной свободе, о любви, о положении женщины в обществе.

Все эти темы своей социальной философии Фурье будет впоследствии дополнять все новыми и новыми оценками. Характерно, что в его произведениях отсутствуют ссылки на философов-материалистов XVIII века. Больше того, он будет не раз резко высказываться против их концепций, называя философский материализм заблуждением разума. Но тем не менее по ряду вопросов он высказал те же мысли, что и французские просветители.

Так, вслед за французскими материалистами он отстаивает идею единства мироздания — вечно существующей и движущейся материи. Фурье не пройдет мимо положения Гольбаха о существовании различных видов движения. Он будет, подобно Дидро и Ламетри, решать вопросы общественной жизни с позиций механицизма.

Именно под влиянием французских материалистов Фурье набрасывает в эти годы первые тезисы о воспитании: «...Нужно с самых ранних лет развивать естественные склонности и инстинкты ребенка, дать простор всем его физическим и духовным способностям...» Словом, среди наставников и духовных предшественников молодого лионца французские просветители — величина весьма заметная, как бы ни старался «не замечать» ее сам Фурье.

И недаром впоследствии Маркс указывал, что учение Фурье непосредственно исходит из «учения французских материалистов» *.

Впрочем, и забывчивость Фурье станет понятной, если учесть, что на его отношение к просветительству наложило отпечаток одно весьма модное в 90-е годы течение общественной мысли. Как-то Шарль обратил внимание, что за последние лет двадцать в лионских газетах опубликовано большое число статей мистического характера.

Далеко не вдруг он осознал, что Лион, оказывается, был в эти годы одним из основных в стране центров оккультизма, что здесь обосновалось множество франкмасонских лож, различных сект мистиков. В 1778 году в Лионе проходил масонский конвент. В городе в свое время подвизался талантливейший авантюрист Джузеппе Бельзамо, получивший громкую известность под именем графа Калиостро. В среде лионской интеллигенции тех лет проходят оживленные дискуссии на мистические темы.

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 146.

Чтение газет, журналов, долгие беседы с друзьями сделали свое: Фурье «заболел» мистицизмом. Особенно его увлекает космогония оккультистов, основанная на принципе всемирной гармонии. Он разделяет веру мистиков в одушевленность миров. Фурье приобретает в свою библиотеку знаменитое сочинение Кеплера «Гармония мира». В его выписках находим: «Гармония определяет жизнь космоса... гармония должна быть и в жизни общества. Гармония заложена в основу поведения человека...»

О проникновении мистических элементов в учение Фурье один из его биографов, Юбер Буржен, пишет так: «Можно себе представить с некоторым вероятием, как, должно быть, осуществлялась работа его ума. Получив толчок от случайного чтения фантастических произведений, его воображение заработало; оно могло восстановить в его памяти и собрать для его собственной конструкции элементы мистических учений, которые он встречал в некоторых редких книгах, по его обыкновению бегло просмотренных, а особенно в беседах при деловых встречах и при посещениях людей. Таким образом, некоторые книги могут быть источником метафизических и космогонических теорий Фурье; но в этом отношении существенно еще то, что он был по преимуществу истолкователем наивным и в то же время оригинальным идей, которые стали ходячими».

В начале 1799 года Фурье снова в Марселе. Город больше не поражал Фурье своими размерами, как это было в первый приезд из Безансона. Казалось, ничего не изменилось: гостиницы и кафе, пивные подвальчики моряков, лавки менял и банки. На вершине обнаженного холма часовня Нотр-Дам де ля Гард — излюбленное место паломников и богомольцев. Отсюда открывается чудный вид на залив. В хорошую погоду можно взять лодку и съездить на остров Иф, где знаменитый замок Иф вот уже 250 лет как превращен в государственную тюрьму.

Еще до революции Марсель был крупным центром международной торговли. Отсюда уходили нагруженные зерном и французскими винами корабли во все страны мира. В городе издавна развивалась текстильная и пищевая промышленность. По торговому обороту Марсель перевешивал все вместе взятые города Франции. Отцы города обогащались не только на сбыте продукции своих пред-

приятий, но и на широко поставленной спекуляции. Не случайно в Марселе революционные настроения еще в 1789 году вылились в уличные бои. Торговцы долго помнили, как многие из них поплатились тогда своими товарами.

С марсельским заливом у Фурье связано тягостное воспоминание, которое будет досаждать ему многие годы. В 1793 году ему поручили выбросить в море 60 тысяч пудов начавшего гнить риса, который хозяева скупили и припрятали, чтобы во время голода продать подороже. Как знать, при иных обстоятельствах и он, глядишь, мог бы за такое вот дело попасть в застенок мрачной островной тюрьмы.

По возвращении из Марселя — снова записи в дневнике: «Я вступил в новый научный мир, но не мог заниматься исследованиями с первых же лет. Сверх того, меня отвлекала торговая служба; а ведь работа ума сводится почти на нет, когда приходится отдавать свои дни и годы занятиям пошлым и с наукой несовместимым».

Он с горечью отмечает, что в эти годы получил «элементарные, ограниченные и неполноценные» знания». Но источником его «прозрения» стало прежде всего то, что отвлекало его от изучения литературы. Промышленный Лион, поездки по городам Франции давали Шарлю Фурье богатейший материал для размышлений о порочности существующего строя. Он приходил к выводу, что экономическую и социальную структуру общества может изменить только создание производительно-потребительских товариществ, то есть ассоциаций.

1798, 1799 годы он называл датой своего «открытия».

В одной из рукописей, касаясь обстоятельств этого открытия, Фурье рассказывает: «Для меня, как и для Ньютона, компасом расчета явилось одно яблоко. За это яблоко, достойное знаменитости, было заплачено 15 су путешественником, обедавшим со мною в ресторане Феврье в Париже. Я тогда прибыл из области, где такие же яблоки и даже лучше по качеству и величине продавались по пол-ливра, то есть более ста штук за 14 су. Я был так поражен этой разницей в цене в областях одного и того же климатического пояса, что начал подозревать наличие фундаментальной неисправности в индустриальном механизме, и отсюда начались поиски, которые через четыре

года привели меня к открытию серий индустриальных групп и в результате — законов мирового движения, упущенных Ньютоном...

Конечно, вряд ли разница цен так поразила Фурье. Он был давно не новичок в торговле. Это заявление можно рассматривать только как один из его гиперболических приемов — заострить внимание на необходимой ему теме.

Напрасно Фурье утверждал, что он «один и первый предложил составить ассоциации». Эта идея, как мы видели, была далеко не новой. Стремлением к обобществлению, казалось, был наполнен воздух Франции тех лет. Социально-экономическое развитие страны конца XVIII столетия породило целое «ассоциативное течение». Представления о единстве мироздания, космогоническая концепция, теория аналогий, идея о всемирной гармонии, о развитии страстей и взгляд на счастье также не были «его» открытиями. Когда мы читаем у Фурье, что он один «вычеркнул 20 столетий грубых заблуждений, идейных и политических, открыв абсолютно новые и совершенно неведомые до него истины», или нечто иное в подобном же духе, необходимо делать поправку на темперамент мыслителя и его приверженность к самовнушениям.

Кстати, процитированное заверение вызвало в свое время град насмешек. Над Фурье вообще часто будут смеяться, прежде всего по поводу его преувеличенного мнения о своих заслугах. Он, в свою очередь, будет немилосердно критиковать и ругать ученых всех эпох, хотя их мысли и положения частенько будет заимствовать.

Как бы там ни было, важно одно: комиссионер и вояжер торговых домов, самоучка, занимаясь проблемами мистики и истории человечества, проблемами восставшей Франции и философией Жан-Жака Руссо, в эти годы приходит к мысли, что существующий строй порочен и нужно искать пути, как вывести его из этого состояния.

Между прочим, в этом убеждении одна из главных причин запальчивости Фурье: «Бог захотел, чтобы теория мирового движения была развита простым неученым человеком. Слуга лавочника — вот кто повергнет в прах все эти библиотеки, собравшие шарлатанство политиков и моралистов за все века — древние и новые. Ах, не в первый раз Бог пользуется слабым как орудием для принижения сильного и поручает самому темному уму принести в мир великую истину».

Глава III

«ЛАВОЧНЫЙ КАПРАЛ»

Начало нового века Шарль Фурье встретил в Париже. Почти девять месяцев, проведенных в столице, все свободное от торговых дел время, посвятил он занятиям: посещал если не лекции, то библиотеку. Снова заметки, заметки, заметки... Из газет и журналов было очевидно, что пресса уже попала в тиски бонапартистской диктатуры. Печатное слово подвергалось самой беспощадной цензуре, малейшее упоминание о событиях и деятелях революции запрещалось.

Это было время, когда, уверовав в то, что периодическая печать должна быть орудием власти, Наполеон давал министру полиции совет сочинять статьи, которые можно было бы помещать в виде корреспонденции из-за границы. «Заметки о бессилии России составлены умным человеком, — писал он. — Напечатайте их в виде перевода из какого-нибудь английского журнала, выберите такой, название которого мало известно».

В другой раз он писал: «Напечатайте несколько писем как бы из Петербурга, что французов там хорошо принимают, что двор и город видят необходимость сближения». Понятно, что при таком положении прессы ей оставалось только заполнять свои столбцы официальными известиями о военных триумфах или придворных торжествах. Преобладала торговая реклама. Небольшие литературные заметки были очень осторожны, обязательно с «благополучным концом».

Парижане, казалось, жили одной новостью: найдут ли убежавшего из зоопарка орангутанга. Газеты подробно информировали читателей о ходе поисков. (Почти через сто лет его скелет обнаружили в клоаке под Дворцом правосудия.)

По возвращении в Лион Шарлю стало известно, что отклонена еще одна его идея — проект создания собственной газеты. Что ж, иного трудно было ожидать:

еще в Париже он узнал, что декретом от 17 января 1800 года первый консул определил список политических газет, по которому только в столице закрывались десятки изданий. Оставалось всего 13 газет.

Задолго до этого вечерами в кругу друзей-журналистов Фурье мечтал о популярности будущей газеты. После жарких споров остановились на строгом названии: «Газета Лиона и департамента Роны».

С этим предложением Шарль Фурье совместно с Мартенвилем (будущим драматургом и журналистом, редактором ультрароялистской газеты эпохи реставрации «Белое знамя») обратились к префекту Роны. И как ни старались они убедить префекта, что их газета будет прививать лионцам «любовь к порядку и уважение к правительству», газету открыть не разрешили, даже несмотря на то, что к этому времени Фурье слыл уже подающим надежды журналистом: 1801—1802 годы он, сотрудничая в «Лионском бюллетене» и «Газете Лиона и Юга», поместил там несколько статей. Правда, большинство написанных им в те годы статей остались не опубликованы и дошли до нас в рукописном виде.

Фурье на страницах «Лионского бюллетеня» выступает и как поэт-сатирик. В стихотворении «Сатира, посланная М. А. Ж. по поводу загадки... и по поводу ответа на эту загадку дамы за подписью А. Ф.» Шарль сетовал, что в Лионе появилось слишком много дам-поэтесс и что его беспокоит такое большое число соперниц.

Страницы «Лионского бюллетеня» стали местом литературного турнира. Против Фурье выступает Клотильда Д.: она защищает поэтические таланты лионских дам. Другие выступления такого же характера. Фурье их парирует в шутливом тоне, печатая последовательно: сначала «Возражения Клотильде Д.», затем «Оду госпоже А. Ф. узнанной» и «Стансы лионкам по поводу посредственности их поборников, взявших на себя их защиту». Лионское общество с любопытством следило за каждым новым выступлением Фурье.

Друзьям Шарль однажды в споре высказал свои представления о том, каким должно быть общество будущего. Он назвал этот строй строем Гармонии.

Так он вдруг оказался в центре внимания. От него требовали объяснить, каким он представляет это общество. Послание одной из участниц турнира заставило задуматься:

«Гармония! Я хочу упрекнуть Вас в пренебрежении к этому слову. Я требую от Вас отчета о Ваших работах о социальной гармонии, которая должна прийти на смену цивилизации. Вы обещаете нам огромные блага при этом новом состоянии, но будут ли они стоить тех, которыми я наслаждаюсь?..»

Шарль понимал, что это вызов и нужно давать ответ. Причем потребуется ответ обстоятельный, целая статья о социальном обществе будущего. Да, именно статья. Но выступить со статьей он еще не готов.

В начале декабря 1803 года на одном любительском литературном турнире он все же не сдержался и в нескольких строчках экспромта набросал общую картину своего открытия. Участники заинтересовались. Шарль вынужден был подробнее рассказать о новых человеческих отношениях в обществе будущего. Его выступление восприняли как чудачество, и все дружно посмеялись. «Посмотрите на всемирного гения! — сказала одна из участниц. — Спешите видеть важного мыслителя! Он уклоняется от общего пути и собирается разбить алтарь предрассудков...»

Этот случай еще раз заставил Шарля подумать о статье. Он твердо решил наконец-то записать все, что стало предметом раздумий последних лет. Через несколько дней, 3 декабря, в «Лионской газете» появилась небольшая статья под заголовком «Всеобщая гармония».

Она начиналась заявлением, что предлагается вниманию публики «открытие, на которое род человеческий не рассчитывал», и суть его заключается в том, что в мире существует математическая теория о судьбах всех планет и их обитателей, а также теория о шестнадцати общественных порядках, которые могут устанавливаться на различных планетах на протяжении вечности.

Автор утверждает, что в истории развития человечества можно выделить три периода: дикость, варварство и цивилизацию. И только пройдя эти периоды, общество достигнет гармонии. В новом обществе установится вечный мир, женщины обретут независимость и наступит всеобщее счастье. Такое открытие возможно только благодаря «аналитическому и синтетическому исчислению притяжения по страсти». Ученые открыли немало законов, но эти законы не касались бедственного положения народа. Он же ставит перед собой задачу создать новую науку о законах социального движения, которая «поведет чело-

вечество к богатству и высоким наслаждениям». Эта наука изменит международную жизнь: войн не будет, а «весь земной шар составит одну только нацию и будет одна только администрация».

Мечтатель обращается к репутациям великих людей — Ньютона и Лейбница, Вольтера и Руссо, утверждая, что их величие — мнимость, поскольку они полагали, что цивилизация — это расцвет человечества.

Статья небольшая, всего 56 строк, но в ней, хотя и в угловатой форме, неплохо изложены основные положения будущей социальной философии Фурье. Позднее он разовьет каждое из них, не раз будет возвращаться к утверждению о несостоятельности наук, прежних философских и политических систем. Развитие вселенной, земного шара, человечества взаимосвязано, существующий строй Цивилизации обречен на гибель, и на смену ему придет строй Гармонии, который принесет человечеству богатство, мир и наслаждение.

Через две недели Фурье публикует новую статью — о международной политической ситуации в Европе. Он называет ее «Континентальный триумвират и вечный мир через 30 лет». Молодой философ смел и заносчив, его пророческий тон вызывает недоумение. Шутка ли, он предупреждает, что «Европа приближается к катастрофе, которая вызовет ужасную войну и закончится вечным миром»! Он называет четыре крупнейшие державы — Францию, Россию, Австрию и Пруссию, предрекает раздел Пруссии между тремя остальными. После этого оставшиеся государства разделят Австрию и будут спорить между собой о господстве над Европой. Из двух воюющих одна победит, а другая будет побеждена.

«Таким образом, — пишет Фурье, — единство власти в Европе приведет к единству власти и во всем мире, потому что победоносный триумвират уже не встретит серьезного сопротивления ни в какой части света. Это единство власти в целом мире и составит вечный мир. Во всей этой борьбе Англию я не считаю ни за что. Тот, кто будет управлять Европою, пошлет армию, чтобы завоевать Индию, и запрет англичанам порты Азии и Европы, он сожжет всякий город, который станет получать английские произведения, даже непосредственно. Тогда эта держава, чисто меркантильная, будет уничтожена без выстрела». Кто победит в этой борьбе? «Будет побеждена Франция. Россия после падения Австрии может овла-

деть всеми странами за Эльбою и Адриатическим морем и вооружить против Франции 2 миллиона солдат, набранных в Европе и Азии». Вот что угрожает Европе. Поэтому Франция должна уже сейчас готовиться к войне. В завершение автор обращается к писателям и ученым, которые, по его словам, не способны предвидеть будущее.

«Вот каков, — восклицает он, — удар, который угрожает Западу! А вы, публицисты, не предвидящие этого кризиса, разве вы не дети, которых следует отослать в школу? Сколько подготовляется других событий, которых вы совершенно не предвидите!.. Доверию к вам приходит конец. Вы заседаете в академиях рядом с людьми, которые учат истине, рядом с физиками и математиками, готовитесь вступить в небытие. Истина, которую вы ищете на протяжении двух с половиной тысячелетий, вскоре появится к вашему замешательству».

В эти годы «Бюллетень Лиона» издавали отец и сын Баланш. После смерти Фурье в письме главе фурьеристов Виктору Консидерану Баланш-младший вспомнил, что статья «Континентальный триумвират» привлекла внимание правительства и что месье Дюбуа, в то время комиссар полиции, получил приказ немедленно собрать сведения об авторе статьи. «Господин Дюбуа, человек превосходный и образованный, посоветовался со мной по этому поводу. Я сказал ему, что Шарль Фурье — скромный молодой человек, чуждый каким-либо интригам и честолюбию, пользуется среди нас, молодых людей в то время, репутацией большого знатока географии».

Оценивая эту статью спустя много лет, известный биограф Фурье Шарль Пелларэн писал, что она «замечательна по своему предчувствию готовящегося уничтожения Пруссии и Австрии, а также заключительного соперничества России с Францией, написана без всяких околичностей, уверенным тоном человека, который знает, что говорит».

Но когда через несколько дней Шарль Фурье выступил в «Лионской газете» против своих критиков, этот номер был препровожден полицейскими властями в Париж в министерство полиции со следующим отношением: «Почти каждый день в газетах содержится новое безумие за подписью Фурье. Сегодня он насмехается над теми, которые имели глупость жаловаться по поводу его статьи «Триумвират», о которой комиссары уже донесли прави-

тельству. Не следует ли запретить газетам помещать какие бы то ни было политические статьи этой личности?»

На полях отношения приписка: «Комиссару было отвечено, чтобы он следил, дабы в этой газете не помещали ничего неуместного. Прилагается другое свидетельство безумия этого Фурье, адресованное им великому судье».

Вероятно, этим «свидетельством» оказалась следующая статья рьяного журналиста, которая взволновала полицию. Она была опубликована 2 января 1804 года и содержала критику современной дипломатии и дипломатов. Досталось и им!

Статью «Триумвират» лионские читатели встретили насмешкой. «Лионская газета» от имени «Захария Бредового» хвалила Фурье за его «гениальные мысли», за то, что он поставил на место Пруссию. Его труды человечество не забудет. В случае же неудачи ему, конечно, место в компании с автором этой заметки, то есть в сумасшедшем доме.

Фурье не замедлил с ответом. «Да, — пишет он в письме «Господину Бредовому», — гордецы называли сумасшедшим и Колумба и Галилея за то, что они знали больше. Воистину нужно всегда помнить, что хорошо смеется тот, кто смеется последним».

Но и после этого ответа насмешки по поводу его статей не прекратились. Фурье возмущен: «Господа, толкующие вкривь и вкось о гармонии, ведь не знают в точности, что она представляет». Он убежден, что эти нападки и насмешки происходят от недопонимания и неосведомленности.

Впоследствии ученики Фурье рассказывали, что на статью «Континентальный триумвират» якобы обратил внимание Наполеон, что об авторе наводили справки и что ему даже предлагали место в министерстве иностранных дел, от которого он якобы отказался. Но эти свидетельства скорее всего легендарны.

Несмотря на резолюцию полицейских властей «запретить газетам помещать какие бы то ни было политические статьи этой личности», за два года «Лионская газета» опубликовала десять статей Фурье, в том числе и описание воздушного шара, который сможет безостановочно

пролетать 300 лье и который лионцам неплохо бы приспособить для перевозки грузов...

18 января 1804 года «Бюллетень Лиона» представил на обсуждение читателей еще один проект Шарля Фурье — о необходимости ввести новый порядок принятия переводных векселей. Правда, уверенный изобретатель оговаривался, что этот проект вступает в противоречие со всеми разумными традициями торгового Лиона, но «это нововведение, столь долго отбрасываемое, станет неизбежным — оно будет установлено, приобретет значение как закон в новом коммерческом кодексе». «Я беру на себя смелость утверждать, — пишет Фурье, — что Лион заинтересован в том, чтобы как можно раньше перейти на новый метод».

Сохранилось письмо префекта департамента Роны, из которого явствует, что и на очередной представленный Шарлем Фурье проект — о создании института транспортных маклеров-посредников — непонятый изобретатель снова — в который уже раз! — получил отказ.

«САМЫЙ МЕХАНИЗМ ТОРГОВЛИ СЛАЖЕН НАПЕРЕКОР ЗДРАВОМУ СМЫСЛУ»

В последние месяцы 1804 года в редакциях лионских газет и журналов статей Фурье больше не появлялось. Перестал Шарль посещать литературные турниры. Работа над давно задуманной книгой захватила его полностью. Каждый день, казалось, походил на предыдущий: утром прилавки, сушилки, склады. Низший служащий, «лавочный капрал», как он будет впоследствии о себе говорить, большую часть жизни проведет в магазине или в поездках по закупке товаров. Торговые сделки, в которых он, уполномоченный фирмы, играл немаловажную роль, вечером становились предметом его анализа.

Нигде жажда наживы не расцветала в таких вопиющих размерах, как в Лионе. Частые банкротства, конкуренция, мошенничество достигли таких размеров, что власти города стали подумывать о какой-то мере, чтобы чуть сдерживать прыть торговцев. «Я видел своими глазами гнусности торговли и не описываю их понаслышке», — свидетельствовал Фурье.

Он старался объяснить, разобрать причины всего, что творилось вокруг... На столе лежала стопка начатых тетрадей — главы задуманной книги.

Писал быстро, с лихорадочным нетерпением. Сотни томов исписаны экономистами о торговле, но никто не замечает, что самый ее механизм слажен наперекор здравому смыслу.

Поначалу картина проста, элементарна: все, что создается руками тружеников, попадает посредникам-торговцам. Они же, став хозяевами продукта, бесчеловечно обирают и производителя и потребителя. Их приемы сеют лишь беспорядок в системе не только промышленности, но и всего хозяйства.

В маленьких фабричных городах мелкий фабрикант работает, в сущности, только на торговца... землепашец — на ростовщика, а молодой человек с мансарды — на знаменитого академика, удостоившего его чести подписывать свое громкое имя под плодами его скудно оплаченных ночных бдений. Каждый коммерсант — это корсар, который живет за счет грабежа.

Политическая экономия не отважилась произвести анализ торговли, и общество не знает, в чем ее сущность.

Фурье показывает, что торговля является слабым местом цивилизации, а правительства и народы втайне ненавидят ее.

Анализируя историю развития торговли, он отмечает, что во все века, начиная с глубокой древности, торговцев презирали. Бывая в лионской библиотеке, которая располагалась во дворце Святого Петра на площади Терро, в картинной галерее дворца он обратил внимание на картину Жувена, одну из лучших в лионской коллекции, — «Христос, изгоняющий торговцев из храма». Еще в Евангелии, обращаясь к торговцам, Иисус Христос сказал: «Вы превратили дом мой в воровской притон».

Почему же тогда при строе цивилизации философы столь настоятельно восхваляют торговлю? Кто прав, спрашивает Фурье, современное поколение, почитающее торговцев, или древнее, не скрывавшее своего презрения к ним?

Еще в начале XVIII века к торговле относились с презрением, и даже школьники в ссоре бросали друг другу как оскорбление: «купеческий сын». А вот философы, увидя расцвет торговли, стали ее прославлять. Еще бы: разве можно не восхищаться людьми, которые «знают секрет суммы 5 и 4 и умеют вычесть из суммы 2, получив в остатке 7»?! Благодаря этому умению они приобретают

себе дворцы в том самом городе, в котором впервые появились в деревянных башмаках.

Что же такое торговля? Он называет ее ложью со всеми ее атрибутами, особым родом надувательства. Это искусство, говорит он, купить за три франка то, что стоит шесть, и продать за шесть франков, что стоит три. Эта побочная отрасль поглощает много капиталов и держит в невыгодной зависимости производство. О, купцы! Это банда, стая хищников! Они получают больше доходов, чем производители! Они уничтожают земледелие и мануфактуры.

Фурье составляет таблицу всех преступлений торговли, он перечисляет здесь 60 видов преступлений. Правда, впоследствии в разных местах своих сочинений он будет называть самые разные цифры — 12, 24, 36 ее наиболее зловредных проявлений.

Он уже написал третью часть задуманного. Названия глав определяли состояние современной ему торговли: грабеж общества с помощью банкротства, с помощью спекуляции, с помощью ажиотажа, с помощью паразитизма... С книгой он спешил. Понимал, что стройной системы не получается. Да и с литературной и композиционной стороны она своеобразна, в изложении не хватает ясности и логической последовательности. Старался выделить главное: грабеж, грабеж, грабеж... Большое число описательных мелочей мешало раскрытию основного. Но он совнательно повторялся.

Впоследствии, объясняя это, утверждал: делал так потому, что теория, которую разрабатывал, сложна и с первого раза ее усвоить трудно, но зато частые повторы заставят читателя подумать об исключительности этого открытия. И чтобы заинтересовать читателя, он делает отдельные экскурсы в историю вопроса, не стараясь придерживаться последовательности изложения. Не обращая внимания на внешнюю форму выражения мыслей, поскольку его занимает только содержание.

Из всех мошенничеств торговли выделил самое наглое и самое хитрое — банкротство. Это злоупотребление торговли более отвратительное, чем грабеж на большой дороге. Фурье называет его апофеозом торгового мошенничества. Банкротство позволяет ловкому негоцианту нагреть публику на сумму, пропорциональную его состоянию или кредиту. Только такая система торговли дает возможность богачу сказать, что ровно через два го-

да он украдет столько же чужих миллионов, сколько имел своих.

Банкир, замышляя банкротство, заботится о том, чтобы создать по отношению к себе хорошее общественное мнение, и, объявив себя банкротом, зачастую оставляет себе половину. И тогда это составляет сумму 1—2 миллиона, которые находятся где-то в другом городе. Крах жулика изображают как роковое происшествие, случайность, непредвиденную катастрофу, вызванную превратностями судьбы. В глазах общества он человек, которого постигло несчастье.

И самое интересное заключается в том, что правосудие этого общества бессильно перед людьми, которые крадут сразу несколько миллионов. В таком случае от имени закона выступает нотариус со своими давно подкупленными присными. Этой сцене может позавидовать любой театр: банкрота восхваляют как бескорыстного и почтенного человека: здесь дети, нежная мать, все питают искреннюю любовь к своим кредиторам, и вряд ли кто отказывает в содействии такому семейству. Растроганные и смущенные кредиторы в присутствии нотариуса соглашаются на 20 процентов возвращения долга и, расходясь по домам, готовы преклоняться перед добродетелью этого достойного семейства.

История знает достаточно скандалов в области торговли, в области грабежей, которые заставляют относиться с подозрением ко всей торговой системе. Фурье говорит, что он может представить на общее погляденье 42 вида банкротств.

Другим из распространенных видов грабежа при свободе торговли является скупка. Это одно из самых гнусных преступлений, так как оборачивается оно всегда против самых слабых. Скупщики — разрушители частной промышленности. Фурье возмущен экономистами, которые восхваляют скупку как полезную для общего блага операцию. Порочность свободы торговли состоит в том, что, получив в полное распоряжение товар, скупщики могут сделать с ним что угодно. Так, Амстердамская восточная торговая компания публично сжигала запасы корицы, чтобы поднять на нее цены.

А сколько выбрасывается в море хлеба, который сгноил купец, чтобы взвинтить цены! Шарль невольно вспоминает, как он сам в качестве приказчика присутствовал однажды при этих бесстыдных операциях и приказал бро-

сить в море 60 тысяч центнеров риса, который до порчи можно было бы продать с достаточной прибылью. Приводя примеры, он спрашивает: чем эти купцы отличаются от шайки воров? Ведь они постоянно держат народы в страхе перед голодной смертью? И почему купцы не несут ответственности за свои поступки?

Если общество предоставляет полную свободу генералу, судье, врачу, то ведь этим самым им не дается право изменять присяге, осуждать невинного, убивать больного. Мы знаем, как общество осуждает их и они несут наказание за нарушение долга. Купцы же остаются неприкосновенными. И больше того, они уверовали в свою безнаказанность!

Фурье останавливается на событиях, происходивших совсем недавно. В интересах французской промышленной буржуазии в борьбе за мировое экономическое господство, за колониальную гегемонию Наполеон закрыл французский и европейский рынки для английских промышленных товаров. Это было выгодно для французской экономики, но приносило и ущерб. Летом 1806 года положение настолько ухудшилось, что Лионская торговая палата выражала опасение, как бы шелковая промышленность Лиона не погибла окончательно. В первые годы властвования Наполеона всю продукцию лионской промышленности сбывали в Германию и Россию. Война 1806 года разрушает и это. Наполеон в завоеванных германских городах конфискует английские товары, грозит уничтожить лейпцигскую торговлю. От войны с Россией с 1805 года лионские торговцы потеряли свыше 25 миллионов франков. Вскоре в стране сократилось количество сахара, чая, кофе, хлопка и красителей. В результате на протяжении 1806 года во Франции наблюдалось громадное повышение цен на эти товары. Особенно поднялись цены на хлопок, как предмет первой необходимости для мануфактур. И хотя в стране в 1807 году был запас сырца на целый год, скупщики стали уверять, что хлопка хватит на три месяца. Вслед за этим началось баснословное повышение цен — вдвое против прежних. Многие фабрики, которые не могли поднять цены на ткань, разорились. На наступившей в стране безработице нажились торговцы.

Какую же выгоду в данном случае принесли свобода торговли и свобода конкуренции? Удвоились цены, уничтожилось производство, и обогатились плуты.

Фурье знакомит читателя еще с одним способом гра-

бежа общества — игрой на бирже. Как никто, биржевые аферисты умеют опутать всех сетью интриг и ввести в обман. У них свои приёмы. Они распространяют «слухи о больших бедствиях, которые собираются устранить с помощью скупки товаров; на все безумно повышают цены, после чего скупают новые товары, грабя подобным образом заводы и фабрики».

Они применяют тиранию ажиотажа даже по отношению к власти. Во время войны с Австрией в 1805 году парижские биржевики в продолжение двух месяцев произвели неслыханное опустошение французской промышленности, распустив слух, что заем, предоставленный Наполеону, не гарантирован капиталом банка и налогами.

Не менее губителен для общества, утверждает Фурье, грабеж общества торговым паразитизмом. Ведь главной экономией производства должна быть экономия труда, а у нас, пишет он, часто сотня людей занята такой работой, для которой едва ли потребовалось бы два-три человека. Свободная конкуренция повсюду увеличивает до бесконечности число купцов и торговых агентов.

Только в Париже 3 тысячи мелких торговцев, в то время когда их достаточно было бы и трехсот.

Неужели обществу непонятно, что главная экономия должна заключаться в экономии рабочих рук, в устранении тех посредников, без которых можно обойтись и которых мы обрекаем на столь непроизводительные функции, как торговые операции?

«С тех пор как философия проповедует страсть к торговле, всюду, вплоть до села, все торгуют. Глава семьи перестает заниматься делами, будь у него для продажи хоть один теленок, он будет терять день за днем, слоняясь по рынкам, постоялым дворам и кабакам. Особенно ярко это сказывается в районах виноделия; всюду благодаря свободе конкуренции неимоверно разбухает количество купцов и торговых посредников... В маленьких городках за один год перебывают сотни коммивояжеров и сотни коробейников. Число торговцев растет, и даже если одни исчезают, как было в Марселе во время чумы, то сейчас же появляются новые».

Фурье выделяет еще одно зло торговли, состоящее в свободе продавца самому оценивать свои товары. Покупатель никогда не уверен ни в добром качестве, ни в спра-

ведливой стоимости купленного. Каждый продавец выдает свой товар за лучший. И чаще всего поверивший крикам продавца покупатель, купив товар, дома убеждается, что ему подсунули гниль. В результате, как бы они ни торговались (при этом оба стараются друг друга обмануть), обманутым, конечно, оказывается покупатель. Фурье утверждает, что этого можно избежать, если выпускаемый в продажу товар будет предварительно оценен специальной комиссией, которая до продажи установит его свойства и качества.

Дальше Фурье раскрывает существо мнимой свободы сделки. Нынешняя «свобода» торговли ведет к тому, что каждый вынужден покупать пищу, одежду, которые ему предлагают торговцы,— он в рабстве у торговцев, действительно свободных в своих преступлениях против общества.

А когда откроет общество глаза на процветающую фальсификацию продуктов? Фурье говорит, что у нынешних торговцев почти невозможно получить натуральные продукты. В Париже нельзя достать стакан натурального молока или неразбавленной водки, пирожные делаются не из натурального сахара (каким тогда считался тростниковый), а из свекловичного... Торговля ведет род человеческий к обнищанию и вырождению. Молочные продукты, масло, вино, водка, сахар, кофе, мука — все фальсифицируется. Даже в деревне вместо натуральных продуктов вам преподнесут за ваши деньги медленно действующие яды.

И в заключение он говорит: «Двух томов не хватило бы, чтобы перечислить, даже опуская детали, все грехи и преступления коммерции... описание их составило бы труд более объемистый, чем энциклопедия».

Нужно было иметь мужество Фурье, чтобы возвысить голос против господства торговли, когда та, по его словам, «деспотически царила над Цивилизацией и над самими монархами». «Нападать на проделки торговцев — это значит предать себя анафеме, это равносильно восстанию в XII веке против тирании пап и баронов».

Энгельс высоко оценил эту полную гнева и ненависти критику Фурье: «Всегда жизнерадостный по своей натуре, он становится сатириком, и даже одним из величайших сатириков всех времен. Меткими, насмешливыми словами рисует он распустившиеся пышным цветом спекулятивные плутни и мелкоторгашеский дух, овладевший

с закатом революции всей тогдашней французской коммерческой деятельностью» *.

Из главы для задуманной книги о торговле получилась отдельная брошюра. Фурье назвал ее «О торговом шарлатанстве». Она увидела свет в 1807 году анонимно. Место издания было обозначено: «Лейпциг». Отпечатанная небольшим тиражом, она не сохранилась, но текст ее был позднее восстановлен в одном из томов журнала «Фаланстер».

После выхода брошюры работа над книгой пошла быстрее. Фурье собирал материал по задуманному плану. Но предстоял еще большой труд по систематизации громадного числа обрывочных сведений.

ОБЩЕСТВО «ЦИВИЛИЗОВАННЫХ»

Переворотом 18 брюмера в истории страны начался новый период господства военно-буржуазной диктатуры. Крупная буржуазия, обеспечив себе экономическое и политическое господство, предоставила Наполеону звание пожизненного консула. В стране ликвидировались созданные революцией муниципальные органы — власть сосредоточивалась в руках диктатора. Все политические партии и группировки не хотели мириться с наделением первого консула диктаторскими правами. Опасность реставрации монархии беспокоила даже крупную буржуазию. Недовольные встали на путь нелегальной борьбы, заговоров и создания тайных обществ. Полиция Фуше тщательно фиксировала и направляла Наполеону донесения о существовании и «ужасных намерениях злодеев», которые готовятся убить Наполеона, поднять предместья и двинуть рабочих на Тюильри, уничтожить консульское правительство и вместо него создать Комитет общественного спасения...

В конце декабря 1800 года со страниц парижских газет не сходили «экстренные сообщения», «отчеты и «полицейские рапорты» о «деле Шевалье». Даже официозный «Монитёр» опубликовал описание «адской машины» и протокол допроса арестованного якобинца, инженера-бретонца Александра Шевалье. Первый консул подготавливал общественное мнение, прежде чем перейти к карательным мерам, «чтобы очистить республику от неугодных».

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 270.

24 декабря 1800 года на пути первого консула в Опе-ру взорвалась «адская машина». Карета чудом осталась невредимой, и сам он не пострадал (кучер, нарушая все правила этикета, гнал лошадей), но вокруг было убито 22 человека и более 50 тяжело ранены. Это послужило поводом к репрессиям. В течение нескольких дней были арестованы «все террористы», на Гренельском поле были расстреляны основные участники заговора, 70 человек сосланы на Сейшельские острова, 52 — отданы под надзор полиции. Так первый консул расправился не только с «конкретно виновными», но и со «всеми активными деятелями революции». Большинство высланных на Сейшельские острова и в Гвиану погибли от тропической лихорадки и тяжелых лишений.

Разгромив демократов и стремясь привлечь старое дворянство на свою сторону, Наполеон разрешил вернуться во Францию 50 тысячам эмигрантов.

2 декабря 1804 года пожизненный консул был провозглашен императором. Двор новоявленного самодержца своим блеском и роскошью затмевал дворы старых европейских монархий. Наполеон восстановил иерархические отношения: появились титулы герцогов, графов и баронов, то есть все то, что потом называлось собирательным понятием «новое дворянство» в отличие от дореволюционного «старого дворянства». Щедро раздавались имения, дома, гербы.

Оппозиция, которая беспокоила его в первые годы консульства и империи, смолкла. После обуздания прессы усилились гонения на театры. Министр полиции Фуше лично контролировал программу каждого театра. Это в в его полную власть были отданы уцелевшие органы печати. Издание книг, брошюр, художественной литературы подчинялось строгой цензуре.

Создав особую привилегированную гвардию, Наполеон превратил армию в орудие реакции и агрессии. Церковь, став на сторону бонапартистского режима, поддерживала буржуазию. В новом катехизисе школьникам внушалось, что они должны почитать и любить Наполеона — он наделен властью от бога.

Великий принцип, сформулированный в первой статье Декларации прав человека и гражданина в августе 1789 года: «Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах», — давно был попран. Все законода-

тельство наполеоновской Франции было направлено на охрану частной собственности.

Находясь с первого дня захвата власти в полной зависимости от французских банкиров и промышленников, Наполеон проводил и внутреннюю и внешнюю политику им в угоду. Он отменил ранее существовавший прогрессивно-подоходный налог, что дало возможность буржуазии быстро обогащаться. В аристократических кварталах Парижа Пале-Рояль и Сент-Оноре вырастали великолепные особняки разбогатевших буржуа.

Были введены рабочие книжки, которые ограничивали права рабочих, и в случае конфликта рабочего и хозяина «вера давалась словесному утверждению хозяина». За нарушение трудового соглашения рабочий заключался в тюрьму, предприниматель же наказывался только штрафом.

Укрепляя свое положение в сельских районах, Наполеон потакал и деревенской буржуазии. Он отменил закон, облегчавший мелкому крестьянину покупку земли из фонда национальных имуществ, препятствовал в интересах деревенской буржуазии дроблению земельной собственности.

Наполеоновские войны, направленные в первую очередь против могущества Англии — главного торгового конкурента и политического противника, — поддерживались промышленной и торговой буржуазией.

Дешевое, а чаще бесплатное сырье, контрибуции и конфискации имущества и просто грабежи увеличивали государственные доходы. Побежденным государствам навязывались выгодные для французской промышленности таможенные тарифы.

Первое десятилетие XIX века ознаменовалось подъемом почти всех отраслей французской экономики. Для этого времени характерно ограничение импорта, увеличение экспорта, рост сырья внутри страны, улучшение средств сообщения и, наконец, появление новой техники. Была введена единая финансовая система. Наряду с мануфактурой развивалось новое фабричное машинное производство. В текстильной промышленности к 1812 году было более двухсот механических прядильных фабрик. В производство шелка также внедрялись машины. С 1800 по 1811 год производство тканей в Лионе утроилось.

Разительные перемены происходили и в сельском хозяйстве. Улучшенная обработка земли и расширение площадей дали большие прибыли в виноградарстве, шелководстве, льноводстве, увеличилось поголовье скота.

Казалось, империя процветала, все успехи во внешней политике находились в полной гармонии с успехами политики внутренней. Но финансовый кризис 1805 года и промышленный 1807—1808 годов стали первыми вестниками неблагополучия капиталистического производства. И ни блеск и величие новой архитектуры, ни широкие и красивые мосты и дороги, ни рост запасов золота в кладовых Парижа — ничто не могло скрыть симптомов начавшегося крушения.

Вскоре неудачи авантюрной экономической политики вызвали недовольство правительством Наполеона среди всех слоев общества. Его идея создать независимое замкнутое хозяйство континентальной Европы очень быстро показала свою порочность, и промышленная буржуазия стала отходить от своего кумира. Массовые воинские наборы лишали крестьянские хозяйства рабочих рук. Недовольные крестьяне отказывались посылать в армию своих сыновей. Расцвет спекуляции, скупка сельскохозяйственных продуктов по низким ценам разоряли земледельцев.

В городах росла безработица. Участились выступления рабочих, голодные волнения, поджоги продовольственных складов и ферм, рыночные бунты.

В стране углублялись социальные противоречия. Процветали только крупная буржуазия, спекулянты и ростовщики, а крестьянство, рабочие, мелкая городская буржуазия были обречены на жалкое существование. Экономический беспорядок, прогнившая политика, общее моральное падение — такой была «процветающая» Франция в эти годы, ставшая предметом анализа Фурье.

К началу 1806 года Фурье окончил еще одну из глав задуманной книги, посвященную критике существующего общества «цивилизованных».

Можно ли где увидеть, спрашивает он, беспорядок более ужасный, чем тот, который царствует на земном шаре? Половина всей земли заселена хищными зверями и дикарями, что, в сущности, одно и то же, а $^3/_4$ заселены варварами или головорезами, которые обращают в рабство

женщин и земледельцев. И только восьмая часть земного шара остается на долю «цивилизованных», которые говорят о своем превосходстве, а сами погрязли в нищете и разврате.

В существующем обществе около двух третей населения живет паразитически, за счет труда остальной трети. Беспощадно критикуя строй Цивилизации, Фурье классифицирует и дает подробную характеристику различных категорий паразитов. Он делит их на три группы: паразиты домашние, паразиты социальные, паразиты побочные. Вот как выглядит таблица «непроизводительных сил Цивилизации».

Домашние паразиты	Социальные паразиты	Побочные паразиты
1. Женщины.	4. Армии сухопутные и морские.	9. Гуляющие по закону.
2. Дети.	5. Агенты по сбору налога.	10. Софисты.
3. Прислуга.	6. Фабриканты.	11. Праздные люди.
	7. Коммерсанты и купцы.	12. Отщепенцы.
	8. Агенты транспорта.	

Разъясняя свою схему, Фурье считал, что к паразитирующим нужно отнести прежде всего женщин, которые заняты в домашнем хозяйстве или совсем не работают. Те, которые не работают, — паразиты явные, а те, которые заняты в домашнем хозяйстве, тратят свои силы совершенно нецелесообразно. К этой же категории Фурье относит три четверти детей, которые в результате плохого воспитания совершенно не работают в городе и почти не используются в деревне. Фурье сюда же причисляет значительную часть прислуги, не занимающуюся никаким производительным трудом. Это прислуга, занятая в конюшнях, прислуга, «удовлетворяющая роскошь».

Самую многочисленную категорию в обществе, отмечает Фурье, составляют паразиты социальные. Государство отвлекает от труда наиболее сильных представителей юношества, принуждая молодых людей посвящать целые годы паразитической жизни в армии. Бесполезное соединение людей и машин, называемое армией, употребляет-

ся на то, чтобы ничего не производить в ожидании времени, когда прикажут разрушать...

Вторую значительную категорию социальных паразитов составляют чиновники, сборщики налогов, служащие в охране. Целые легионы заняты сборами налогов. Только французские таможни имеют в своих штатах 24 тысячи человек. А сколько существует приставов, полевых стражей, охранителей охоты, шпионов и прочих!

Труд $^{9}/_{10}$ купцов и коммерческих агентов может выполнять $^{1}/_{10}$ того же числа людей. Можно освободить общество, по мнению Фурье, и от $^{2}/_{3}$ агентов транспорта.

Поощряются обществом и дополнительные паразиты — это прежде всего «гуляющие по закону» или по своей вине, лодыри, празднующие то «святой понедельник», то карнавал, то праздник корпорации, то праздник революции. Рабочие прерывают свою работу из-за каждого пустяка. Если мимо проходит кошка или человек и если хозяин отвернется, то они опираются на лопаты и глазеют без зазрения совести, сводя таким образом рабочую неделю к четырем дням.

Далее Фурье выделяет так называемых «софистов», среди которых первое место занимают юристы, люди comme il faut и обслуживающий персонал. Число таких только в Париже 60 тысяч. Наконец, сколько вокруг паразитирующих отщепенцев! Лотереи и игорные дома, падшие женщины, нищие, воры, разбойники требуют содержания армии жандармов и чиновников, также ничего не производящих...

Сколько же людей живет за счет общества!

И неудивительно, что остальная, меньшая часть населения не в состоянии обеспечить продуктами и товарами себя и этих паразитов. Но если труд правильно организовать, применить машины, на земном шаре наступит изобилие.

Анализируя особенности существующих видов производства, и мелкого и крупного, Фурье говорит о порочности всей системы производства, коренящейся в его раздробленности. Именно раздробленное производство порождает хаос и беспорядок в экономике, тормозит технический прогресс.

В земледелии раздробленность мешает лучшей обработке почвы. Мелкие хозяйства не могут приобрести удобрения, машины, провести мелиоративные работы и ввести

правильный севооборот. Мелкое хозяйство в земледелии приводит к нищете и разорению крестьян.

Но и в крупных хозяйствах ни технический прогресс, ни укрупнение производства не приносят улучшение положения труженика. Там господствует труд подневольный, каторжный. Жестокая нужда превращает рабочих фабрик в рабов. Они не заинтересованы в результатах своего труда. В обществе «цивилизованных» все меньше остается людей, имеющих собственные орудия труда. Предприниматели и труженики находятся в постоянном противоречии, усиливается гнет. Все материальные ценности общества сосредоточены в руках небольшой кучки капиталистов. Их богатства возрастают, положение большинства трудящихся становится все хуже. В итоге обществу угрожает восстановление феодализма, еще более ужасного, чем старый, феодализма коммерческого.

Самым вопиющим явлением строя Цивилизации Фурье называет противоречие между интересами личности и коллектива, ибо «каждый индивид находится в непрерывной войне с коллективом», а «счастье одних основано на неудаче и гибели других».

Врач заинтересован, чтобы его сограждане часто и длительно болели лихорадкой, прокурор желает, чтобы были затяжные процессы в каждой семье. Архитектору нужен пожар, который превратил бы в пепел четверть города, а стекольщик радуется граду, который перебил бы все стекла. Портной, сапожник желают, чтобы платье было сделано из плохой ткани, а обувь из скверной кожи, с тем чтобы эти изделия износились в три раза скорее — ради блага торговли. Для содержания суда во Франции ежегодно должно совершаться 120 тысяч преступлений...

Разве не порочен строй, где между различными классами, принадлежащими к разным сословиям, замечается лишь ненависть, враждебность или презрение; где крупный купец презирает мелкого, ученый — неученого, буржуа — крестьянина и рабочего? В этом обществе материальные интересы заставляют людей скрывать свои чувства, и кто искуснее умеет притворяться, тот считается более ловким и умным.

Фурье называет существующее состояние общества состоянием болезни. Нищета, беспорядок и разврат — вот что царит в области политики, в области морали и про-

мышленности. Это мир навыворот. Существующая цивилизация несет человечеству только бездну зла. Правительства думают о своем благе, а не о благе народа.

Всюду царствуют нищета и грабеж, продажность и взяточничество, государство служит и защищает интересы привилегированных и богатых против массы народа. Никакого движения или достижения в развитии человечества нет.

С чувством сострадания говорит Фурье о бедных тружениках, которые в грязных и смрадных мастерских всю жизнь отдают ненавистному им занятию. Их труд — проклятие, он несет только болезни и основан на угрозе голодной смерти. Антигигиенический и единообразный, он вызывает переутомление и расстройство организма. К этой оценке труда рабочего при капитализме обратится К. Маркс в «Капитале». «Не прав ли Фурье, — скажет он, — называя фабрики «смягченной каторгой»?» *

Фурье говорит, что положение рабочих в Цивилизации хуже, нежели положение диких зверей. Прогресс индустрии несет бедным несчастье, но и богатых не делает счастливыми. «Правда, теперь парижская буржуазия имеет лучшую мебель и безделушки, чем богачи XVIII столетия, но разве она стала счастливее от этого?»

Конечно, различные удобства приятны человеку, но они скоро надоедают и становятся предметом зависти бедняков.

Даже природа препятствует торжеству строя Цивилизации. Если посмотреть на земной шар, то те пункты (Китай, Индия, Европа), где развивалось хозяйство, — ныне муравейники нищеты.

«Посмотрите, — обращается Фурье к читателю, — какой хаос создала Цивилизация в мире. Погибли целые страны, Самарканд, когда-то знаменитый на Востоке, и все народы, обитавшие на пространстве между Амударьей и устьем Инда, утратили свое значение и превратились в бродячую орду. Обширная территория Индии идет к падению из-за тирании англичан». Во что превратились памятники гордой цивилизации? Фивы и Вавилон, Афины, Карфаген стали горстью пепла... Вот она, судьба этого преступного общества, — блистать в продолжение нескольких веков затем, чтобы потом померкнуть, возродиться вновь и снова низвергнуться. Таков строй Цивилиза-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, с. 437.

ции. Все, что есть хорошего, честного, мудрого, великого, несовместимо с ним.

Подводя итог в критике строя Цивилизации, Фурье отмечает, что подобное общество уже ничто изменить не может, совершенствовать его — занятие бесполезное. Необходимо найти новый социальный порядок, который обеспечил бы любому производителю благосостояние в таких размерах, чтобы он постоянно и добровольно предпочитал свой труд тому состоянию безделья и разбойничества, к которому он стремится в настоящее время. Фурье продолжает мысль просветителей XVIII века, что при новом социальном порядке новые теории не должны попирать предначертаний природы. «Природа смеется над нашими знаниями и нашей предусмотрительностью, она умеет порождать революции из тех самых мероприятий, которые мы предпринимаем для обеспечения спокойствия. И если Цивилизация продлится хотя бы полстолетия, сколько детей будет просить милостыню у ворот дворцов, где обитали их отцы?!»

«Природа держит меч» над всеми империями цивилизованных и «смеется над их разрушением». Ей, вероятно, доставляет удовольствие возвышать наше общество, чтобы, затем разрушив, доказать абсурдность наук. Он сравнивает общество с Сизифом, который, напрягаясь, вкатывал громадный камень на высокую крутую скалу, но камень падал вниз в момент достижения ее вершины. Цивилизация осуждена разрушаться как раз в тот момент, когда она будет видеть границу своих несчастий.

Критикуя строй «цивилизованных», Фурье клеймит не только экономические порядки. По его словам, государство является слугой богатых против массы населения, оно вооружает небольшое количество рабов против рабов безоружных. А законы в этом обществе хороши только для тех, кто их создал. Правительства находятся в полной зависимости у торговцев. Все колониальные войны — результат притязаний торговцев, а международное право основано на лжи, вероломстве, насилии.

Критика существующего капиталистического строя самое ценное, что есть в учении Шарля Фурье. Ф. Энгельс по этому поводу писал, что у Фурье «мы находим критику существующего общественного строя, в которой чисто французское остроумие сочетается с большой глубиной анализа... Он беспощадно вскрывает все материальное и моральное убожество буржуазного мира и сопостав-

ляет его с заманчивыми обещаниями просветителей об установлении такого общества, где будет господствовать только разум, такой цивилизации, которая принесет счастье всем, — с их заявлениями о способности человека к безграничному совершенствованию; он разоблачает пустоту напыщенной фразы современных ему буржуазных идеологов, показывая, какая жалкая действительность соответствует их громким словам, и осыпает едкими сарказмами полнейший провал этой фразеологии» *.

Энгельс, указывая, что «противоречие между общественным производством и капиталистическим присвоением воспроизводится как *противоположность между организацией производства на отдельных фабриках и анархией производства* во всем обществе», отметил, что открытие этого безвыходного противоречия сделал Фурье, назвавший его «порочным кругом» **.

Однако следует отметить, что при всей красочности критики существующего строя, раздирающих его противоречий представления Фурье о классовом составе общества весьма расплывчаты. Он делит общество на богатых и бедных, иногда определяет отдельные группы — двор, знать, буржуазия, народ, чернь, но и такое деление также лишено четкости. Фурье не видит основного, что порождает все бедствия и кризисы современного ему человечества, — противоречия между общественным характером производства и частным капиталистическим присвоением.

СВОБОДА... РАВЕНСТВО...

Послереволюционная Франция дала Фурье блестящий материал для социальной критики. С присущим ему сарказмом он говорит о лозунге «Свобода, Равенство, Братство».

Свобода на глазах у представителей его поколения стала не только свободой от деспотизма королевского правительства, но и свободой угнетения народа предпринимателями.

Проблеме свободы Фурье в своих записках посвящает много остроумных и полных глубокого анализа страниц. Он рассматривает это понятие в двух аспектах: физическом и социальном, из которых физический — это осво-

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 270.
** К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 217.

бождение человека от рабства труда, а социальный — свобода выбора занятий согласно своим влечениям.

Но какая цена физической свободе, пишет он, без свободы социальной? Доходов нищего едва хватит ему на жизнь, однако он пользуется большей свободой, чем рабочий, который должен беспрестанно трудиться для того, чтобы иметь возможность существовать. Притом страсти его остаются неудовлетворенными. Он, например, хочет идти в театр, но его средств едва хватает на пропитание. Он хочет стать народным представителем, но для этого нужно иметь большое состояние.

Разве свободен рабочий, если он только один раз в неделю может посвятить себе? Если присмотреться, то в этом обществе даже монархи и министры не пользуются полной свободой.

Можно ли после этого утверждать, что существует социальная свобода? Она так же призрачна, как равенство и братство. Провозглашенное революцией братство не помешало тому, что его апостолы пошли один за другим на гильотину; принцип равенства не дал народу, однако, ни работы, ни хлеба. Разве не призрачными оказались эти лозунги там, где солдаты продают свою жизнь за 5 су в день?

Сравнивая степень свободы цивилизованного человека и дикаря, Фурье находит, что положение последнего более выгодно. Он пользуется и физической и социальной свободой. Дикарь вместе со всем племенем участвует в решении вопросов войны или мира, ему ничто не мешает осуществлять свои желания, его труд привлекателен. И разве можно сравнить охоту или ловлю рыбы с трудом фабричных рабочих? Что станет с современным человеком, спрашивает Фурье, если он позволит вести себя так же беззаботно, забыв о плате за квартиру, и не будет считаться с общественным мнением? Его сочтут за умалишенного, на него обрушатся сборщик налогов, хозяин квартиры, жена и соседи.

Спросите, говорит он, у несчастного рабочего, терзаемого голодом и безработицей, преследуемого кредиторами и откупщиками, не пожелал ли бы он поменяться местами с дикарем и вновь стать охотником или кочевником? Без сомнения, он согласится. Ибо что дает ему Цивилизация? Бедняк не может заменить недостающий ему обед чтением Великой хартии вольностей.

Свобода «цивилизованных» призрачна, так как она не гарантирована. Это свобода голода, нищеты и обмана.

«Цивилизованные» попирают основное право человека — его право на труд. «Мы потеряли целые века, — возмущается Фурье, — в дебатах на тему о правах человека, но совершенно упустили самое элементарное право — право работы, без которого все остальные превращаются в нуль». Современное же общество, отнимая у человека это естественное право, тем самым попирает и избирательное право, ибо из нужды бедняк продает свой голос, а отсюда возникают опасные для общества последствия.

Фурье утверждает, что положение общества «цивилизованных» достигло критической точки и для его спасения необходимы срочные меры. Существующие противоречия в обществе грозят социальными потрясениями, междоусобными войнами. Всем ранее существовавшим учениям философов, политиков и моралистов он противопоставляет свое открытие как возможность выхода из тупика. Снова и снова он говорит о бесполезности политики реформ с целью исправить пороки общества. Нужно проникнуться отвращением к строю Цивилизации, а не исправлять его.

Эта мысль пройдет через все его произведения. Позднее он будет утверждать, что частичные реформы не только бесполезны, но и вредны, так как при существующем строе всякое нововведение обращается во зло, поскольку оно, поддерживая общий порядок, содействует лишь временному укреплению негодных устоев. Фурье отмечает досадное свойство, каким обладает порядок Цивилизации, свойство порождать зло из элементов добра. «Ценным нововведением, — убежден он, — будет только то, которое откроет наш выход из этой социальной бездны».

Фурье был свидетелем революции. В ее бурные годы, как мы помним, он находился в центре событий: в Руане, Марселе, Лионе. Обострившаяся борьба подчас приводила его в ужас. Исследователи жизни и творчества Фурье дают самые противоречивые оценки его отношению к революции.

На протяжении всей своей жизни Фурье и сам будет не раз возвращаться к событиям французской революции, давать им ту или иную оценку.

В неопубликованных записках, относящихся еще к 1803 году, он отмечал, что всякое социальное движение приводит общество к такому состоянию, когда оно спо-

собно породить зародыш другого. И как только в этом процессе варварство станет утонченным и будет доведено до самой высокой степени, настанет взрыв и «общество охватит всеобщее возмущение против торгашеских заговоров и отвратительных наук, их поощряющих».

В этих записках он характеризует французскую революцию как великое освободительное движение угнетенного народа, которое открыло огромные возможности развития истории, возможности перехода к высшему общественному порядку. Но политические деятели эпохи этого не поняли и реализовать возможности революции не сумели. Он осуждает кровавый террор и лично Робеспьера, как главного его проводника, полагая, что этот путь принес народу еще большее угнетение.

«Род человеческий подходил к своему освобождению, порядок Цивилизации, варварства и дикости исчез бы навсегда, если бы французы в своем нападении на предрассудки не сделали исключения для брака. Как это Конвент, который попирал ногами самое божество, размяк перед предрассудком супружества? Это был последний окоп строя Цивилизации; в нем он удержался, чтобы вскоре перейти в наступление и снова вступить во все свои владения. Однако какой очищающий крах должен был произойти на всем земном шаре, если бы не политическая робость Конвента. Можно сказать, что он сел на мель в виду порта. Размякнув перед лицом брака, он упустил огромную славу и вместо этого пал до великого позора, он претерпел судьбу робких прислужников, как и его вождь Робеспьер, который из-за мгновения трусости упустил трон и попал только на эшафот».

Фурье рассматривает события революции и как поражение философов, которые, выступив за уничтожение агонизирующего феодального строя, своим запоздалым вмешательством показали, что у этой философской секты не хватает изобретательного ума. Народу нужны были не разговоры о свободе и равенстве, а обеспечение ему реальных прав, и в первую очередь права на труд. «Общественный договор» философов XVIII века — это обман, так как он бессилен гарантировать первое из естественных прав — право на труд! Философы оказались обманутыми в ходе революции, ибо все они потеряли в ней состояние и жизнь, а выиграли торговцы, которые очернили философию, поставив ей в вину революцию, из которой только они извлекают себе пользу.

Фурье полагал, что революция как результат назревших в стране противоречий при верном и смелом руководстве могла не только покончить с пережитками феодализма, но и пойти дальше — путем скачка к строю ассоциации. И хотя революция не привела к победе народа, она не прошла даром. По его словам, порядок «цивилизованных» все более и более расшатывается; вулкан, открытый в 1789 году философией, находится лишь при первом своем извержении, другие обязательно последуют. Война бедного против богатого возобновится.

В 1810 году в наброске «О союзном складе товаров, или об отмене торговли» Фурье вновь повторяет, что Франция пришла к революции не из-за пропаганды философов, а в результате расстройства хозяйственной жизни и неспособности правительства преодолеть его. «Повсюду, где эти зародыши смуты сочетаются, мы видим, как разражается революция, в которой интрига прикрывается личиной воззрений (сегодняшнего) дня, пускают в ход пользующиеся доверием рычаги», так что всякая революция бывает обусловлена причинами, а «всякое учение совершенно неповинно в революциях, которым оно служит в качестве рычага».

После Фурье осталась большая тетрадь с символическим названием «Свободный», в которой в 1807 году он записал своеобразное сочинение под названием «Заблуждение Разума, доказанное смехотворными положениями неопределенных наук». Это снова его рассуждения по поводу французской революции. И здесь и в дальнейшем в своих произведениях Фурье не раз будет повторять мысль об исторической оправданности и величии французской революции, о возможности выхода из строя Цивилизации путем «скачка». Он согласен с тем, что путь перехода к строю Гармонии не исключает и насилия. Однако, несмотря на свои высказывания о возможности применения «средств принуждения», он все же стоит на позиции отрицания революционного насилия как орудия социального прогресса. Подлинная революционность Фурье, по словам Маркса и Энгельса, была в ином — в его блестящей социальной критике, в его общей социально-исторической концепции *.

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 456.

Глава IV

«ТЕОРИЯ ЧЕТЫРЕХ ДВИЖЕНИЙ»

После четырех напряженных лет работа над книгой наконец-то была закончена. Она вышла в свет в 1808 году со следующим названием: «Теория четырех движений и всеобщих судеб. Проспект и анонс открытий». Предполагая, что издание выйдет анонимно, Фурье обозначил фиктивное место выпуска: город Лейпциг. Но, видимо, в последнюю минуту передумал и в конце книги, объявляя о подписке на другие сочинения, указал свой адрес: «Шарль из Лиона». Впоследствии ученики, выпуская посмертное собрание сочинений метра, сообщат, что это должен был быть первый том обширной работы, рассчитанной приблизительно на восемь томов.

Первую часть книги Фурье посвятил некоторым философским и социальным проблемам. Здесь же нарисовал фантастические картины общества будущего, чудеса, которые произойдут на Земле и во всей вселенной, когда человечество перейдет к строю Гармонии. Но основное в этой работе — критика современного строя.

В названии книги суть ее содержания: в четырех движениях, по мнению Фурье, основа мироздания. Автор запальчиво объясняет, что открытие им новой теории четырех движений и есть то единственное исследование, «которое должен был иметь в виду разум человека». Его открытие важнее, чем все научные работы, сделанные до сих пор, и только «один спор должен отныне занимать людей периода Цивилизации: это спор с целью выяснить, действительно ли я открыл теорию четырех движений». И в случае подтверждения французам следует готовиться «к внезапному переходу от социального хаоса к всемирной Гармонии». В сообщении о своем «открытии» Фурье в тоне нового прорицателя говорит, что оно далось ему в результате отсутствия предубежденности: «И самый рядовой мог бы сделать то, что сделал я, если бы он не имел предрассудков».

Он пытается убедить читателя, что эта книга только беглый набросок его теории, и основное в ней — рассуждения о политическом невежестве «цивилизованных», которое заключается в «порочности системы супружества, порочности системы торговли и легкомыслии философов, не сумевших найти лучший способ сочетания полов». В главе, названной «Предварительное слово», он говорил о «легкомыслии цивилизованных», которые забыли две основные отрасли научного исследования — «исследование о земледельческой ассоциации и о притяжении по страстям». Фурье заключает, что последствия этого легкомыслия оказались пагубны, так как социальный хаос в результате этого бесполезно затягивается на протяжении 2300 лет...

О ВЫГОДЕ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ АССОЦИАЦИИ

Считая ассоциацию единственным путем выхода из социального хаоса, Фурье предлагает читателю в «Теории четырех движений» свое исследование этой формы человеческого общежития. Если человек хочет быть счастливым, то он должен удовлетворить все свои потребности, а для этого нужно создать в обществе изобилие. Все же усилия человека в одиночку создать богатства ничего не дают. Труд людей нужно объединить, и самое выгодное объединение — это сельскохозяйственная ассоциация. Фурье говорит, что философы не обратились к таким земледельческим товариществам только потому, что не верили в них, как не верили в отмену рабства. «Видя, что у деревенского жителя каждое хозяйство работает изолированно, они не знали никакого средства к их объединению, а между тем можно было бы добиться бесчисленных преимуществ, объединяя обитателей земельных клочков...»

Фурье надеется, что впоследствии он подробно представит французам свой план, как лучше организовать труд в ассоциации, а сейчас нужно только убедить их в выгоде объединения хозяйств. Убедить же можно только фактами. Вот, к примеру, какие сбережения могли бы произойти, если бы триста семейств ассоциированных крестьян посылали в город только одну молочницу с бочкой молока на рессорной повозке. Это сберегло бы сотню полудней, потерянных сотней молочниц, которые таскают по городским улицам сотню кувшинов. Здесь можно сэкономить 99 процентов труда.

В ассоциации крестьяне получат выгоду и от расходов по хранению продуктов. 300 сельских хозяев имеют обыкновенно 300 погребов, а так как вино и жидкость требуют больше ухода, чем зерно, то и убытки в винных погребах превосходят убытки в хлебных ригах. Ассоциации потребуется всего 3 чана, что сэкономит $^{9}/_{10}$ на постройки, $^{19}/_{20}$ расходов на покупку бочек, расходов весьма значительных и вдвойне разорительных. Снова подсчеты: сколько на общественное ведение хозяйства?.. Какая экономия от закупки и сбыта?.. А какую выгоду получает крестьянское хозяйство при экономии топлива?! Вместо 300 кухонь в ассоциации потребуется всего 5: для специальных заказов, для первого, для второго, третьего классов, для приготовления пищи животным. Только на этом экономия составит 90 процентов. Кроме того, для отопления залов развлечений будут устроены паровые печи, отапливаемые не 24, а 3 часа в сутки...

В строе Цивилизации уже встречаются проблески сознания ассоциации, но эти зародыши ассоциаций обязаны инстинкту крестьян, а не развитию науки. Ученые не обратили на них внимания.

К примеру, здравый смысл подсказал жителям Севра, что, если каждая семья будет варить себе пиво, оно обойдется дороже хорошего вина. И потому пивоварни у них общие. Монастырь и военная казарма инстинктивно понимают, что одна кухня, приготовляющая кашу для 30 человек, лучше и дешевле 30 отдельных кухонь.

Крестьяне департамента Юры, видя, что из молока одного двора не приготовить сыр грюер, объединяются, сносят каждый день молоко в общую сыроварню, где эти индивидуальные поставки отмечаются на деревянных табличках, а из собранного таким образом молока приготовляется с незначительными затратами в большом котле объемистый круг сыра.

В конце жизни Фурье будет настойчиво утверждать, что теорию ассоциации открыл именно он, но здесь, в «Теории четырех движений», признает, что попытки создать земледельческие союзы из нескольких семей уже были, хотя и терпели неудачу потому, что крестьяне не проявили достаточной настойчивости. «Надо было только не отчаиваться из-за неудач и разочарований, не судить о крупном по мелочам, но с удвоенным рвением продолжать опыты. Если неудачен был опыт с 4 семьями, надо было провести его над 8; не удался над 8 — пробовать

над 16, потом над 32, 64, потом над 100. Дойдя до этого пункта, открыли бы систему работ сериями и короткими сеансами; преимущества такой работы ясно видны на союзах из 350—400 человек. Если бы эти опыты над 60, 80, 100 семьями продолжались с должной настойчивостью, то в конце концов, несомненно, был бы открыт механизм ассоциации».

Развивая мысль об очевидной выгоде земледельческой ассоциации, Фурье впоследствии будет убеждать французов создавать и небольшие городские промышленные товарищества. Такие объединения станут основой для уничтожения существующего строя. Строй Гармонии будет состоять только из таких ячеек-ассоциаций.

Эта мысль Фурье ценна в том плане, что она отличала предшественника научного коммунизма от всех тех, кто считал кооперативные товарищества совместимыми с существованием буржуазного общества.

Высоко оценив идею Фурье о необходимости развития крупного общественного производства, К. Маркс писал: «Из всех систем, еще до сих пор сохранивших значение, единственная не коммунистическая — это система Фурье, который больше обратил свое внимание на общественную организацию человеческой деятельности, чем на распределение производимых ею продуктов» *.

ЗАКОН ВСЕОБЩЕГО ТЯГОТЕНИЯ

По мнению Фурье, весь существующий мир подчинен законам аналогии. Мир создан богом из материи при помощи математики как целесообразный механизм и подчинен законам математики во всех своих частях. Исходя из этого положения, он рассматривает вселенную как подобие бога, а человека как подобие вселенной. Закон всеобщей аналогии Фурье расценивает как самое важное свое открытие. Итак, существующий мир — единство, подчиняющееся всеобщим закономерностям. Мировое единство возможно благодаря принципу движения.

Фурье насчитывает четыре вида движения, характерных для существующего мира: материальное, органическое, животное и социальное. Первое из них представляет собою механическое движение материи. Органическое — устанавливает законы распределения форм, цве-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 553.

тов, вкусов и других особенностей вещей. Животное движение носит инстинктивный характер. Наконец, социальное движение проявляется в развитии общества.

Каждое из этих движений — суверенная область, требующая основательного исследования. Однако Фурье признается, что он не имеет необходимых знаний, чтобы анализировать все их, и рассматривает только сферу социального движения.

«Я представляю, — говорит он, — все остальным ученым различных отраслей знаний, которые сумеют воздвигнуть на заложенном мною фундаменте величественное здание».

Открытие социального движения Фурье ставит себе в большую заслугу. Он сравнивает себя в этом смысле с Ньютоном, открывшим закон тяготения небесных тел.

В чем же суть открытия? Господствующий в мире закон тяготения присущ не только всеобщему механическому движению материи, он по-своему проявляется и в движении человеческих страстей. Законы притяжения страстей, утверждает Фурье, поразительно сходны с законами материального притяжения. Эта аналогия может простираться от явлений общих к частным. Природные свойства животных, растений и минералов, быть может, координированы по тому же единому плану, что и закономерности и свойства человеческого естества и небесных тел. Посмотрите на вселенную, и вы увидите, что все небесные тела стремятся друг к другу по принципу всеобщего притяжения, а в человеческом обществе стремления людей друг к другу также объясняются законом всеобщего тяготения, и проявление его — факт притяжения страстей.

Как и природа, человек у Фурье наделен тремя важнейшими началами: страсти — активное, движущее начало, тело — пассивное, движимое, а разум — регулирующее начало. Страсти — основа социального поведения человека. Фурье утверждает, что они даны человеку богом, неизменны по сути и совершенны.

Сколько ученых по-своему трактовали человеческие страсти?! Десятки исследований рассматривают страсти как нечто низменное, аморальное, но если страсти правильно развивать, то они будут служить человечеству с великой пользой. И строй будущего, строй Гармонии не допустит уравнительства, а тем паче преследования страстей человека. Общество способно развиваться только при страстях пылких и утонченных. С образованием ассоциа-

ции все противоречивые людские страсти придут к согласию, и чем они окажутся ярче и многочисленнее, тем лучше.

Противопоставляя страсти человеческому разуму, Фурье не колеблясь отдает предпочтение первым. «Страстное притяжение есть импульс, вложенный в человека природой; он действует вопреки разуму, долгу, предрассудку». Во всем мире не более одного процента людей, способных покорять свои страсти. Даже самые великие апостолы разума, такие, как Вольтер, были во власти страстей.

«В деле подавления страстей разум не играет никакой роли. Детей может удержать от проявления страстей только страх, молодежь — лишь отсутствие средств. Воздержание стариков объясняется разочарованиями, оставленными пылкими страстями юности, а народные страсти укрощаются только страхом перед наказаниями. Без угроз доводы рассудка бессильны против страстей. Рассудок не оказывает никакого решающего влияния на поведение человека, а каждодневное наблюдение убеждает нас, что самым существенным для человека является влечение страстей. Люди лишь настолько прислушиваются к доводам разума, насколько он позволяет им утончать наслаждения и полнее удовлетворять страсти».

Общество «цивилизованных» враждебно свободному проявлению человеческих страстей. Уродливые формы придают страстям хаос и беспорядок, возбуждают одну против другой. В нынешнем обществе «страсти, — по утверждению Фурье, — подобны разнузданным диким зверям».

Современная мораль учит человека быть врагом самому себе, бороться со своими страстями, подавлять их, душить, как будто бог не сумел разумно организовать наши души, наши страсти. Ученым не дано понять силу естественных импульсов, их роль и значение в общественном механизме; естественные импульсы признаны вредными, внесены в список пороков и подвергнуты изгнанию.

Классификации страстей Фурье посвятил в книге целую главу, назвав ее «Древо страстей и его разветвление». Здесь вновь проявилось необыкновенное пристрастие мыслителя к перечислениям.

У людей всех возрастов и положений он выделяет тринадцать страстей и делит их на три группы.

В первую группу — она носит название *люксизм* — входят материальные страсти, которые соответствуют пя-

ти органам чувств человека: зрению, слуху, осязанию, обонянию и вкусу. Это внутреннее сокровище человека, основа его здоровья. Но необходимо богатство, чтобы удовлетворять все требования своих чувств.

«Пусть у вас прекрасный слух, — пишет Фурье, — но у вас под носом закроют дверь оперы или концерта, если вам не на что купить билет, и, стоя у дверей, вы увидите, как туда входит множество людей, малоинтеллигентных, с самым плохим слухом, но обладающих хорошей мошной. Для счастья, следовательно, недостаточно иметь внутреннюю роскошь, или здоровье; необходимо иметь еще внешнюю роскошь или богатство, которое гарантирует свободное проявление чувств, между тем как внутренняя роскошь дает только возможность их проявления». Под влиянием первой группы страстей человек стремится к удовлетворению своих личных потребностей, к чувственным наслаждениям. *Люксизмом* Фурье называет стремление к роскоши.

Ко второй группе относится стремление к семейному счастью, к выбору определенного круга друзей. Она носит название *группизм* — то есть стремление к образованию групп. Сюда входят самые нежные и трогательные страсти. Их четыре: дружба, любовь, семейное чувство и честолюбие. Они извлекают человека из скорлупы индивидуальной жизни, создают привязанности, симпатии. В обществе Цивилизации эти страсти извращены, изуродованы. Особенно семейное чувство, опутанное материальным расчетом, принуждением.

«Всякое принуждение, — делает вывод Фурье, — порождает лживость. Последняя, следовательно, лишь увеличивается благодаря влиянию группы семейного чувства... Поэтому-то наиболее лживыми из всех обществ являются цивилизованное и варварское, где господствует эта группа. Варварское общество, более кровавое, более деспотичное, чем наше, является, однако, менее лживым, будучи менее подчинено влиянию группы семейного чувства».

Страсти третьей группы — *сериэм* — источник социальной Гармонии. Они поддерживают и регулируют общественные отношения между людьми. Сериэм означает стремление к образованию серий. Сюда входит страсть к соревнованию, к переменам, интриге, страсть, возбуждающая творческий экстаз. «Эти три страсти, — отмечает Фурье, — называются направляющими и ведут общество

к установлению общественного и домашнего механизма, совершенно неизвестного при Цивилизации». Страсть к соревнованию будет прекрасным инструментом в состязании между сериями. Люди будут стремиться перегонять друг друга в развитии способностей, дарований, в достижении более высокого качества работ и минимальных сроков их выполнения.

Эта страсть станет созидательной силой, вносящей усовершенствование в промышленность, оживление, бодрость и настойчивость в поведение людей. У «цивилизованных» она приносит только вред, она осуждается философами, всем обществом.

Общее усовершенствование промышленности родится... из страсти к интриге, считает Фурье, она так же преобразует человека, «удвоит его силы, углубит его способности. Сравните беседу, ведущуюся по всем правилам этикета, скучную, медленную, пропитанную морализированием, с разговором тех же людей, чем-нибудь заинтригованных: вы будете присутствовать при метаморфозе, вы будете восхищаться их лаконизмом, их оживлением, активностью мысли, быстротой действий, решений. Этот чудесный расцвет человеческих способностей вырастет на почве 10-й страсти к интриге».

Но самая возвышенная и самая прекрасная из всех страстей — энтузиазм, то есть страсть к согласованию, к творчеству. В условиях ассоциации труд будет сопровождаться радостью, весельем, творческим порывом, а каждый успех в работе — похвалой, наградой, славой.

Человек всегда стремится к перемене. Даже самый приятный труд, если не чередовать его с чем-либо еще, утомляет, отупляет. Страсть к перемене вытекает из отвращения человека к однообразию. «Если бы работы в сериях, — поясняет Фурье, — должны были продолжаться, как это проделывают цивилизованные рабочие, 12—15 часов в сутки, то Бог вложил бы в нас склонность к монотонности, отвращение к переменам. Но работы в сериях должны быть очень кратковременны, а так как энтузиазм, вдохновляющий нас, может продолжаться не более полутора часов, Бог вложил в нас страсть к порханию, к периодическим переменам в фазах жизни и к разнообразию в роде труда».

Верховной страстью Фурье называет тринадцатую страсть — гармонизм, — которая согласует в человеке лич-

ные интересы со стремлениями всего общества. Она порождает людей, которых «цивилизованные» презрительно кличут оригиналами, ибо они плохо себя чувствуют в этом мире и не могут примириться с обычаями Цивилизации. Такие люди лишены эгоизма, они — сама добродетель, их призвание — делать добро. Но буржуазное общество не дает этой страсти развиваться. Гармонизм лишь тогда процветет, «когда весь человеческий род будет богатым, свободным, справедливым».

Каждый человек, по мнению Фурье, обладает всеми этими страстями, но проявление их у разных людей неодинаково. Какая страсть господствует в человеке, такой у него и характер. Фурье разрабатывает целую «клавиатуру», или последовательный ряд характеров, включающий... 810 разновидностей!

Кроме характеров, он отмечает и наличие различных темпераментов. Таким образом, человек обладает громадными природными задатками и возможностями, но среда и воспитание глушат их. Только правильное применение страстей при строе Гармонии «установит в мире единство и заставит исчезнуть войны, революции, нищету, несправедливость».

Впоследствии, оценивая слабые стороны социальных воззрений Шарля Фурье, Г. В. Плеханов писал: «Все многочисленные утопии первой половины нашего века представляют не что иное, как попытку придумать совершенное законодательство, принимая человеческую природу за верховное мерило. Так Фурье берет за точку отправления анализ человеческих страстей...» И далее: «Поскольку социалисты-утописты XIX века держались точки зрения человеческой природы, постольку они лишь повторяли ошибки мыслителей XVIII столетия — грех, которым грешила, впрочем, вся современная им общественная наука».

СУДЬБЫ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

В основе представления Фурье об истории развития человечества лежит идея прогресса, которую он воспринял от просветителей XVIII века.

Судьбу человечества Фурье связывает с общей схемой развития вселенной. Каждая планета, по его словам, рождается и, подобно человеку, проходит фазы детства, юности, зрелого возраста, упадка и старости. Разумеется, и

человечество не будет жить вечно. Оно пройдет определенный цикл развития, который, по подсчетам Фурье, продолжается в общей сложности 80 тысяч лет и распадается на 32 периода и четыре закономерно сменяющиеся фазы. Первые семь периодов — время дисгармонии, когда человечество набирает силы, фаза детства, в конце которой мы сейчас пребываем. Продолжительность ее — 5 тысяч лет. Затем идут 18 периодов Гармонии, которые делятся на две фазы: возмужалости (в 35 тысяч лет) и упадка. С 26-го периода начнется фаза дисгармонии — время старческой слабости. Она будет продолжаться 5 тысяч лет, и с ее завершением наступит конец земного существования человечества.

Впоследствии в «Новом промышленном мире» Фурье даст более четкую классификацию первых восьми периодов социальной эволюции, снабдив ее соответствующей таблицей:

Периоды, предшествовавшие индустрии	0. Хаотический, без человека 1. Первобытный 2. Дикость или инертность
Промышленность раздробленная, отталкивающая	3. Патриархат, мелкая индустрия 4. Варварство, средняя индустрия 5. Цивилизация, крупная индустрия
Индустрия общественная, притягательная	6. Гарантизм, полуассоциации 7. Социантизм, простая ассоциация 8. Гармонизм, сложная ассоциация

Исследователями наследия Фурье эта таблица будет рассматриваться в ряду его многочисленных фантазий, но она интересна тем, как автор объясняет смену одного периода другим. Дисгармония первых периодов, по его убеждению, результат недостатка средств существования на земном шаре. Период «счастливого детства», «естественного состояния, когда человечество только начинало заниматься земледелием и скотоводством», сменился другим, с более усовершенствованными орудиями труда и появлением относительного изобилия, необходимого для развития человечества на новой исторической ступени. Как

видим, подобно Руссо, Фурье объясняет исторический процесс, исходя из противоречий между потребностями человека и ресурсами общества.

В таблице социальной эволюции интересно и то, что определяющим признаком каждого исторического периода Фурье считает уровень организации материального производства, так как «организация производственного механизма — стержень человеческого общества» и только «преобразование производства — непременный путь ко всякому благотворительному преобразованию иного рода». Фурье предполагает, что переход к новому социальному периоду всегда отмечен увеличением количества производимых благ и влечет за собой лучшее их распределение. Прогресс, по его словам, «пролагал себе путь в едва заметных изменениях орудий производства».

От первобытных серий, от дикости и инертности человечество двигалось к патриархату под влиянием образования раздробленных хозяйств, изобретения орудий труда. От патриархата к варварству — вследствие зарождения и роста средней промышленности, от варварства к цивилизации — благодаря предоставлению гражданских прав женщине, а также в связи с развитием крупной промышленности, наук и искусств.

Фурье утверждает, что между различными социальными периодами образуются промежуточные общества и что в этом процессе не существует «чистого общества», лишенного остатков старых хозяйственных форм. В качестве примера он берет Россию и Китай, говоря, что именно в этих странах представлено смешение различных общественных форм — патриархата, варварства и цивилизации.

В своих взглядах на историю развития человечества Шарль Фурье ближе всего подошел к идеям научного материализма. Это отмечал Ф. Энгельс: «...ярче всего проявилось величие Фурье в его понимании истории общества... Фурье, как мы видим, так же мастерски владеет диалектикой, как и его современник Гегель» *. Эта оценка Энгельса замечательна тем, что он отмечает научную значимость классификации, которую предлагал Фурье. Несмотря на утонченную фразеологию и обилие наивно-мечтательных конструкций, Фурье при исследовании истории человеческих обществ исходил все же из реального про-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 271.

цесса жизни, быта и труда людей. Он строил картину будущего на основе познания прошлого и настоящего.

Фурье предрекает закат буржуазного общества не только исходя из анализа его экономического состояния. Этот закат виден уже и по многим иным признакам, взять хотя бы вырождение животного и растительного мира. Средний рост первобытного человека, по его подсчетам, достигал $73^1/_2$ парижского дюйма, а продолжительность жизни была равна 128 годам. Рост же современного человека достигает 63 дюймов, а человеческая жизнь уменьшилась почти в два раза. Цивилизация исчерпала все свои внутренние силы и на данной стадии приносит человечеству только вред.

Процесс перехода строя Цивилизации к более совершенному без вмешательства человека может затянуться. Поэтому управление этим процессом должен взять на себя разум человека. Один он может не только ускорить или замедлить развитие общества, но даже миновать его отдельные этапы.

К чему же придет человечество в своем развитии? — спрашивает Фурье. Представляя читателю будущее общество, он не сдерживает своей фантазии.

Как оправдание звучит вступление автора к главе «Северный венец». Фурье говорит, что эта глава «скорее любопытна, чем необходима, и ее можно опустить и перейти к последующим», но автор уверен, что она читателям будет интересна.

Строй Цивилизации вследствие беспорядочного хозяйствования постоянно портит климат земного шара, а потому в будущем обществе «воздух — это поле, столь же подверженное хозяйственной разработке, как и почва», и на исправление климатических условий будут направлены огромные созидательные работы, в результате которых улучшится атмосфера земного шара и утроятся урожаи. Фурье, в частности, отмечает, что климат Франции заметно испортился, хотя бы потому, что все дальше на юг отступает масленичное дерево. Полвека тому назад оно еще встречалось в Монтелимаре, сейчас же его находят только ниже Дюрансы, самого южного притока Роны. Апельсиновое дерево исчезло из района южного приморского города Иера. Все культуры в опасности, потому что обнажены от лесного покрова Альпы и другие горные цепи.

Земледельческая ассоциация, объединения людей в группы по страсти, свободный и вдохновенный труд создадут изобилие, а изобилие изменит весь земной шар. У Северного полюса появится искусственный венец, который будет излучать тепло. Он будет виден и в Охотске, и в Петербурге, и на всем протяжении 60-го градуса широты.

Влияние Северного венца будет настолько огромно, что температура земного шара поднимется на 5—10 или даже на 12 градусов. Фурье обещает жителям Стокгольма, Петербурга, Тобольска и Якутска температуру Гасконии и Ломбардии. А морскому побережью Сибири температуру Неаполя... Жители на территории от Петербурга до Охотска будут снимать два урожая в год!

Фурье старается убедить читателя, что на земном шаре даже сейчас существует достаточно примет, предвещающих это событие. Например, если посмотреть на все три материка южного полушария, то они заострены к полюсу, чтобы иметь возможно меньшее общение с полярными широтами, а форма северных материков — противоположна: они расширяются с приближением к полюсу и группируются вокруг него, чтобы воспринять лучи венца...

И в один прекрасный день Северный венец засияет! Как можно этому не верить!

Обобщая свои географические наблюдения, Фурье говорит:

«Можно сетовать, что Бог слишком далеко расположил Магелланову точку... Но намерения его были таковы, чтобы этот путь был заброшен и чтобы у Суэца и Панамы были устроены два канала, судоходных для крупных кораблей». (Это предсказание Фурье сделал за 50 лет до постройки Суэцкого и Панамского каналов.)

В результате изменения климата зацветут апельсиновые рощи вокруг Варшавы, а в Петербурге созреют виноградники. Зато лето в Сенегале будет менее утомительным. Влияние венца таково, что изменится даже свойство воды в морях — она приобретет вкус лимонада, ее можно будет легко очистить от соленых и кислых частиц и сделать пресной. Плавающим судам не потребуются в дальний путь запасы пресной воды.

Фурье уверен, что, познакомившись с описанием Северного венца, читатели не преминут обвинить его в шарлатанстве, а мудрецы сдержанно назовут мечтателем.

Что ж, он не ошибся. Его действительно называли и мечтателем и шарлатаном не только при жизни, но и столетие спустя. Причем из всего написанного им самые яростные и самые ядовитые нападки всегда вызывала именно глава «Северный венец».

А разве могло пройти без внимания его вызывающее, отдающее каким-то примитивным суеверием утверждение, что после своей смерти человек обречен странствовать с одной планеты на другую? И что якобы благодаря преобразованиям, которым вместе с земным шаром подвергнутся и другие планеты, человек в своих посмертных скитаниях будет иметь возможность переходить с менее совершенной планеты на более совершенную, черпая все более возвышенные наслаждения в гармонии звездного мира, где душа его сумеет проявиться во всей полноте своих 810 свойств...

При строе Гармонии, продолжает мечтать лионский коммерсант, сначала под влиянием улучшившихся условий жизни возрастет народонаселение, но по мере развития духовных и физических способностей женщин их плодовитость уменьшится и рост народонаселения прекратится. Далее произойдет необыкновенное усовершенствование всех органов человека. Люди научатся пользоваться пальцами ног с такой же ловкостью, как и пальцами рук; и через какие-нибудь двенадцать поколений у человека произойдут такие изменения в желудочках сердца, что он станет способным, подобно амфибиям, жить в воде...

Эти фантазии, конечно, вызывали возмущение современников, но известный французский кооператор и биограф Фурье Шарль Жид скажет, что «тот, кто при чтении произведений Фурье в досаде на эксцентричности... бросит книгу в корзину, как негодный хлам, окажется более безумным, чем сам Фурье. Он окажется столь же смешон, как и тот вор, про которого любопытную историю рассказывает древний автор. Пробравшись в дом к афинянину, чтобы похитить его драгоценности и дорогие статуи, вор был весьма огорчен, найдя только одну грубо отделанную фигуру из обожженной глины, которой он не придал никакого значения и презрительно отбросил в сторону. Глупец, он не знал, что древние обыкновенно скрывали изображения своих богов из золота, серебра или слоновой кости под аляповатой глиняной оболочкой, представлявшей какого-нибудь фавна или лесного бога. Если бы он дога-

дался разбить безобразную форму, то нашел бы изображение божества ослепительной красоты. То же самое ждет того, кто при чтении произведений Фурье очистит их от грубой накипи: он придет в восторг при виде драгоценных блестящих истин, которые за ней скрываются».

Биографы и последователи Фурье, цитируя его предвосхищения, неоднократно указывали, что многие его положения сбылись, что в его нелепостях время обнаружило достаточную долю научности. Ведь тот же Чарлз Дарвин, говоря об эволюции развития всего живого на Земле, свидетельствует о долгом пути изменения и животных и человека. Почему же не согласиться с Фурье, что эти изменения произойдут через 12 тысяч лет, или 120 поколений?

Фридрих Энгельс дал классическое определение того, как нужно подходить к «смешным фантазиям» великих утопистов: «Нас гораздо больше радуют прорывающиеся на каждом шагу сквозь фантастический покров зародыши гениальных идей и гениальные мысли, которых не видят эти филистеры» *.

Кто же виноват, спрашивает Фурье, что человечество в своем развитии достигло того плачевного состояния, в каком находится общество «цивилизованных»? Отвечая самому себе, он снова обращается к ученым. Вот, философы, горькие плоды ваших наук! Бедность, безысходная нищета!.. Ваши системы увековечили раздоры и катастрофы, вы не смогли поставить человека выше животного. И вы гордитесь тем, что усовершенствовали разум? Именно вы в первую очередь виноваты, что общество идет от одной пропасти к другой.

Фурье говорит, что «все ученые впали теперь в странное заблуждение; в каждой отрасли науки они упустили из виду ее фундамент. Говоря об экономии в производстве, они забывают упомянуть об ассоциации, которая бывает основой всякой экономии. Говоря о политике, они забывают установить предельную норму народонаселения, от которой главным образом и зависит благосостояние страны. Говоря об управлении, они забывают рассмотреть средства для создания единого для всех стран управления, без которого немыслима гарантия спокойствия и са-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 194.

мого существования государств. Говоря о торговле, они забывают указать средства для борьбы с мошенничеством, спекуляцией и ажиотажем... Говоря о морали, они забывают упомянуть о правах слабого пола, порабощение которого делает невозможным установление справедливости. Говоря о правах человека, они забывают установить принцип права на труд, без которого все остальные дарованные цивилизацией права становятся бесплодными».

Вы, философы, вчера упрекали в ханжестве святого Варфоломея; сегодня вы нападаете на людей, растерзанных толпой в революционном фанатизме; вчера Европу опустошали крестовые походы, сегодня равенство губит миллионы юношей, а завтра какое-нибудь новое событие утопит в крови цивилизованные империи.

Вероломные учения! Фурье удивлен, почему до сих пор философы не признали свое поражение. Им давно нужно приготовить «истине жертву искупления», взять факел, зажечь костер и бросить в него все содержимое философских библиотек. Отбросив свои заблуждения, ученые должны решать сейчас одну-единственную проблему: найти новый социальный строй, который «обеспечил бы производителям достаточное благосостояние».

«Вы, — обращается он к философам, — всегда внушали ужас даже тем монархам, которых вы причислили к своим ученикам. Спарта вас выбросила из своих недр, а Катон добивался вашего изгнания из Рима. Не так еще давно Фридрих говорил, что наихудшей карой для провинившейся провинции была бы отдача ее во власть философии, а Наполеон закрыл политическим и моральным наукам доступ в святилище полезных наук. Неужели вы не усомнились сами в себе?»

Наукам пустым, извращенным и обманным можно противопоставить науки точные, первая среди которых — математика. По ее образу должна быть построена и «социальная наука».

И в последующих работах Шарль Фурье будет не раз обращаться к ученым, порицать и обличать несостоятельность их теорий и, чтобы исправить состояние наук, разработает ряд общих методологических требований к научным исследованиям. Он будет говорить о тех обязательных правилах, которым ученые должны непременно следовать, если они идут по пути искания истины. В качестве руководителя необходимо взять только опыт и идти по аналогии от известного к неизвестному. Все согласовы-

вать с природой, остерегаться, как бы заблуждения, ставшие предубеждениями, не были взяты в качестве принципов... Наблюдать вещи, которые мы хотим познать, а не воображать их... Избегать злоупотребления словами, которых не понимают. Забыть то, чему мы научились, вернуть наши идеи к их истокам и проделать заново путь человеческого познания...

Причем Фурье отмечал, что он не устанавливает эти требования, что они существуют не по его усмотрению, а «извлечены из догм самых знаменитых писателей». Исследователи действительно в этих положениях найдут некоторые правила, взятые у Декарта, у Кондильяка и Бэкона.

И если бы, по словам Фурье, «наука следовала им, роду человеческому уже давно удалось бы найти один из двенадцати выходов из хаоса цивилизации, варварства, патриархата и дикости». Однако, сетуя, что философы не следуют этим правилам, Фурье, увлеченный своей необузданной фантазией, и сам далеко не всегда следовал им.

«ЭТО БЫЛ ПРОБНЫЙ ШАР...»

Заканчивая последнюю главу, Фурье признавал, что книга получилась далеко не совершенной. Изложение страдает явными недостатками, но он надеется, читатель учтет, что излагать свой предмет взялся человек, чуждый литературного мастерства, что знания автора элементарны, ограничены, неполноценны, и воспримет это как наброски.

Перед тем как отнести рукопись издателю, он еще раз просмотрел написанное. Да, связного изложения не получилось. То чрезмерно громоздящиеся подробности о яствах, какими будут услаждать себя «гармонийцы», то выпирают сюжеты любовных утех, общая же картина гармонического общества не вырисовывается.

Отчетливо осознавая, что «Теория четырех движений» несовершенна, что «это был пробный шар, попытка пробудить внимание и прозондировать расположение публики», Фурье задним числом будет предельно самокритичен. Он скажет, что «теория» содержит много ошибок и что это не стиль науки, там полно пышнословия...

Иногда кажется, что в подобного рода самобичеваниях Фурье даже чрезмерен: «...мой проспект страдает отсутствием стиля, метода и г. д., я готов с этим согласиться

и не буду прилагать усилия, чтобы учиться грамматике...» «Я, помимо своего открытия, не обладаю никакими знаниями, кроме бухгалтерии».

И в то же время, не претендуя на роль писателя-стилиста, он уверен, что, если бы читатели воспользовались его советами создания универсальной гармонии, на их реализацию потребовалось бы не свыше двух лет. Ему кажется, что прекрасный социетарный строй зародился бы мгновенно, если бы где-либо существовали здания и плантации, которые можно было бы использовать для создания пробной ассоциации.

Уже «с нынешнего 1808 года можно приступить к реорганизации земного шара; если бы какой-нибудь принц согласился предоставить один кантон для опыта и дал одну из своих армий, находящуюся в бездействии благодаря царящему на материке миру, если бы он предоставил 20 тысяч человек для подготовительных работ в опытном кантоне, можно, пересадив деревья вместе с родной им почвой, как это практикуется в Париже, и ограничившись кирпичными постройками, настолько ускорить дело, что к концу весны 1808 года уже станет функционировать первая фаланга прогрессивных серий».

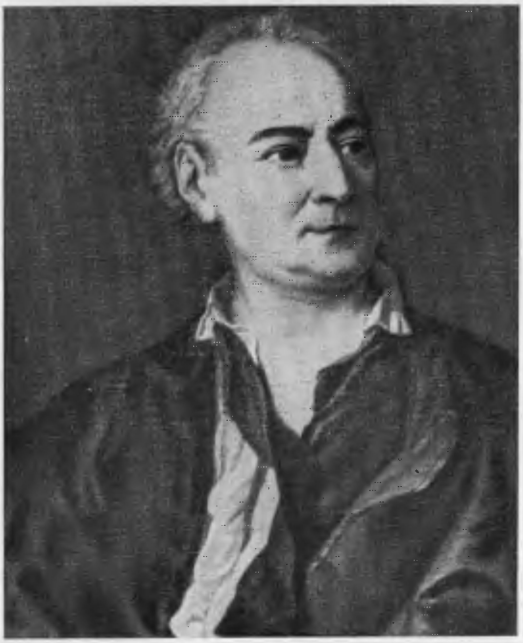
Особые надежды Фурье возлагает на Наполеона, к которому обращается в книге, именуя его Геркулесом.

Наконец еще пахнущая типографской краской первая пачка книг у него. Составил список, кому послать в первую очередь, связался с парижскими книготорговцами. Стоило большого труда отправить книги в Женеву, Милан, Брюссель и Амстердам.

Через женевских книготорговцев переправил два экземпляра для редактора распространенного журнала «Британская библиотека», зная, что журнал издается на французском языке. Втайне надеялся, что редактор откликнется на выход книги рецензией.

Самой знаменитой женщине Европы — госпоже де Сталь подписал один экземпляр книги. Жермен де Сталь в это время находилась в Швейцарии, в Коппе, и была окружена ореолом политической изгнанницы. Это о ней Пушкин скажет: «Наполеон удостоил ее изгнанием, монархи доверенностью, Байрон дружбой, Европа своим уважением». Фурье же надеется, что она откликнется на его «открытие».

Жан-Жак Руссо.



Дени Дидро.

Вольтер.

Бабёф.

Шарль Фурье.

THÉORIE

DES QUATRE MOUVEMENS

ET

DES DESTINÉES GÉNÉRALES.

PROSPECTUS

ET ANNONCE DE LA DÉCOUVERTE.

Mais quelle épaisse nuit voile encor la nature !
VOLTAIRE.

A LEIPZIG.

1808.

Титульный лист первого издания «Теории четырех движений».

Генерал Бонапарт.

Жермен де Сталь.

Общий вид фаланстера.

Город будущего (картина неизвестного художника).

ФАЛАНГА В КРУПНОМ МАСШТАБЕ[951]

Распределение на 16 триб и 32 хора

Различение по полному и половинчатому характеру[952], правлению и дополнениям

РАЗРЯДЫ:		РОДЫ:	ВОЗРАСТЫ:	Полный характер		Половинчатый характер		ЧИСЛЕННОСТЬ[953]:
ВОСХОДЯЩИЕ ДОПОЛНЕНИЯ		Сосунки	0—1	72				
		Карапузы	1—2	60				
		Шалуны	2—3	48				180
		Трибы и хоры:						
ВОСХОДЯЩИЙ ПЕРЕХОД	1	Малыши и малышки	3—4½					60
ВОСХОДЯЩЕЕ КРЫЛЫШКО	2	Херувимы и херувимки	4½—6½	38		19		
	3	Серафимы и серафимки	6½—9	44		22		
ВОСХОДЯЩЕЕ КРЫЛО	4	Лицеисты и лицеистки	9—12	50	392	25	196	
	5	Гимназисты и гимназистки	12—15½	56		28		
	6	*Юнцы и юницы*	15½—20	62		31		
	7	Юноши и девушки		68		34		
	8	Сложившиеся обоего пола		74		37		
ЦЕНТР		Правление			54		27	
НИСХОДЯЩЕЕ КРЫЛО	9	Богатыри и богатырки		70		35		
	10	Мужественники и мужественницы		64		32		
	11	Утонченцы и утонченки		58		29		
	12	Умеренцы и умеренки		52	364	26	182	
	13	Благоразумцы и благоразумицы		46		23		
НИСХОДЯЩЕЕ КРЫЛЫШКО	14	Почтенцы и почтенки		40		20		
	15	Досточтимцы и досточтимицы		34		17		
		Половинчатый характер					405	405
		Полный характер			810			810
НИСХОДЯЩИЙ ПЕРЕХОД	16	Патриархи и патриархини						45
НИСХОДЯЩИЕ ДОПОЛНЕНИЯ		Больные		30				
		Немощные		40				120
		Отсутствующие		50				
							Всего...	1620

Примечание. *От этого числа следует отклониться и довести его*

в фаланге первого поколения до 1800

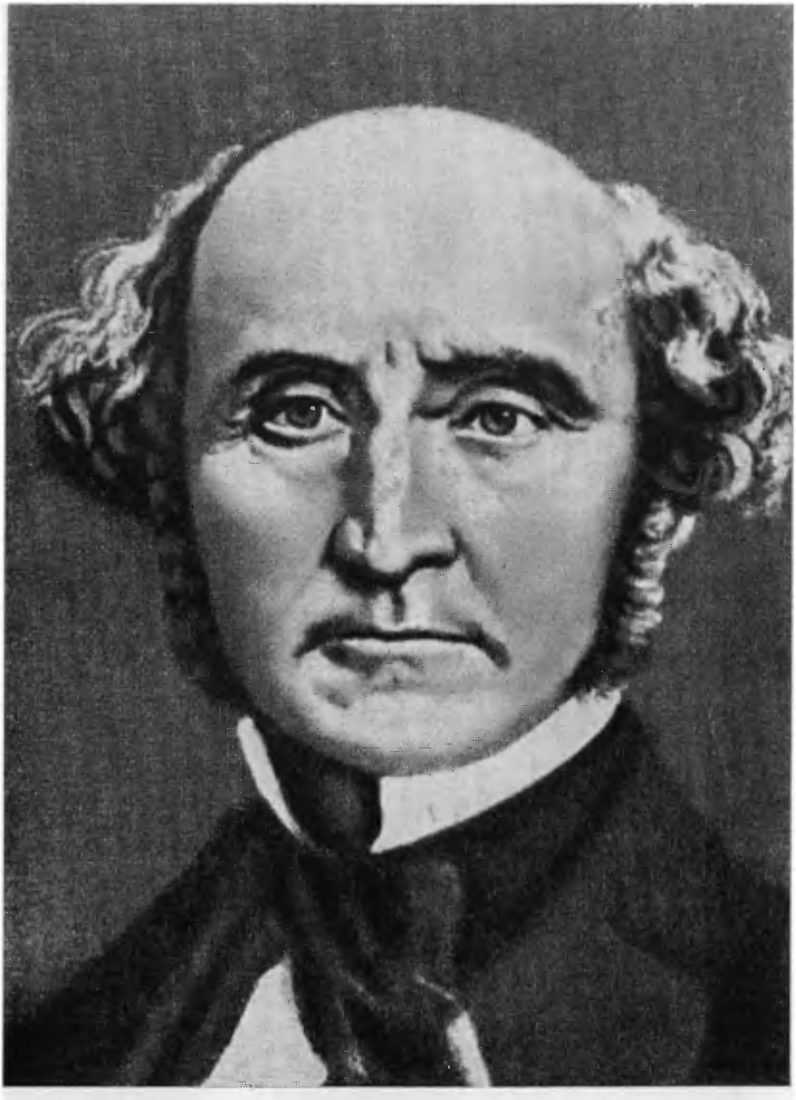
в опытной фаланге до 1900 членов и 100 наемных работников . . 2000

в приблизительной фаланге до 600 членов и 100 наемных работников 900

Структура фаланстера.

Карикатура на Карла X.

Луи-Филипп (карикатура Домье).

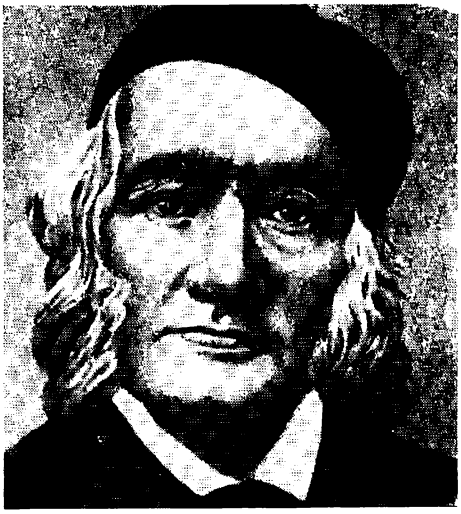


Шарль Фурье.

Сен-Симон.

Анфантен.

Оуэн.



Базар.

SECTION TROISIÈME.

ÉDUCATION HARMONIENNE.

CINQUIÈME NOTICE.

ÉDUCATION DE LA BASSE ENFANCE.

CHAPITRE XVII.

Contrariété de l'éducation civilisée avec la nature et le bon sens.

En passant des principes à l'application, je dois rappeler que la difficulté apparente en théorie sociétaire, c'est d'établir une répartition satisfaisante pour les trois facultés industrielles de chacun, CAPITAL, TRAVAIL et TALENT. L'ordre civilisé ne sait répartir équitablement que sur le capital, en raison des versements; c'est un problème d'arithmétique et non de génie; le nœud gordien du mécanisme sociétaire est l'art de satisfaire chacun sur le travail et le talent. C'est là l'obstacle qui a épouvanté tous les siècles et empêché les recherches.

Pour escobarder ce double problème de répartition, la secte Owen met en jeu la communauté des biens, l'abandon à la masse, de tout profit autre que celui du revenu des actions. C'est avouer qu'elle n'ose pas même envisager le problème d'association.

«Новый мир». Первая страница раздела о воспитании.

Шарль Фурье. Портрет работы худ. Жигу.

Париж 28 июня 1830 года.

Лионское восстание 1831 года.

TRAITÉ
DE L'ASSOCIATION
DOMESTIQUE-AGRICOLE.

LIVRE DEUXIÈME.
DE L'ÉDUCATION UNITAIRE
OU INTEGRALE COMPOSÉE.

SECTION TROISIÈME.
ÉDUCATION EN PHASES ANTÉRIEURE ET CITÉRIEURE.

PRÉLUDE. — *Sur l'Unité d'Éducation harmonienne.*

Il n'est pas de problème sur lequel on ait plus divagué que sur l'instruction publique et ses méthodes. La nature, dans cette branche de politique sociale, s'est fait de tout temps un malin plaisir de confondre nos théories et leurs coryphées, depuis l'affront essuyé par Sénèque, instituteur de Néron, jusqu'aux échecs de Condillac et Rousseau, dont le premier ne forma qu'un cretin politique, et le second n'osa pas essayer l'éducation de ses propres

«Трактат об ассоциации».

PROSPECTUS GÉNÉRAL.

Le Phalanstère,

JOURNAL pour LA FONDATION

D'UNE

PHALANGE AGRICOLE ET MANUFACTURIÈRE

ASSOCIÉE EN TRAVAUX ET EN MÉNAGE.

DÉCOUVERTE DU PROCÉDÉ D'INDUSTRIE SOCIÉTAIRE.

RÉSULTATS

INTRODUCTION

Журнал «Фаланстер».

Шарль Фурье. Медальон работы художника Гийо.

Ежедневно заходит он в книжные лавки. «Теорию» не покупают. Даже из Парижа сообщили, что на нее нет спроса, его «открытие» осталось незамеченным. Спустя несколько месяцев пришло письмо от редактора «Британской библиотеки» — любезная благодарность за посылку, но ни одного слова о содержании книги.

Он направил экземпляр своему школьному другу — Жан-Жаку Ординеру, но и от того ответа не получил.

Наконец «Газета Франции» поместила статью-фельетон. Автор острил, что хотя он не познакомился с «Теорией четырех движений», но может сказать, что вряд ли ее автор, подписавшийся под книгой «Шарль из Лиона», нормальный человек.

«Надлежит обращаться, — писал фельетонист, — прямо к господину Шарлю из Лиона. Он не сообщает ни названия улицы, ни номера дома, в котором обитает; но писали же прямо «Вольтеру в Европе». Почему же нельзя писать прямо господину Шарлю в Лион?»

Глава V

ИМПЕРАТОР

В 1809 году Фурье совершил путешествие в Швейцарию. Эта поездка была в основном по делам фирмы, на состоянии которой сказывались плачевные результаты континентальной блокады Наполеона. План сокрушения могущества Англии, попытка лишить ее возможности торговать не только с Францией, но и со всем миром в первую очередь ударили по торговле самой Франции. В стране уже давно забыли вкус чая, сахара, кофе и риса. Канцелярии Наполеона были засыпаны жалобами на разорение торгового сословия.

Руководствуясь мимолетной фантазией, Наполеон часто сам указывал, какие именно торговые дома и какие товары должно ввозить и вывозить и в какие страны. Нередко он запрещал то, что ранее сам подписывал, и наоборот. Купцы исподволь роптали на своевольные меры императора, наносившие им ущерб.

Рекордных размеров за всю историю Франции достигла в эти годы контрабанда, и складывалось впечатление, что императорская полиция бессильна против нее. Контрабандистами становились наиболее энергичные из разоренных ремесленников и крестьян пограничных областей страны. Иногда контрабандой занимались целые деревни.

В Швейцарии Фурье бывал и раньше. На сделки, ради которых совершал он теперешнюю поездку, фирма возлагала большие надежды: лионские ткачи задыхались от нехватки сырья. А в таможне прибывшие с партией шелка купцы из Лиона вели разговоры об изворотливости контрабандистов, о том, как через Швейцарию они тайно ввозят колониальные товары во Францию и что где-то обнаружен склад с «несметным числом» колониальных товаров. Шарль заранее был уверен, что эта торговая операция вряд ли принесет прибыль фирме: ввозимые во Францию товары баснословно подорожали. Страна была на грани товаро-промышленного краха. Лионские фаб-

риканты волновались не напрасно: некоторые швейцарские ткани были дешевле, хотя по качеству не хуже лионских. И для того чтобы оказаться победителями в этом соперничестве, они нещадно усиливали эксплуатацию ткачей на собственных мануфактурах. Последствия континентальной блокады поколебали устои даже торгового дома Ориоля — самого богатого лионского коммерсанта, который раньше проводил выгодные операции чуть ли не со всем миром.

Чтобы до конца довести последствия континентальной блокады, Наполеон повел решительные меры против контрабанды. Расправа была короткой. Контрабандистов расстреливали, конфискованные английские товары сжигали. Император сгонял прочь с престола даже монархов, мирволящих контрабанде. Он не пощадил даже своего младшего брата Людовика Бонапарта, короля Голландии, который смотрел сквозь пальцы на контрабандную торговлю голландского побережья с англичанами. Когда смещение и суды таможенных чиновников и жандармов, назначение новых контролеров и ревизоров ни к чему не привели, император придумал новую кару. Конфисковывались все товары «английского происхождения», независимо от того, через какую страну они прибывали.

Повальные обыски проводились не только в прибрежных селах и городах. Далеко в центре Европы из магазинов и складов изымались все колониальные товары и по приказу Наполеона публично сжигались на площадях. По всей Европе пылали горы ситцев и тонких сукон, бочки сахара, какао, чая, хлопковой пряжи и индиго. Континентальная блокада, поставив в затруднительное экономическое положение Англию, оказывала разрушительное влияние и на Францию. С наблюдающимся на первых порах подъемом промышленности начинают развиваться хлопчатобумажные и шерстяные прядильни. Но и они нуждались в импортном хлопке. Ввоз хлопка и красителей был прекращен. Фабрики закрывались, росла безработица. Испытывало затруднение в сбыте и сельское хозяйство. Сокращение экспорта зерна и вин привело к падению цен. Совсем пришли в упадок сахарные заводы — в страну не поступал тростниковый сахар. В тяжелом положении оказалось кружевное и шелковое производство.

Промышленники и торговцы высказывали разочарование блокадой, которая, несмотря на возложенные на

нее надежды, не оправдала ожиданий, не помогла, а повредила экономике страны. Министр внутренних дел еще в 1808 году обращал внимание Наполеона на грозящую из-за недостатка хлопка, кое-где уже наступившую безработицу. В сведениях императору о состоянии лионской шелковой промышленности сообщалось, что к декабрю 1810 года половина станков стоит без работы...

В этих условиях меньше всего потерпели предприниматели суконного производства и грубых шерстяных материй. Они не страдали от недостатка сырья и сбыта. Это они, сумев выколотить и в этих условиях большие прибыли, хвалили континентальную блокаду, одобряли все меры императора против подвоза английских товаров. Однако не только среди текстильных фабрикантов раздавались жалобы. Торговцы и ремесленники роптали — их клиенты были разорены.

В 1811 году Фурье в очередной раз переменил работу. Его назначили экспертом по приемке сукна на лионские военные склады департамента Роны. Шел второй год военных действий Наполеона на севере Европы, в результате которых в состав Французской империи была включена Голландия, а затем и все побережье Северного моря.

Новые завоевания Наполеона французская буржуазия встретила с восторгом. Сырье, иностранные рынки, контрибуции, конфискации и прямой грабеж — все это стало дополнительным источником обогащения. Уменьшив выпуск шелковых тканей, лионские ткачи увеличили производство сукна: Наполеон одевал солдат своей армии, а на поставках богатели коммерсанты. Фурье поражала алчность последних. Казалось, что в их карманы хлынул настоящий золотой поток за счет труда и нищеты лионских пролетариев.

Фурье наблюдал, как в течение последнего года произвольные конфискации складов с товарами, разгул беззакония, самоуправство военных властей подрывали торговлю и промышленность Франции. Развившийся кризис в несколько месяцев охватил страну. Чтобы спасти от банкротства владельцев целого ряда бумаготкацких, прядильных и ситцевых мануфактур, Наполеон выдавал экстренные субсидии. По его распоряжению из государственной казны только Руану, чтобы предотвратить без-

работицу и разорение фабрикантов, было ассигновано 15 миллионов франков. Из ассигнованных денег лионские мануфактуры получили львиную долю — 1,4 миллиона франков. За счет казны делались колоссальные заказы. Для армии закупались шерстяные материи, для украшения дворцов — лионский бархат и шелк. Все европейские дворцы, подвластные Наполеону, должны были по его распоряжению делать закупки только в Лионе.

Однако полумеры не могли остановить кризис. Не помогали ни контрибуции, ни четкий контроль за финансовым состоянием страны. Безработица и голод рабочих столицы, Лиона и Руана, разорение южных винодельческих департаментов Франции заставили Наполеона сделать отступление от правил блокады. Торговцам выдавались лицензии, разрешающие ввоз запрещенных товаров на определенную сумму. Ослабление кризиса в стране стало наблюдаться к зиме 1811/12 года. Однако всем было очевидно, что основные его причины не устранены. Весной 1812 года вследствие дороговизны хлеба в ряде городов и сел страны произошли голодные волнения. В Нормандию для устранения рыночного мятежа был направлен полк императорской гвардии. Наполеоновская администрация не смогла остановить рост цен на хлеб.

Наполеон же тешил себя иллюзией, что выход из кризиса и упрочение империи возможны только с разгромом России.

В начале октября 1811 года на страницах «Журнала Лиона» врач Мартен-старший в связи с появлением кометы выразил удивление, что автор «Теории четырех движений» не воспользовался случаем, чтобы напомнить о своих смелых концепциях. Опять град насмешек. Было бы лучше, если бы хоть одна из газет выступила с большой разгромной статьей. Тогда полемика привлекла бы внимание, а может, обнаружила и сторонников Фурье. Но запуганные и униженные издатели наполеоновских газет не решались подать свой голос. Печаталось то, что было угодно Наполеону, нередко даже ложные сообщения о его военных победах.

31 октября на страницах «Журнала Лиона», отвечая на реплику Мартена-старшего, Фурье высказал надежду, что через год он начнет публикацию нового большого произведения, в котором представит свою «социетарную теорию» в развернутом и законченном виде.

Но осуществить эти надежды в 1812 году Фурье не удалось. Только через десять лет будет окончена та работа, о которой он проговорился в «Журнале Лиона». Вопросы, которые были подняты им в «Теории четырех движений», требовали нового, более глубокого осмысления.

В начале 1812 года из Безансона пришло известие о смерти матери. Шарлю горько было осознавать, что в последние годы он приносил ей только огорчения. О том, что сын написал какую-то толстую книгу и ее продают в лавках, она узнала не от него. Она давно уже не надеялась, что способна оказывать влияние на сына. У него была своя жизнь, мать же втайне тосковала и беспокоилась.

Родные считали Шарля неудачником, уродом в семье, писакой, который занимается никому не нужным сочинительством. Видя его абсолютную неприспособленность и желая как-то помочь, мать составила завещание так, чтобы хоть немного поддержать любимца. Шарлю завещалась пожизненная ежегодная рента в 900 франков, которую должны были выплачивать ему трое сестер. Это давало бы возможность какое-то время, не работая, только писать.

Голод 1811—1812 годов в первую очередь поразил промышленные города Франции. Если крестьянки спасали свои семьи от смерти варевом из древесной коры и листьев, то горожанам приходилось совсем плохо.

Поездки по Франции, увиденные им картины нищеты и голода вызывали у Фурье чувство сострадания. Мучительно быть свидетелем того, как старики, не имея пристанища, погибают на дорогах, юноши лишены надежд на будущее, а дети, которые не видят улыбки на лице матери, обречены на преждевременную смерть. Зловонные трущобы городов... Ткач, выработавший своими руками золотую парчу, не имеет даже тряпья, чтобы прикрыть наготу...

Страна устала от многолетнего военного напряжения: в 1811 году Лионская торговая палата приняла постановление, в котором указала, что «Франция не в состоянии выдержать тех условий, которых требует непрерывно продолжающаяся война». Впоследствии историки подсчитали, что за 1805—1815 годы наполеоновские войны стоили Франции 755 тысяч жертв и что протест против безумного

размаха этих войн выражался, в частности, в том, что за 1810—1812 годы было осуждено за дезертирство 220 тысяч человек.

Ужасы московского похода, траур сотен тысяч семейств привели в подавленное состояние почти все население Франции. Наполеон же делает один за другим рекрутские наборы, стараясь любым путем в интересах буржуазии сломить английское торговое и промышленное могущество. По мере обострения нужды и безработицы донесения полиции свидетельствовали, что против правительства опять раздаются «мятежные слова». Конные патрули разъезжали по рабочим кварталам Сент-Антуанского и Сен-Марсельского предместий столицы, по улице Муфтар и кварталу Тампль. Рабочие не хотели больше поставлять армии своих сыновей, названных в народе «налогом крови». Но и не выступали против деспотизма Наполеона: иноземное нашествие грозило восстановлением дореволюционных порядков. Подавляющая масса крестьян под страхом лишиться земельных имуществ безропотно терпела все последствия грабительской внешней политики Наполеона. Однако все — и крестьянство, и рабочие, и торговая и финансовая буржуазия, — утомленные войнами, жаждали мира.

А в Париже тем временем проходили празднества по случаю последних военных успехов императора. Торжественно обставленное шествие великого числа пленных по бульварам столицы под крики толпы как будто несколько успокоило народ. Но наблюдательный глаз мог увидеть, что это торжество похоже на панихиду — империя рушилась, и напрасны были надежды на возвращение старых добрых времен ее процветания.

Попытки Наполеона поднять народ на новый отпор войскам союзников рушились.

В апреле 1814 года театральной сценой в Фонтенбло закончилась «мировая империя» Наполеона. Разрушился пестрый конгломерат стран и народов, которые столько лет были объединены силой оружия в единую империю.

Неудачу Наполеона Шарль Фурье объяснял его честолюбием и высокомерием. В общем-то Фурье был раздосадован поражением Наполеона, так как считал, что тот, обладая выдающимися способностями, должен был сделать активный шаг к осуществлению универсальной гармонии, к счастью народа, то есть к тому, о чем мечтал сам Фурье.

В майские дни 1814 года в Париж возвратился из эмиграции водворенный войсками коалиции на французский престол Людовик XVIII, необыкновенно ленивый и медлительный человек, которого меньше всего интересовали государственные дела страны. С реставрацией власти Бурбонов началась усиленная раздача орденов и должностей возвратившимся дворянам и священникам — все они требовали возмещения потерянного имущества из общественных средств. Сохранение тяжелых налогов, создание дорогостоящей королевской гвардии, предоставление армейских должностей аристократам — такая внутренняя политика Людовика XVIII вызвала в стране недовольство. Бурбоны не без основания боялись бонапартистов и бывших республиканцев. Усилился полицейский надзор.

Жгучая ненависть народа, прежде всего крестьянства и армии, к Бурбонам, разногласия в стане союзников толкнули Наполеона на возобновление борьбы. Зная о неустойчивом политическом положении в стране, он рассчитывал использовать его в своих интересах. В прокламациях он объяснил свое поражение как результат измены. Его призывы к старым солдатам и личная популярность в армии возымели действие...

Народ, возмущенный политикой Бурбонов, которые ничего не забыли и ничему не научились за 25 лет, истекших с начала революции, теперь мечтал о Наполеоне как о спасителе. Бонапартисты и республиканцы, объединившись, составили заговор, имевший целью низложить королевскую власть. 25 февраля 1815 года, воспользовавшись отсутствием наблюдавшего за ним английского комиссара, Наполеон погрузил на несколько небольших судов 1100 своих солдат с палубы брига «Непостоянный» и направил эту маленькую флотилию к берегам Франции. 1 марта в бухте Жуан он благополучно высадился. Неподалеку от Гренобля, в деревне Ламюр, Наполеон впервые встретился с правительственными войсками. Отказавшись открыть огонь, солдаты с возгласами «Да здравствует император!» перешли на его сторону. В Гренобле Наполеон изложил свою будущую программу: он отказывался от политики завоеваний, обещал народу процветание страны и мир; он обещал защиту крестьянству от эмигрантов, введение в стране подлинной конституции.

Правительство Людовика напрасно надеялось, что Лион (как и Вандея), всегда выступавший на стороне короля, окажет сопротивление Наполеону. 10 марта

1815 года у стен города возгласами «Да здравствует император! Долой попов! На фонарь аристократов! Смерть роялистам!» толпы крестьян и рабочих восторженно встречали Наполеона.

В Лионе, принимая городские власти, Наполеон формально провозгласил низложение династии Бурбонов. Он снова обещал сохранить принципы революции, не повергать страну в завоевания. Уже в Лионе он объявил уничтоженной палату пэров и палату депутатов, все учреждения, созданные конституцией Бурбонов. Назначил новых судей. По мере движения Наполеона к Парижу пресса на глазах «линяла»; самоуверенность сменилась страхом и раболепием: «Корсиканское чудовище высадилось в бухте Жуан», «Узурпатор вошел в Гренобль», «Бонапарт занял Лион» и, наконец, «Его императорское величество ожидается сегодня в своем верном Париже».

А через неделю, не произведя ни одного выстрела, во главе пятнадцатитысячного войска, высланного против «узурпатора», Наполеон с триумфом вошел в Париж.

Между тем с возвращением к власти корсиканца изменилось и положение Шарля Фурье. Благодаря покровительству дальнего, но влиятельного родственника, знаменитого математика, физика, военного и политического деятеля графа Жана-Батиста-Жозефа Фурье, назначенного волей императора префектом департамента Роны, Шарль получил должность заведующего бюро статистики этой префектуры.

Новая работа оторвала Фурье от прилавка. С интересом постигал он смысл многочисленных колонок цифр: в бюро статистики стекалась масса разнообразных сведений, здесь можно было видеть, как развивается капиталистическое производство лионских предприятий, как растут счета их владельцев в банках, и даже проследить пути, по которым идет «процветающая» Цивилизация. Служащий префектуры мог наконец-то высвободить время и для работы над своим «открытием». Последние два года Фурье больше всего занимал вопрос о положении женщины в обществе будущего.

«В 1807 году, — напишет он, — мои познания в теории Гармонии простирались лишь на отношения чувствительной любви, которые легче распознать и которые были предметом моих первых исследований. Только с 1817 года

я подошел к теории Гармонии». Правда, в другом варианте рукописи Фурье встречаем, что его «исследование эмоциональных элементов любви могло начаться лишь после открытий 1814 года». Трудно точно установить, когда же Фурье сделал свое «открытие теории Гармонии», ясно одно, что эти годы он занят разработкой теории любви гармонийцев.

«БРАК «ЦИВИЛИЗОВАННЫХ» ТОРМОЗИТ ПРОГРЕСС ОБЩЕСТВА...»

Как мы уже знаем, брак «цивилизованных», по мнению Фурье, основан на лжи и обмане, лицемерии и насилии. В своих исследованиях он проникает за кулисы брачной жизни, срывает маски благочестия супружеской верности, под которыми кроются разврат, лицемерие, вероломство. Жена обманывает мужа, муж — жену, а дочь скрывает свои связи от родителей...

Только убежденность «цивилизованных» в пользу постоянного брака заставляет их не видеть бесчисленных неудобств, связанных с семейной жизнью. Фурье перечисляет шестнадцать отрицательных сторон брака. Случайная смерть главы семьи, раздел наследства, несхожесть характеров отца и сына приводят к тому, что сельскохозяйственные предприятия приходят в упадок, земля раздроблена, оставлена без ухода, в мастерских воцаряется беспорядок, библиотека продается букинисту, картины — старьевщику.

Всем очевидно, что для бедняков семья — каторга, экономическая западня.

Фурье уверен, что тайная цель моралистов, восхваляющих прелести брака, состоит в том, чтобы, толкая простолюдинов в узы семьи, увеличивать толпы новых поколений, готовых трудиться за любую ничтожную плату для обогащения предпринимателей.

Он сравнивает буржуазный брак с азартной игрой, которая требует хитрости и ловкости. И в этой игре куда больше шансов у людей нечестных, опытных в искусстве обмана. Брак выдуман словно в награду развратникам. Все соглашаются с тем, что чем распутнее мужчина, тем легче ему с помощью женитьбы достичь богатства и почета. Общественное мнение прощает все интриги молодца, если он ценой эксплуатации юной девицы приобретает огромное богатство. Опытный, развращенный субъект,

подцепив богатую жену, занимает солидное положение в обществе. Его уважают, ему прощаются все его грехи молодости. Им восторгаются как добродетельным супругом, хорошим родственником, другом и соседом, честным гражданином и республиканцем.

«Можно ли выдумать что-либо хуже, чем единобрачие и нерасторжимость брака в смысле скуки, продажности и измены!» — спрашивает Фурье. Брак нерасторжим, но бесплодие супругов и отсутствие потомства исправляются изменой жены или мужа, внедрением незаконных отпрысков или прижитием незаконных детей.

Вот оно, лицо законодательства строя Цивилизации! Отец тот, на кого указывает брачная запись, даже в том случае, если лицо ребенка само говорит о другом.

Почему же мужчины-глупцы, спрашивает Фурье, не подумали, как освободиться от такого образа жизни?

Исключительно благодаря роковой привычке полагаться на философов, большинство которых находятся в том возрасте, когда мужчина не может рассчитывать на благосклонность женщин. «Пример — Жан-Жак Руссо, он ратует в пользу семейного затворничества женщин и в то же время сознается, что был когда-то горячим поклонником куртизанок и продажной красоты...»

Семейная жизнь однообразна. И в большинстве случаев у каждого семейного очага — вражда. Разве есть гармония в семье, где юная жертва выносит придирки увядшего ревнивца, который после двадцатилетних похождений требует беззаветной верности от юной девушки?..

«Разве это не то же состояние войны, которое мы видим в немецких селах, где муж ставит у очага палку — так называемый «семейный покой», — с помощью которой завершается всякая супружеская распря?!»

Пороки буржуазного брака, утверждает Фурье, непреодолимы, ибо существующее общество не располагает никакими средствами, чтобы улучшить его основы. Буржуазной семье уготовано вырождение. Разве может существовать общество, опираясь на эти экономически слабые, морально развращенные ячейки, называемые семьей? Они не достигают не только своей главной цели — хозяйственно-экономической, но и не выполняют свою функцию воспроизводства и воспитания поколений. Этому, по словам Фурье, мешает раздробленное производство.

Фурье уверен, что действительно счастливая семья возможна только в ассоциации, на базе коллективного труда, который даст экономическую независимость гармонийцам. Его смелую, непримиримую позицию в этом вопросе высоко оценил К. Маркс, подчеркнув в «Святом семействе», что Фурье дал мастерскую критику буржуазного брака.

А есть ли хоть тень справедливости, спрашивает Фурье, в том положении, которое занимает в обществе женщина? Кто, как не она, должен повести борьбу против строя Цивилизации? Ведь больше всего она страдает от его пороков. Женщины из простонародья занимаются самыми тяжелыми полевыми или домашними работами. Они преждевременно становятся старухами, изнывая в поле или возле печей. В то же время толпы молодых здоровых парней и мужчин снуют с бумагами и портфелями, зевают и скучают от безделья в частных или государственных конторах.

Если же женщина захочет вырваться из экономической кабалы, если она решит стать самостоятельной и освободиться от рабства брака, то ей уготована участь работницы у ткацкого станка или прислуги, а если она красива — проститутки. Общество «цивилизованных» строго определило рамки ее положения, и, лишь она сделает вдруг попытку нарушить запрет и выберет занятие по своему вкусу, общество обрушивается на нее с гневом и издевательствами.

Моралисты и газетчики особенно не могут примириться с тем, что женщина пытается заниматься литературой. Они презрительно отсылают ее на кухню. Может, это и резонно, размышляет Фурье, зачем прибавлять еще несколько книг к миллионам никому не нужных томов? Женщинам действительно лучше взяться не за авторскую, а за освободительную деятельность, стать Спартаками в политике, направив всю свою энергию и употребив весь свой пыл на борьбу за освобождение от рабства.

Философы обычно называют женщину натурой двойственной и считают, что коварство и лживость — основные черты ее характера. «Пример — Дидро, — отмечает Фурье, — сказавший следующую нелепость: «Чтобы писать о женщине, нужно обмакнуть перо в радугу и посыпать написанное пылью с крыльев бабочки».

Положение женщины действительно двойственное.

Она в одно время и раба и госпожа: она и подчинена мужчине и властвует над ним.

Но как женщина может быть свободной от рабских наклонностей и измены, когда общество с детства заставляет ее подавлять свои естественные способности, чтобы склониться перед первым пришедшим, которого случай, интрига или жадность назначают ей в мужья! «Да и превосходство мужчин, — говорит Фурье, — выдумано существующим строем. Разве мы не видим, как претензии мужчин на превосходство были растоптаны царицей Екатериной, сумевшей заставить их ползать у ее ног? Создавая титулованных фаворитов, она влачила в грязи мужчин и доказала, что они, несмотря на принадлежащую им свободу, могут быть еще большими рабами, чем женщины, раболепие коих вынужденно и, следовательно, извинительно».

Но женщина натура двойственная еще и потому, что двойственны мораль, законы и обычаи этого общества. У «цивилизованных» уживаются две совершенно противоположные морали. В церкви священник внушает молодой женщине, что она должна быть верна мужу, а в театре ей преподносят кучу рецептов, как лучше обмануть его. На сцене жена, дурачащая мужа, вызывает сочувствие, и идолом женщин становится развратник, известный победами и связями с красотками.

А сколько прочих противоречий Цивилизации обнаруживается в вопросах любовной морали? От девицы требуют до брака воздержания, между тем как мужчине предоставляется полная свобода. И казалось бы, что общество Цивилизации должно вознаградить своих девственниц. Но нет! Если девственница достигнет двадцатипятилетия, ее жизнь превращается в каторгу. И девушке, часто красивой, дают обидную кличку «старая дева», над ней насмехаются за ту жертву, которую от нее требовало общество.

История человечества говорит о благотворном влиянии, которое имеет расширение женских прав. Те нации, где раскрепостили женщину, достигли в своем развитии небывалого расцвета. Можно сделать вывод, повторяет Фурье свою излюбленную мысль, что «социальные смены периодов происходят на почве прогрессивного раскрепощения женщин», что расширение их прав — главный источник социального прогресса.

Фурье обращает внимание читателя на то, как изме-

нялись положение женщины и любовные нравы с переходом человечества из одного исторического периода в другой.

Во времена первобытных серий, когда не было экономической зависимости и общественный строй основывался на влиянии страстей, женщина была свободна. В диком состоянии человечества в семье господствует мужчина, в период патриархата женщина порабощена как объект любви и работница. Воистину ужасным становится положение женщины в период варварства, когда ее запирают в гарем. Ее рабство ограничилось с наступлением пятого периода — Цивилизации, когда женщина стала пользоваться гражданскими правами и наступил период единобрачия.

Что произойдет в обществе, спрашивает Фурье, если сейчас освободить женщину? Человечество сразу же приблизится к новой фазе своего развития. Женщина-гармонийка будет пользоваться теми же правами, что и мужчина. Она даже превзойдет мужчин в трудолюбии и возвышенности души. Строй Гармонии, освободив ее от обязанностей по шитью и кухонным горшкам, предоставит ей возможность заниматься медициной и наукой. Фурье уверен, что природа в равной доле распределила способности между обоими полами и к наукам и к искусствам. Правда, «вкус к наукам более свойствен мужчинам, а вкус к искусствам — женщинам».

Анализируя высказывания Фурье о положении женщины, Ф. Энгельс отметил, что «ему первому принадлежит мысль, что в каждом данном обществе степень эмансипации женщины есть естественное мерило общей эмансипации» *, а В. И. Ленин, выписав эту формулировку, охарактеризовал высказывания Фурье об унизительном положении женщины в капиталистическом обществе как «очень рельефные» **.

«ПРИ ПОМОЩИ ОДНОГО РЫЧАГА ЛЮБВИ...»

Кажется, о лживости любовного кодекса «цивилизованных» Фурье может говорить бесконечно. Нигде современная наука не оказалась столь несостоятельной, как в вопросе любви, которая превратилась в «общественное

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 271.
** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 35.

бедствие, в разрушительницу общественных устоев, ибо любовь, не находя легальных путей к своему удовлетворению, становится вечным заговорщиком, неустанно трудящимся над тем, чтобы разрушить все преграды, воздвигнутые против ее свободного и естественного проявления, и, таким образом, дезорганизует общество и разрушает все законы».

Как же определяет Фурье «любовную политику» строя Гармонии? Его воззрения на этот счет весьма противоречивы, порой наивно-парадоксальны, но все же они заслуживают соответствующего изложения. Учитывая физиологические особенности человека, нужно помнить, начинает Фурье, что не все молодые люди, достигшие половой зрелости, чувствуют склонность к половым наслаждениям. Одни — натуры холодные, менее страстные, склонные к духовным интересам, другие увлекаются физическим трудом, спортом. Исходя из этого, лионский мечтатель предполагает, что в обществе Гармонии будут существовать две корпорации: корпорация воздержания — весталат и корпорация свободной любви — дамуазелат. В корпусе весталата соблюдают целомудрие до 18—19 лет, а дамуазелат предается любви раньше. Юные гармонийцы свободны в выборе корпуса, но, став членом одного из них, каждый должен соблюдать его законы: девственность в весталате, верность в дамуазелате.

Фурье окружает весталат ореолом, а дамуазелат унижает в глазах подростков. Члены дамуазелата не являются на утренние собрания, встают позднее, потому что посещают особые залы любовного ухаживания, где сеансы начинаются с 9 часов вечера. Туда имеют доступ и взрослые члены фаланги, жаждущие любовных наслаждений. Так как влюбленные пары дамуазелата стремятся к уединению, их будут считать изменниками, они не будут пользоваться таким уважением, как члены весталата. У весталов также есть свои часы ухаживания, а звание допущенного соискателя дает право быть зачисленным в армию, где будет и лицо, за которым он ухаживает. Это звание ему присуждают достойные мужчины и женщины из «дворца любви» — созданного гармонийцами особого учреждения, управляющего «любовной политикой».

Каждый мужчина будет стремиться получить благосклонность весталки. Им будут поклоняться, колесницы весталок будут сопровождаться почетным эскортом. Подобно тому как весталки в Древнем Риме были хранитель-

ницами священного огня, посредницами между человеком и божеством, так и Фурье вверяет им «хранение священного огня основных добродетелей, а именно дружбы, благородного честолюбия и любви, преданности делу и учебе. Их обожают, их почитание возводят в полурелигиозный культ, им, как тени бога, будут поклоняться». За короткий период весталка может прославиться, став «августиной» — правительницей третьей части земного шара, или «омнархиней» — всего земного шара.

Фурье проводит параллель между картиной почестей, оказываемых девственнице при строе Гармонии, и тем презрением, которым ее окружает строй Цивилизации. Ведь здесь «благосклонностью пользуется лишь одна видимость девственности, фиглярство распутниц, которые на практике многочисленных любовных связей научились искусству изменять мужчинам, оставлять их в дураках и корчить из себя праведниц среди плутов, задающих тон общественному мнению».

Он наметил написать подробную главу о весталах, другую о дамуазелах и дамуазелях, но, вспомнив о необходимости писать кратко, решил оставить эти главы для следующего варианта рукописи. Ведь журналистская братия и так шум поднимет, обвиняя его в попрании существующих норм морали...

Увлеченно описывает Фурье, как в Гармонии съезд самых знаменитых весталок станет приманкой для сбора молодых людей в трудовые армии. А так как в этих индустриальных армиях женских должностей будет всего треть, то прием для юношей станет наградой. Корпус весталок будет определять прием в эти армии: там будут решаться вопросы выбора и союза с поклонниками.

Интересно и то, что создавать такие армии будут не путем хитростей и принуждения. Для этого будет достаточно опубликовать таблицу, кого и какая фаланга намерена послать на грандиозные работы. А претенденты и претендентки последуют за ними и будут выбирать «без той скандальной публичности, которую вносит Цивилизация в свои брачные церемонии, предупреждая целый город, что в такую-то ночь такой-то повеса или развратник лишит невинности такую-то молодую девушку. Нужно быть рожденным в Цивилизации, чтобы спокойно переносить эти неблагопристойности, называемые свадьбами, где в интимное дело любви одновременно вмешиваются магистрат, духовенство и все шуты и пьяницы квартала.

И для чего? Для того, чтобы после подлых интриг, сводничества целого ряда кумушек, оформленного нотариусом, на всю жизнь сковать двух индивидов, которые, может быть, спустя один месяц станут невыносимы друг для друга».

«Во главе индустриальных армий, — пишет он, — будет стоять избранная молодежь. Здесь весталы и весталки будут переживать свою первую любовь. Каждый день по окончании работ индустриальные армии устраивают празднества, блеск которых будет тем сильнее, что в них участвует избранная молодежь, выдающаяся по красоте и таланту». «Так, — по его словам, — при помощи одного рычага любви можно собрать 120 миллионов легионеров обоего пола».

Армии различных государств, объединившись для самых грандиозных работ, завоюют пустыню Сахару и осушат болота. Вместо того чтобы в продолжение одной кампании опустошать провинции, они построят мосты, покроют плодородной почвой скалистые горы, прорюют оросительные каналы и высушат болота, и тогда «крупные суда будут плавать не только сквозь перешейки, как Суэцкий и Панамский, но и внутри континентов, из Каспийского в море Азовское, Персидское, Аравийское...».

Фурье отдает должное любовной страсти, слепому болезненному влечению, когда одно существо со стихийной силой бросается в объятия другого. Но он допускает и любовные связи более легкие и временные, возникающпе в форме ухаживания и оказания услуг, покровительства богатых бедным, сильных слабым, общности различных интересов. Здесь исключена продажность любви. Фурье без тени юмора рисует картины возвышенной любви двадцатилетнего Себастьяна и... семидесятилетней Целианты. Он считает, что женщина в 70 лет при строе Гармонии будет не хуже современных сорокалетних красавиц. Новое общество с его гигиенической жизнью, умеренным трудом, освобождением женщин от ухода за детьми, развитием ее интеллекта и укреплением организма будет только содействовать продолжительному сохранению здоровья и красоты женщины.

Фурье предупреждает, что не следует понимать свободу любви как повальную оргию. Свободная любовь уравновешенна, и в ее основу будут положены человеческая добродетель и честь. Он предлагает установить в ассоциации три любовные корпорации. Это супруги, объединенные

по законам «цивилизованных» прочной семейной связью; дамуазели, которые редко меняют свои связи, и галантные, для которых любовные правила не отличаются строгостью.

Пламенный сторонник свободной любви, Фурье, однако, считал, что вводить ее возможно только постепенно, на протяжении жизни нескольких поколений.

В записках Фурье найдены и другие пометки: «Женитьба будет происходить в позднем возрасте, то есть в возрасте успокоения страстей, а брак будет сведен к своему главному назначению — быть опорой старости; брак будет удалением от света, союзом, основанным на разуме, созданным для пожилых людей, а не для молодых...»

Конечно, в описаниях любовной политики гармонийцев у Фурье много непоследовательности, его критика института брака далеко не во всем справедлива, но одна мысль особенно настойчива: любовь — великая сила, для создания изобилия на земном шаре, для построения общества Гармонии следует подчинить производству все пружины человеческих страстей, и в первую очередь ее. Не забудем также, что, создавая свой гимн свободной любви, Фурье преследовал и чисто практическую цель: рекламой свободной любви привлечь молодых людей к созданию опытной ассоциации.

Его теория освобождения женщины и проект свободной любви вызвали возмущение читателей. Этого и следовало ожидать. Ведь автор расшатывал все устои морали современного ему общества. Если бы из всего, что написал Шарль Фурье, осталось лишь то немногое, что им сказано о положении женщины, браке и любви, то и тогда он по праву мог бы войти в историю европейской мысли как выдающийся борец за освобождение женщины.

Один из первых биографов Фурье, Шарль Пелларэн, считает возможным предположить, что творец социетарной системы был недалек от идеала человека, который он создает для гармонийца, участника залов любовного ухаживания, желающего быть допущенным к посещению корпорации весталок. Трудно сказать, насколько это предположение соответствует истине. Ни воспоминаниями современников, ни записками самого Фурье о его интимной жизни мы не располагаем.

Глава VI

В ДЕРЕВНЕ

Тяжелые годы Реставрации Фурье провел в деревне Толлисье в пограничном со Швейцарией округе Бюже. Он поселился у племянниц, приехав туда сразу же после падения власти бонапартистов, и, прожив недолго, перебрался к младшей сестре Рюба, в окружной центр — городок Беллэ. Однако вскоре, поссорившись с родственниками, уехал. Разрыв удручал, но, рано став самостоятельным, он разучился смиряться с вторжением в его дела, с постоянными советами «неудачнику», которые выводили его из равновесия. С облегчением сел за стол, когда наконец-то оказался вновь один, устроив по своему, привычному ему только порядку маленькую квартирку, заваленную пачками рукописей, грудами газет и журналов.

Работа над «Новым миром любви» подходила к концу. Он окончил ее в 1813 году, но в течение 150 лет рукопись останется неопубликованной. По «моральным» соображениям ученики будут ее тщательно скрывать, хотя отдельные разделы выйдут как самостоятельные статьи. Еще одну книгу — «Трактат о домашней и земледельческой ассоциации» — Фурье задумал задолго до окончания «Нового мира любви», а писал обе почти одновременно. В эти годы и произошло окончательное оформление системы Фурье.

«Трактат» должен был быть первой из девяти задуманных книг. На нее Фурье больше всего возлагал надежд, рассчитывая здесь дать все практические советы по организации опытной ассоциации. Как всегда, трудно было ему сдерживать себя от отступлений и подробного описания второстепенных проблем. Подсчеты, чертежи, таблицы занимали не только много времени, но и уводили мечтателя от главного...

Старался как можно убедительнее рассказать о необыкновенном взаимодействии страстей, серий, групп,

Чтобы обосновать свои подсчеты, привлекал на помощь самые различные математические выкладки. Может быть, этот прием сделает «открытие» более убедительным?..

Здесь же, отвлекшись от описания ассоциации, Фурье вновь пишет о свободе любви, основных принципах воспитания гармонийцев, пороках буржуазного брака и положении женщины в обществе Гармонии. Что поделать, он не в силах побороть страсть к повторению.

Перечитывая написанное, на полях пометил: «Реставрация. Бедствия народа. Возврат Франции к порядку, который существовал до революции, — невозможен».

Эмиграция вернула себе все, что хотела: ренту, дворцы, слуг. Казалось, что аристократы напоказ наслаждались жизнью. Парикмахерские заведения уповали на возврат к старой моде. Напудренными париками и взбитыми локонами они старались убедить всех вокруг, что никакой революции и никакого Наполеона в истории Франции не существовало. Окна кафе на парижских бульварах были размалеваны геральдическими лилиями. Свора эмигрантов, вернувшаяся с Бурбонами, хотела забыть все, что было в эти двадцать лет. Однако вскоре аристократы должны были убедиться, что все, что было создано в эпоху революции, Консульства и империи Наполеона, сломать нереально.

Большинство помещиков, убедившись, что прежние порядки не вернутся, вынуждены были применять иные способы хозяйствования. Они, как и землевладельцы-буржуа, дробили свои владения и сдавали их в аренду мелкими участками. Крестьяне покрывали расходы по своему хозяйству только за счет чрезмерного труда или самоограничений. Если же год выдавался неурожайным, им ничего не оставалось, как сокращать расходы на обработку земли. В результате Франция оставалась страной мелкой земельной собственности с отсталыми методами обработки земли.

Обласканные в свое время Наполеоном, крестьяне, стараясь избежать положения поденщика, брали у ростовщиков займы из 100 процентов. И нужно было послушать их «душераздирающие признания, чтобы составить себе представление об этих долгах», — писали газеты. Крестьяне голодали, заразные болезни распростра-

нялись настолько быстро, что в некоторых деревнях заболевали сразу сотни людей.

«Резня 1815—1816 годов» — «белый террор», злобные расправы и самосуд над всеми, кто не хотел возвращения Бурбонов, вселяли ужас.

После окончания наполеоновских войн, в условиях мирной обстановки быстрыми темпами стала развиваться французская промышленность. Внедрение новой техники и машин способствовало росту производства. С расцветом капиталистического производства росли богатства господствовавших классов. В то же время в результате конкуренции разорялись мелкая городская буржуазия, владельцы небольших лавочек, коммерсанты и ремесленники.

Катастрофическим было положение рабочих крупных городов. Промышленные кризисы начиная с 1811 года создали в стране большую армию безработных. Только в Лионе за три месяца 1816 года вчетверо сократилось число действующих ткацких станков. Тюрьмы были заполнены недовольными политикой правительства, а конфискации и казни бонапартистов заставляли и рабочих уходить из городов. Голод, разразившийся в 1816 году, поверг страну в уныние. Вздорожавшие продукты были недоступны народу. Бродяжничество стало массовым явлением. На дорогах появились тысячи бездомных детей, собирающих милостыню.

Толпы охваченных ненавистью рабочих громили амбары богатых фермеров или помещиков. Пять дней правительственные войска усмиряли мятеж в Тулузе, а в департаменте Сены и Марны заговорщики подговаривали жителей окрестных городов и сел отправиться в Париж, где намеревались захватить власть, провозгласить право на труд, а также установить доступные беднякам цены на хлеб.

Тяжелое положение страны усугублялось еще и тем, что после Ватерлоо по условиям II Парижского мира Франция была оккупирована 150-тысячным корпусом союзников.

Газеты писали, что в Париже принимались меры — создавались дома благотворительности, где безработный мог получить работу и пропитание при непременном условии проживать в этом доме и подчиняться полувоенной дисциплине. Но эти попытки как-то облегчить участь несчастных не изменяли кризисного положения в стра-

не. Стараясь спасти положение, правительство Реставрации выпускало один за другим внутренние займы. Фурье писал, что эти меры не спасут бедноты, система займов только разоряет страну, сельскохозяйственные отрасли по-прежнему находятся в совершенно диком состоянии.

Живя в деревне, Фурье не меняет своих устоявшихся привычек. Ранние утренние часы посвящены просмотру почты. Синяя блуза и черное кепи с красным кантом почтальона стали сигналом перерыва в работе. Шарль с удовольствием обменивался с ним новостями, которые, как правило, раньше всех стекаются к служащим почтовой конторы.

Затем внимательнейшим образом просматривал «Французский вестник» и «Кровавую монахиню» — так в либеральных кругах прозвали газету «Ежедневник», воспевавшую незыблемость трона и алтаря...

Об официальных правительственных событиях сообщала газета «Монитёр»... Сатирический журнал «Желтый карлик», закрытый два года назад, преобразился в «Зеркала»... Нельзя было не заметить, что по формату газеты стали совсем маленькими. И хотя формат был ограничен, зато изо всех сил рекламировалась «свобода печати».

Журналисты свободно оскорбляли изгнанников 1815 года: художник Давид уже не был талантлив, а Лазар Карно, «знаменитый организатор побед» и крупный математик века, не был честен... Французский институт вычеркнул из своих списков академика Наполеона Бонапарта... Авантюрист Матюрен Брюно, выдававший себя за принца Наваррского (Людовика XVII), сослан на каторгу...

После шумного Лиона и утомительных поездок уединение в деревне нравилось. Размеренный ритм жизни крестьян нарушали только ярмарки. К ним задолго готовились, а из Парижа, бывало, заезжали даже фокусники и возводили свои балаганы в центре ярмарочной площади. В эти дни постоялый двор и кабаки наводнял люд со всей округи.

Фурье любил наблюдать, как в ярмарочный день с раннего утра все дороги заполняли крестьяне. Кто вел на веревке корову, кто теленка, кто нес на руках широкие корзины, из которых торчали головы уток или гусей.

Что-то получат эти труженики сегодня за свой товар, какой оптовый торговец наживется? Сколько еще крестьянского труда пропадает из-за индивидуального ведения хозяйства?

Вот она, французская деревня, — беспорядочный хаос домишек, превосходящих друг друга грязью и бесформенностью. Фурье старался вникнуть во все заботы крестьянского двора: как засеваются поля и хранится урожай, как дорого это обходится одной семье и какой инвентарь нужнее всего в хозяйстве...

Он мог часами дотошно расспрашивать, как сделать деталь какого-либо предмета, а главное, как изготовить ее дешевле. Фурье видел, что у многих крестьян даже нет тачек и они перевозят навоз на собственном горбу. Нет у них и свечей, и они жгут смолистую лучину или обрывки из веревок, пропитанные древесной смолой.

Крестьяне не умеют содержать свои погреба: вино портится из-за тысячи разных причин, которые будут исключены, если они объединятся в ассоциации. Они не умеют строить хорошие конюшни и стойла. В ассоциации же у них будет возможность содержать не только жилища, но и поля и конюшни в идеальной чистоте. Можно даже сказать, что «ослам при строе Гармонии будет лучше жить, чем крестьянам прекрасной Франции».

До процветания нынешней французской деревне ой как далеко! И можно только поражаться, что «стихотворец Делиль, широко пользуясь предоставленным поэтам правом обмана, уверял нас, что полевые работы — место сладостных утех».

Чем можно наслаждаться, если труд крестьян в сельском хозяйстве убог, а тощий огороженный участок земли не дает пищи ни уму, ни сердцу? В нем работают только из необходимости, из-за того, чтобы добыть несколько скверных кочанов капусты и тем спасти от голодной смерти свою семью. После тяжелой дневной работы каждой семье приходится еще оберегать свой огород от соседей, всегда готовых украсть чужую капусту... Как далеки эти картины сельскохозяйственного быта от мечтаний поэтов, которые рисуют нам Дафниса и Хлою с посохами в руках и нежными овечками у ног!

Неужели крестьяне не задумывались о затратах, которых требуют меры предосторожности против воров? Три сотни сельских семей возводят сотни стен и оград, навешивают замки, засовы, тратятся на собак, стерегущих хо-

зяйское добро днем и ночью. Эти бесполезные вещи и существа не потребуются в ассоциации, так как вору невозможно будет воспользоваться краденым, за исключением денег; к тому же среди людей, живущих в достатке, с развитым чувством порядочности, неоткуда взяться вору. Даже дети, всегда ворующие фрукты, не прикоснутся при социетарном устройстве к чужому яблоку.

Прежде чем приступить к окончательному изложению уже подготовленного материала, Фурье дважды подчеркнул тщательно выведенный заголовок: «Экономия от совместного ведения хозяйства». Необходимо убедить французов, что только такая организация хозяйства приведет к изобилию.

В обществе «цивилизованных» смерть человека неумолимо прерывает все его начинания. В то же время в ассоциации в случае смерти одного на его место тут же встанет другой. Крестьянин, который ведет свое хозяйство в одиночку, не в состоянии купить машины для обработки земли. В ассоциации же применение техники будет массовым. Над коллективным хозяйством не будет висеть постоянная угроза разорения вследствие конкуренции, не будет простоев производства, так как не будет недостатка в снабжении сырьем.

Фурье отмечает, что в обществе «цивилизованных» от постоянных противоречий между индивидуальными и коллективными интересами портится даже природа. Если где-нибудь в округе уничтожают леса, то окрестные крестьяне взирают на это с полной беззаботностью. Они даже радуются убыткам монсеньора... Если буря повредила посевы богатого соседа, то все остальные бедные селяне в большинстве случаев потирают себе руки с открытым ликованием... В Гармонии же все будут заинтересованы в успехе и процветании ближнего, так как каждый будет страдать от малейшего ущерба, понесенного всеми остальными. Не будет хозяев и наемных, все будут одинаково заинтересованы в успехе, и между всеми установится взаимное доброжелательство.

«О ЛАКОМСТВАХ ДЛЯ НАРОДА»

Фурье видел, как в селах страдают от голода и жажды эти сгорбленные труженики и как скудна их пища. Нередко в полдень они могут съесть только корку хлеба и запить ее стаканом воды. Так утолив голод, они с необык-

новенным упорством, чтобы прокормить детей, от зари до зари обрабатывают свой клочок земли. А поздно вечером возле миски с жидкой картофельной похлебкой за деревянным столом собирается семья в 8—10 человек. Кусок говядины они съедают только по воскресным дням.

Надо бы знать, чем питается французский крестьянин даже в провинциях наиболее плодородных. 8 миллионов французов не едят хлеба, а кормятся каштанами и подобными вещами, 20 миллионов не пьют вина, хотя из-за чрезмерного изобилия целые сборы винограда приходится бросать в помойные ямы. Они пекут хлеб так редко, что потом вынуждены его разрубать топором и целые сутки размачивать в воде, чтобы можно было есть.

Система питания у «цивилизованных» покоится обычно на одном каком-либо основном продукте: в Европе — на хлебе, в Азии — на рисе, в Мексике — на маисе, на Антильских островах — на маниоке. И если неурожай хлеба — то голод в Европе, а неурожай риса — голод во всей Азии. Фурье возмущен философами, которые претендуют на решение великих вопросов, а не умеют решить простейшего — питания народа. Он обращается к современным моралистам, которые по недопониманию ни на одну страсть не смотрят так плохо, как на страсть к вкусным и изысканным блюдам. «Но зачем, — спрашивает он, — было угодно Богу наградить всех без исключения таким пороком?.. Известно, что солдаты, подвергаясь риску смертной казни, устраивали бунты, если их кормили плохо. Дикари готовы продать за бутылку водки своих жен и дочерей, а за флакон ликеру самих себя. Если Бог наделил людей этой всеобщей страстью, то, очевидно, он имел в виду отвести ей важную роль в механизме общественного строя».

Вопреки этому «цивилизованные» устроили себе общество так, что чем человек больше трудится, тем меньше ест. Хорошо и вкусно питаются лишь праздные люди.

Фурье уверяет, что питание «цивилизованных» становится все хуже только потому, что эта наука у них находится в загоне. «В Париже, — говорит он, — только несколько тысяч человек питаются вполне гастрономически; остальные сотни тысяч не получают даже сносного супа; то, что у них подается под названием бульона, — варево из несвежей воды и прогорклого жира или сала».

Вот где еще расцвет мошенничества и обмана! Если же хорошая и вкусная пища будет наградой за труд, если она станет наслаждением и будет укреплять здоровье, «тогда все люди объединятся для производительной деятельности во имя гастрономии, которая всегда будет лежать в основе всех человеческих стремлений. Таким образом, — парадоксально и с вызовом заключает Фурье, — если желают воздвигнуть прочный общественный строй, то в основу его следует положить гастрономию».

Далее он с увлечением расписывает, как с помощью энтузиазма поварской серии, превосходных качеств приправ, разнообразия блюд, изобилия продуктов можно достигнуть того, что обед богатого будет состоять из 30 блюд, и даже бедняки могут рассчитывать на 10, то есть «стол бедняка будет сервирован лучше, чем стол королей в наши дни». Мясо, рыба, птица будут приготовляться в самых разнообразных видах и с необыкновенной утонченностью. Самыми дешевыми продуктами станут сахарные кремы, варенья, лимонады. Непрерывное движение, труд и хороший аппетит гармонийцев потребуют большого количества пищи. И они питаются пять раз в день, пища быстро переваривается ввиду тонкости блюд и искусства их комбинировать.

Прекрасное питание будет способствовать росту и долголетию гармонийцев. В теории страстей Фурье назовет наслаждение желудка одним из основных. «Гастрономии», которая станет краеугольным камнем социальной Гармонии, он отдаст право управлять производством, пробуждать и уточнять эстетические чувства, возродить поэзию, распространить просвещение. Он напишет, что «гастрономическая страсть явится одной из важнейших пружин; она будет главным звеном, связующим индустриальные серии, она будет душой интриги, стимулом всякой плодотворной деятельности».

На столе гармонийцев излюбленными блюдами будут куры, яйца и рыба. Фурье подсчитывает, что если бы «цивилизованные» разводили и ловили рыбу правильно, если бы следили, чтобы ее оставалось нужное число для размножения, то ее можно было бы вылавливать в 20 раз больше.

Дичь приносит пользу человеку — уничтожает насекомых, украшает деревни, но сейчас охотники, кажется, забыли об этом. Они убивают всех птиц, которые поедают червей, и крестьяне жалуются, что посевы отданы на

съедение гусеницам. В будущем охотой станут заниматься меньше, соответственно увеличится количество дичи.

Гармонийцы ограничат потребление хлеба, продукта наименее питательного, но требующего громадных затрат труда. Они будут на всем земном шаре разводить скот и птицу, устраивать пастбища, питомники садов и сократят площади посева хлеба.

Поистине гурманство станет для гармонийцев источником мудрости, просвещения. Эта страсть при строе Гармонии будет главной движущей силой равновесия страстей, важнейшим стимулом развития промышленной деятельности людей.

Чтобы превратить эту страсть из порока в добродетель, нужно начать с привлечения к чревоугодию... женщин. Ведь мы знаем, что они противницы этой страсти. А привлечь их можно будет только путем организации содержательных трапез. Мужчин и детей увлечь нетрудно, их не придется уговаривать. Зато женщины предпочитают не столько трапезу, сколько интересных сотрапезников. Поэтому следует учитывать не только подбор полов за столом, но и подбор обслуживающего персонала. Если за столом женщин будут красивые юноши, интересные собеседники, то и женщины в конце концов предадутся чревоугодию. Такой обед будет длиться час и сопровождаться интересной беседой, исключающей грубый и быстрый процесс еды, и не поведет к злоупотреблению и обжорству, которые можно наблюдать на скучных обедах «цивилизованных», где и в высшем свете, и у простонародья званый обед или ужин кончается общим объеданием или перепоем.

Конечно, «наука о гастрономии» — одна из самых дразнящих, провоцирующих на усмешку фантазий Фурье, но в ее парадоксах нетрудно уловить агитационную установку автора, который стремился привлечь к выгоде создания опытной ассоциации внимание расцветающей французской буржуазии, а для нее, как известно, гастрономическая страсть была едва ли не единственным смыслом жизни.

ЖЮСТ МЮИРОН

Несмотря на неуспех «Теории четырех движений», книга все же не осталась без внимания. Ее появление сыграло огромную роль и в дальнейшей литературной

деятельности самого Фурье, и в распространении его идей.

В 1814 году «Теорию четырех движений» прочел чиновник Безансонского местного ведомства Жюст Мюирон. Глубоко просвещенный, энергичный, умный человек, он был поражен новизной и смелостью выводов. Книга захватила его, и Мюирон начинал настойчиво искать автора. Сделать это было нелегко, так как в книге, как мы помним, упоминалось об авторе только то, что это «Шарль из Лиона». Жюст Мюирон лишь через два года установил личность и адрес автора и обратился к Фурье с письмом.

Появление первого единомышленника придало сил лионскому мечтателю. Это была уже настоящая моральная поддержка — появилась уверенность, что его «открытие» будет наконец признано. С ответом Фурье спешил. В первом огромном письме он поделился планами издания новой книги. Так началась переписка.

В письме из Беллэ от 16 февраля 1817 года Фурье уже спорит:

«...Вы говорите мне о способах примирить мою теорию с теориями разных сект, не компрометируя их доктрины. Все эти споры несущественны. Отбросьте форму и посмотрите результаты. Чего достигла их наука за 3 тысячи лет? Бедность, мошенничество, подавление и резня. Поэтому, если я примирюсь с этой доктриной, я дам те же результаты. Из этого не выйдет ничего...»

28 октября 1817 года сообщает:

«Трактат об ассоциации» подвигается медленно. Я только на 9-й главе из 39...» И второе письмо в этот же день: «Я понял, почему «Трактат» подвигается медленно. Я потерял 10 месяцев на неправильно составленный план. Некоторые проблемы мной решены, и я рассчитываю через два года окончить свой труд...»

Через три дня снова подробное письмо Мюирону с сообщением, что работа над рукописью подвигается быстрее: «...я каждый день раскрываю новые красоты, и все блестяще увязывается с «единством системы». Теперь я могу сказать, что моя теория была в зародыше, когда я опубликовал «Проспект». Эта теория, если мне удастся привести ее в добрый порядок, как я надеюсь, непременно произведет сенсацию, не из-за изложения, а из-за великолепия сюжета...»

«Беллэ, 20 февраля 1818 г.

Месье, я опоздал с ответом на Ваше письмо, я отложил его с 3 другими. Я не мог отвлечься от захватывающей меня проблемы. Прежде чем ответить на Ваши вопросы, я скажу, что не разделяю Вашей идеи опубликовать последовательно 4 мои тома. Если полки посылают в битву один за другим, то они не достигают победы. Этот метод хорош для компиляций, но не для новых идей, которые должны нанести удар и представить сразу всю мою доктрину. Я не премину посмотреть книги, которые Вы мне рекомендуете. Правда, я испробовал эти проверки на некоторых работах и не извлек из этого ничего. Вполне возможно, что Моисей изрек случайно великие истины, Пифагор предугадал системы Ньютона и Линнея. Я не буду удивлен, что он кое-что предсказывал и из моих».

В том же 1818 году Мюирон приехал в Беллэ. Они провели вместе несколько месяцев. Их беседы и споры часто затягивались за полночь. Мюирон был с детства глух, и поэтому, сидя за одним столом, они разговаривали при помощи записок. Чиновник из родного Безансона стал учеником Фурье — первым его учеником.

Их обширная переписка послужит впоследствии исследователям большим подспорьем для знакомства с мировоззрением утописта. Письма Фурье поражают безукоризненно правильным почерком, каждая буква, особенно прописные, тщательно выведена и украшена завитушками, как будто автор готовил сочинение на конкурс каллиграфии.

Эта встреча помогла ускорить издание «Трактата». Мюирон предложил свои средства, обещая с помощью друзей опубликовать рукопись. Он торопил Фурье, но скорого окончания работы не предвиделось. Каждое письмо к Мюирону было откровением Фурье.

«Беллэ, 3 апреля 1819 года.

Вы хотите знать новости о моей работе. В течение 10 недель я сделал важную часть работы, а именно написал об организации опытов... Я понял, что можно начать с 300 человек, чтобы применить простые варианты серий. Число 200 или даже 250 для этого неприемлемо...»

«11 мая 1819 года.

Я открыл в день святой пятницы равновесие простой ассоциации. Я нашел ее менее изящной, но на самом деле более экономичной, чем сложная ассоциация...»

«17 сентября 1820 года.

...Все науки страдают одной ошибкой, пренебрегая основным предметом — домашней индустрией. Мы имеем цепь взаимосвязей, и путь ознакомления нужно начинать с алфавита, с первой ступени, которой является искусство использовать домашнюю индустрию...»

В 1820 году Фурье выехал в Безансон, чтобы обговорить с Мюироном все вопросы издания рукописи, работа над которой подходила к концу.

Поездка в Безансон взволновала его. Сколько лет не был он в этих местах! Поднимала настроение великолепная дорога: белые домики с островерхими крышами из красной черепицы растянулись по склонам холмов, из каждой лощинки поднимались каштаны.

Обширный амфитеатр громадных и совершенно непохожих друг на друга очертаниями гор, казалось, сопровождал его до самого города, кое-где на склонах виднелись еще остатки рыцарских замков.

Еще издалека увидел черные стены безансонской крепости, вскоре показались и дома, сложенные из прекрасного тесаного камня. Волновали не только воспоминания детства, но и то, что это был для него самый красивый город Франции.

На второй день Мюирон представил Фурье безансонскому обществу. Это был зародыш первого кружка фурьеристов, который создали Мюирон и Кларисса Вигурэ. Обладая блестящим литературным талантом, эта женщина сделала впоследствии немало для распространения идей Фурье. В ее доме познакомится с фурьеризмом семнадцатилетний юноша, студент Безансонского лицея Виктор Консидеран. Он женится впоследствии на дочери Клариссы Вигурэ.

Переехав в Париж и поступив там в Политехническую школу, Виктор Консидеран часто встречался с Фурье. Не прекратилась их переписка, когда Консидеран после окончания школы отбыл в город Мец, где он пропагандировал идеи Фурье среди друзей-военных. Он остался до конца жизни верным фурьеристом, даже когда был произведен в звание капитана инженерного корпуса и избран членом Сенского генерального совета и депутатом.

То, что из небольшого безансонского кружка возникла школа фурьеристов, было, пожалуй, не таким уж неожиданным явлением для Франции 20-х годов. В период второй Реставрации, в атмосфере обострения классовых противоречий, промышленного, финансового и политического кризиса, усилилась идеологическая борьба. Сторонники монархии и аристократии стремились утвердить свое господство. Они ратовали за неограниченную власть короля и обуздание наук. Их ненависть к революции выливалась в стремление любыми путями не допустить господства буржуазии. Однако предотвратить ход исторического развития им было не под силу. Франция хотя и медленно, но шла по пути развития капиталистического производства.

На этом этапе политической борьбы буржуазия выступает в новой роли. Она уже не идет вместе с народными массами против существующего строя. Она мечтает получить власть не революционным путем, а путем компромисса с дворянством. Перед господствующим классом выросла масса голодных, оборванных, бездомных людей, изнемогавших под тяжестью непосильного труда.

Социальный вопрос становится важнейшим вопросом жизни. Он открыто обсуждается в палатах и печати. Широкие слои буржуазии и либерального дворянства опасаются, что реакционная политика правительства снова приведет народные массы к восстанию.

В среде критически настроенной интеллигенции появляются адвокаты и врачи, студенты и художники, офицеры и писатели, которые искренне сочувствуют страданиям народа. Сочувствуют, но не верят в его способности самому встать на свою защиту.

Это был период, когда «капиталистический способ производства, а вместе с ним и противоположность между буржуазией и пролетариатом были еще очень неразвиты». Это было время, когда «пролетариат, едва только выделившийся из общей массы неимущих в качестве зародыша нового класса, еще совершенно неспособный к самостоятельному политическому действию, казался лишь угнетенным, страдающим сословием, помощь которому в лучшем случае, при его неспособности помочь самому себе, могла быть оказана извне, сверху» *.

Все эти группы мыслящих людей доискивались перво-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 193—194.

причин бедственного положения народа, ратовали за право и справедливость. Отстаивая интересы угнетенного класса, они искали мирных путей разрешения всех социальных проблем. «Мирное настроение этих идеологов, — по определению Г. В. Плеханова, — являлось психологической реакцией против революционных увлечений 1793 г.». Они приходили к выводу, что революция, разрушив старое, не в состоянии была создать новое идеальное общественное устройство.

В поисках путей преобразования существующего общества появляется большое число новых теорий и учений, среди создателей которых оказались и последователи утопического социализма.

Еще в 1818 году началась переписка Фурье с неким Бернаром из Нанта. Сочувствовал идеям своего дяди и сын старшей сестры Шарля Фурье — Изидора Рюба. Это он устроил публикации в одной из газет нескольких статей Фурье.

В те же годы присоединился к кружку богатый меценат Греа из Ретолье. На его средства публиковались сочинения Фурье. Сохранилось одно из писем, в котором он писал учителю: «Не считая Вас самих, быть может, нет никого во Франции, кто настолько бы интересовался Вашей возвышенной целью, как я. Она составляет единственный предмет моих размышлений, моих разговоров. Я говорю об этом решительно со всеми, я становлюсь даже утомительным для тех, кто равнодушен к этой идее...»

В Безансоне Фурье проникается уверенностью, что в своей теории не ошибся, что он не один и со временем человечество признает его «открытие». Еще в Беллэ он задумал совершить из Безансона путешествие в Базель и Женеву, но Мюирон настойчиво отговаривал, торопя с подготовкой к изданию «Трактата». Убеждения друга подействовали, и, возвратившись в Беллэ, Фурье занялся перепиской рукописи. Мюирону писал:

«Беллэ, 10 февраля 1821 года.

Мой дорогой друг!

Я опоздал на неделю с ответом и нарушил Ваше желание поддерживать переписку. Я хочу сообщить, что я вернулся к работе, другие дела уже не отвлекают меня. Я кончаю сегодня корректуру моей первой главы...

С уважением Ш а р л ь Ф.»

«7 марта 1821 года.

Мой дорогой друг!

Я получил Ваше письмо и отвечаю в течение двух недель, как договорились. Вы ошибаетесь, что мои отвлечения отнимают у меня много времени. Я не отдаю им ничего... Вы слишком на много рассчитываете, думая, что я могу сделать 10 страниц в день. Я не в состоянии этого сделать. Моя рука с этим не справится. Я делаю 10 страниц своим почерком, но этого мало. Если я увеличиваю дозу, то по ночам у меня болит рука. Я не смогу подготовить рукопись к 10 марта. 450 страниц за 10 дней сделать невозможно...»

«24 марта 1821 года.

...Вот уже несколько дней, как я нашел метод, как ускорить свою работу и не утомлять руку. Работа подвигается...»

«Трактат о домашней и земледельческой ассоциации» вышел из печати во второй половине 1822 года. Друзья отмечали как преимущества книги то, что здесь, как нигде, убедительно сказано о выгодах ассоциации, а критика строя Цивилизации изложена с большей доказательностью, обстоятельно сказано здесь о необходимости двух переходных периодов между строем Цивилизации и Гармонии: период «гарантизма» и «социантизма». Касаясь вопросов социальной философии, Фурье к четырем движениям мироздания добавляет пятое движение — «аромальное», к которому относит электричество, магнетизм, запахи. Второе издание «Трактата» вышло под новым названием — «Теория всеобщего единства». Итак, первая из девяти задуманных книг готова.

ФАЛАНГА

В отличие от «Теории четырех движений» «Трактат» полон практических советов: как нужно создавать ассоциацию... как лучше устроить жизнь гармонийцев...

Фурье группирует человечество в фаланги, позаимствовав это название у древних греков, у которых оно означало особый боевой строй пехоты. Назначение фаланги, введенной Филиппом Македонским, состояло в том, чтобы клином врезаться в ряды противника и расстраивать их. Отвоевывая все новые и новые области и страны, фаланги Фурье, основанные на совершенно но-

вых экономических и социальных отношениях, постепенно приведут человечество к строю Гармонии.

Фурье предполагает в каждой фаланге объединить по 1500—1800 человек. Правда, если «цивилизованные» захотят создать опытную фалангу, то экспериментировать лучше, объединив для начала только 600 человек... Мечтатель спешит показать, как лучше устроить в фаланге жизнь и быт гармонийцев.

Начинать нужно прежде всего с постройки помещения. Это должно быть просторное, прочное, изящное и строго симметричное здание. Оно больше похоже на гостиницу-дворец, какие встречались в те годы в швейцарских или больших приморских городах, где предлагались комнаты за разные цены: от 30 су до 50 франков в день, каждому по вкусу и средствам... Это фаланстер.

Фурье отмечает, что нужно внимательно отнестись к выбору местности, где построить фаланстер. Для его постройки потребуется одна квадратная миля и следует искать пересеченную местность, чтобы, кроме полей, необходимых для посева различных культур, был и лес, а поблизости имелся источник. Хорошо, если представится возможность построить фаланстер вблизи большого города. Это позволит любопытным добраться в фалангу без ночлега в пути.

Фурье предлагает основать ее в таком климате, чтобы большая продолжительность теплых дней в году дала возможность укрепить связи между людьми и были видны результаты труда в первый период организации. Для этого лучше всего подойдут окрестности Неаполя, Валенсии или Лиссабона. Если же организовать фалангу возле Парижа или Лондона, то пяти теплых месяцев в году для объединения людей будет недостаточно.

И в то же время, заботясь о вступлении в фалангу богачей и боясь, чтобы их не отпугнула грубость и невоспитанность бедняков, Фурье предлагает для первого опыта вербовать жителей из населения Парижа, Блуа и Тура... Впоследствии он запишет, что лучше всего образовать фалангу в окрестностях Лозанны, между Пуасеном и Меланом во Франции, между Галлем и Брюсселем в Бельгии...

После смерти мыслителя осталось несколько тетрадей с подробным описанием фаланстера. Обычно подсчеты по его строительству Фурье хранил отдельно от всех рукописей. Он советует устроителям, как и где разместить

жилые помещения, залы для отдыха и развлечений. Фурье предусмотрительно рассчитывает (вплоть до ступенек!) расположение и размеры мастерских, амбаров, церкви и кладовых. Есть тут и подробные советы по характеристике строительных материалов.

Главная часть фаланстера должна иметь в длину 500 футов и 250 в ширину и состоять из двух параллельных зданий, соединенных галереями, чтобы внутри были образованы просторные внутренние дворы для прогулок стариков и детей.

Такое увлеченное описание подробностей можно объяснить только необыкновенной любовью Фурье к архитектуре. Еще с юношеских лет, изучая в деталях различные архитектурные стили, он взял за привычку подолгу ходить вокруг какого-нибудь здания и измерять его просто шагами или при помощи метра.

При строительстве фаланстера нужно избегать существующего у «цивилизованных» порочного расположения построек. Так, даже основатель «Новой Гармонии» Роберт Оуэн выбрал форму квадрата, именно ту форму, которой следовало пренебречь. Одно из неудобств квадрата заключается в том, что бурные собрания, удары молота, упражнения на кларнете, разносятся по площади и наполняют шумом более чем половину квартала.

Перед главным входом в фаланстер нужно обязательно предусмотреть площадь, где будут проходить торжественные парады. Залы для собраний и библиотек, столовую и базар необходимо расположить в центральной части здания, чтобы проводимые в этих помещениях занятия не создавали шума. Нужно точно рассчитать, какие должны быть колоннады и портики, а где дворы для зимних прогулок и как построить внутренние дороги.

В центре главного здания должна быть предусмотрена «Башня Порядка», где функционируют телеграф, часы и сигнализация на поля. Отсюда будет разноситься перезвон колоколов, извещая гармонийцев о торжествах, сюда из соседних фаланг почтовые голуби будут приносить письма. Необходимо предусмотреть, где следует разместить церковь и обсерваторию... По лестнице главного входа можно будет попасть в огромный зал с колоннадой, а оттуда по галереям и лестницам в любую часть фаланстера.

Тут и театр, и биржа, а в галереях первого этажа будут устраиваться художественные и промышленные вы-

ставки. Этажи здания должны быть строго распределены: в подвале — кухни и бани, нижний займут старики, а на втором будут жить богачи и почетные гости. Антресоли выделить для детей. Каждое крыло фаланстера должно быть предназначено для определенных занятий гармонийцев. В огромных и чистых мастерских машины сделают труд легким и приятным. Нужно обязательно предусмотреть, чтобы кузницы, столярные и слесарные мастерские находились в одном крыле, где все заняты шумными работами. Другое крыло фаланстера оборудовано под «караван-сарай», где выделены для приезжих торговые помещения и бальные залы.

Фурье предусматривает максимальные удобства для гармонийцев. «В строе Цивилизации заботу о здоровье могут себе позволить только богачи; только они себе могут устраивать жилища, чтобы предохранить себя от частых простуд... Между тем самый бедный гармониец, человек, не имеющий гроша за душой, будет подходить к своему экипажу через теплый крытый коридор; вымощенные и посыпанные песком подземные ходы выведут его из дворца в стойла и конюшни: из своей комнаты он направится в общие залы и мастерские через крытые улицы-галереи, отапливаемые зимой и вентилируемые летом. В фаланстере можно будет обежать зимой мастерские, стойла, магазины, бальные и обеденные залы и т. п., не зная, идет ли на дворе дождь».

Здания будут утопать в зелени невиданных тропических растений, на самых красивых площадях будут установлены памятники искусства. Заборы и рвы — признаки рабства — исчезнут.

В фаланстере для всех без исключения гармонийцев будет создан максимальный комфорт. Большие прибыли дадут возможность улучшить качество мебели, одежды, продуктов. Гармонийцы будут питаться или за общим столом, или — за дополнительную плату — в своих помещениях.

Фурье совершенно уверен, что отцы семейств лишь поначалу захотят сохранить привычку обедать с женой и детьми, но после первых двух дней в условиях Гармонии они поймут свою ошибку. Они, конечно, отошлют от себя и жену и детей, которые также с радостью освободятся от скучной обязанности обедать в семье. По его подсчетам, питание в фаланге будет недорогим. Роскошный обед по заказу окажется при строе Гармонии втрое дешевле,

чем стоил подобный обед в Лондоне при строе Цивилизации. В дневниковых заметках Фурье сохранилась интересная запись: «Я жил в 1809 году в гостинице в Швейцарии, где мне и другим сотрапезникам давали обед за 30 су около 40 блюд, в то время одинокий человек истратил бы на этот обед не 30 су, а по крайней мере 40 франков...»

Исходя из общего числа населения земного шара, Фурье подсчитывает, что всего будет создано 2 985 984 фаланги. Конечно, «цивилизованные» не поверят в достоверность этих цифр, как не верят они в создание общества Гармонии... Однако мечтатель продолжает создавать в своем воображении величественные картины всемирного государства.

Как следует организовать управление фалангой? Избранный гармонийцами ареопаг будет не диктатом, а советником во всех их делах. Сила ареопага в его авторитете: он не издает уставов и правил, а только высказывает свое мнение относительно дел фаланги: строительства помещений, жатвы, посева или молотьбы, но к его мнению гармонийцы могут и не прислушиваться. В Гармонии не будет мер принуждения. Центром группы фаланг на определенной территории станет город, который будет обитаем в основном зимой. Столицей мира изберут Константинополь. Государственные границы ликвидируются.

Свое всемирное государство Фурье называет «мировой монархией», которая будет состоять из отдельных территориальных монархий. Однако при такой системе управления мы не увидим места для монархий и монархических титулов в том понимании, какое существует у «цивилизованных».

Здесь будут халифы и великие князья, монархи самых различных рангов, а на вершину этой лестницы Фурье возводит омниарха — главу всего земного шара. По его подсчетам, таких лиц в обществе будет более двух миллионов, но эти звания никакой реальной власти не дают. Введением в фаланге целой системы званий, взятых отовсюду, где они когда-либо существовали, Фурье надеется удовлетворить одну из человеческих страстей — честолюбие.

Организация фаланстеров позволит осуществить единство во многих областях человеческой деятельности. Так, можно будет создать единый шрифт и одинаковые сред-

ства сообщения, унифицировать систему медицинской помощи и согласованного снабжения. По всему земному шару будет возможна также единая система торговых и финансовых отношений.

Ученые смогут объединиться — это пророчество Фурье особо актуально в наши дни — в уничтожении вредных и развитии полезных видов животных и некоторых растений, а также в необыкновенно сложном процессе восстановления климата. Фурье уверен, что у гармонийцев учредится единая денежная система, одна мера весов, а одним из первых мероприятий гармонийцев будет созыв конгресса грамматиков; они составят единый язык для народов мира, система которого будет построена по аналогии с... криками животных. Эти меры по уничтожению наций будут проведены в течение века.

Не менее важную роль в уничтожении наций сыграет проведение общественных работ, которые уничтожат обособленность каждой из них. Различные национальности отныне не будут, как «цивилизованные», жить в постоянной вражде, готовые, по его словам, подобно диким зверям, разорвать друг друга. Каждый народ будет готов в любую минуту прийти на помощь другому. И в то же время Фурье единство человечества представлял как расцвет и самобытность каждой нации *.

Ярый противник равенства, Фурье по-своему объясняет возможность успеха создания фаланг. Он проводит аналогию: если равенства нет в природе, то его не должно быть и в обществе. Фаланга должна быть основана только на принципе неравенства. В различных главах своей книги Фурье несколько раз возвращается к проблеме природного неравенства человека. Он делит детей на опрятных и тех, которые любят нечистоты, а классифицируя человеческие страсти, говорит о разнообразии темпераментов. Поэтому, естественно, люди в фаланге окажутся и разного возраста, и различных характеров, и темпераментов, и состояний. Организаторам фаланг нужно это разнообразие довести до возможного максимума, ибо, чем больше будет различий в страстях и способностях объе-

* В феврале 1917 года В. И. Ленин в письме И. Арманд пишет: «Не можете ли достать Сочинения Fourier и найти для меня то, что он говорит о слиянии национальностей?» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 49, с. 386.)

движений людей, тем легче и скорее можно будет привести ассоциацию к общей гармонии.

«Неравенство — вот то основание, которое должно положить конец всем философским химерам. Достаточно допустить хотя бы тень равенства в материальных условиях членов фаланги, чтобы нарушилась взаимная доброжелательность... Необходимо составлять фалангу из лиц, сильно разнящихся во всех отношениях, в том числе и материальном».

Та фаланга достигнет наиболее совершенной Гармонии, в которой неравенство капиталов окажется всего сильнее. От искусства соединять гармонийцев в группы зависит весь уклад жизни в фаланстере. Из неравенства и разнообразия вытекают обязательные интриги и соперничество. Вот где будет великолепная игра страстей!

Кто же войдет в состав фаланги? Все желающие на добровольных началах. И бедные, и богатые. Фабрикант вступит в фалангу, рассчитав, что там его доход немедленно умножится, а увидев, что труд в сериях — это наслаждение, обязательно захочет поработать в какой-либо группе.

Работая в сериях бок о бок, богатые и бедные будут относиться друг к другу с доверием. Втянувшись в дела 30 рабочих серий, богатый в конце концов начнет любить бедных фаланги. Враждебность, возникающая на почве имущественного и социального неравенства, исчезнет. Вот тогда-то и наступит время, когда богатые станут отказываться от части дохода в пользу фаланги, чем завоюют благодарность бедняков. «Благодаря блещущей великолепием обстановке труда и согласия между социетариями» богатые превратятся в трудящихся.

Для убедительности Фурье приводит пример, как богатый гармониец Мандор (он, допустим, любит разводить семена красной капусты), увидев в фаланге группу людей, занимающихся его любимым делом, заинтересовался их методом и в конце концов примкнул к серии семеноводов. Он увлеченно работает вместе с этой группой, а назавтра во время утреннего парада к нему направляется детский духовой оркестр, глашатайка за вклад в общее дело возводит его в звание «бакалавра по красной капусте». Весталка преподносит ему букет цветов. После этих церемоний растроганный Мандор, конечно, не уйдет из группы.

Чтобы не отпугнуть сильных мира сего от вступления

в фалангу, Фурье составляет для богатых отдельный режим, при котором им будут предоставлены более легкие виды работ. Они смогут заниматься охотой и рыболовством, уходом за птицей и цветами, библиотечным делом.

Одной из мер сближения извечно враждующих классов будет введение одинакового воспитания, а создание детских дружин явится главным средством сближения классов. Богатые и бедные не будут презирать друг друга, так как самые тяжелые и отталкивающие виды работ великодушно возьмут на себя именно детские дружины. Общество «цивилизованных» с его пороками создало целый институт прислуги и наемных работников, которые зачастую находятся в безысходном положении.

Не так будет в фаланстере. Созданные здесь группы пажей и пажек будут служить не ради средств к существованию, как у «цивилизованных», испытывая при этом грубость и гнет своего господина, а только из сердечного порыва, из желания заниматься каким-либо делом. И никого не удивит, что в фаланстере пятидесятилетняя миллионерша Селианта, страстно увлекающаяся починкой вещей, видя, как за ее фазанами ухаживает молодой человек Бастьен, душевно располагается к нему и с любовью починяет его платья.

Фурье наставляет будущих организаторов фаланстера, что им нельзя отступать от такого именно соединения бедных и богатых. Нужно помнить, что все предшествующие попытки реформаторов прежних времен создать ассоциацию потерпели поражение только потому, что объектом для них «выбирались массы бедных людей, которых подчиняли строгой монастырской дисциплине труда, убийственной для свободной игры серий».

И как итог: «Не следует упускать из виду, что какое бы то ни было сближение между различными классами мыслимо только при режиме ассоциации, а именно при гармонии минимума, обеспечивающего достаток низшим классам, при вежливости в отношениях между хозяевами и работниками, изяществе и чистоте мастерских, совершенстве обработки, разделении труда, краткости рабочих сеансов, свободном выборе профессии...»

Наивный утопист мечтает, что в такой общности состоит секрет единства интересов. Сплоченные в ассоциации, все классы общества забудут взаимную ненависть, так как «народу, увлеченному привлекательностью работы, не придется изнывать от ее тяжести, а богатые пере-

станут презирать физический труд, в котором они сами будут участвовать».

В этих мечтаниях лионского торговца превратить богачей в трудящихся, а трудящихся в капиталистов сказались его мелкобуржуазные иллюзии о возможности разрешить мирным путем все социальные противоречия.

ТРУД БУДЕТ РАДОСТНЫМ...

Постройка фаланстеров даст возможность по-новому организовать труд гармонийцев. «Цивилизованный» труд ненавистен потому, что они каким-либо одним его видом принуждены заниматься 12 часов подряд. Некоторые химические заводы, по словам Фурье, являются настоящими бойнями для рабочих. Если бы рабочий был занят на таких заводах 2—3 раза в неделю и не больше 2—3 часов в день, то такой труд не причинил бы ему никакого вреда.

Для организации труда в фаланге гармонийцы объединятся в группы и серии. В каждую группу из 7—9 человек войдут люди, питающие влечение к определенному виду деятельности. Группа, эта маленькая клеточка фаланги, и определит жизнь и труд гармонийцев. По подсчетам Фурье получалось, что в каждую серию войдет от 20 до 24 групп, а всего серий в фаланге будет не менее пятидесяти.

Если заниматься различными видами труда и маленькими непродолжительными сеансами, то такой труд принесет человеку только радость. Всем известно, что пчел и бобров никто не заставляет работать, но они трудятся и труд им доставляет наслаждение.

«Почему же нужно думать, — спрашивает Фурье, — что Господь отказал в этой милости нам, раз он предоставил ее животным? Русский, алжирец работают из страха перед кнутом и палкой, англичанин, француз — из страха перед голодом, вечно угрожающим их жалкому хозяйству; греки и римляне с их хваленой свободой работали, как это происходит теперь с неграми в наших колониях».

Почему же человек должен разрушать то, что создала природа? А природа вложила в человека страсть — жажду к переменам. Ведь даже удовольствие, длящееся более двух часов без перерыва, вызывает скуку, усталость и пресыщение.

Фурье предлагает читателю свой распорядок жизни в фаланстере, который обеспечит разнообразный труд и участие гармонийца в нескольких сериях. Так, день небогатого члена фаланги Луки будет начинаться в половине четвертого утра. В 4 часа он работает с группой в конюшне, в 5 часов — в саду, в 7 часов завтракает. До обеда он успевает поработать в группе косарей, огородников и на скотном дворе. После 2 часов — в серии лесоводов и в мастерских. С группой огородников он польет грядки, встретится на бирже для беседы, а после 9 часов до сна примет участие в развлечениях.

Многие страницы своих произведений Фурье посвящал изложению способов сделать труд не только удовольствием, но и подлинным наслаждением, подчас ставя знак равенства между трудом и забавой. Работа в трудовых армиях, по его представлениям, будет для гармонийцев сплошным праздником и утехой для самолюбия и честолюбия.

Он намеренно отводит мало времени отдыху, объясняя это тем, что человек, постоянно занятый трудом-удовольствием, не будет утомляться. Фурье обеспокоен тем, что такой рабочий день может показаться продолжительным. Смена занятий согласно склонностям каждого человека поможет избежать монотонности в работе.

Среди утопических социалистов XIX века вопросу о том, как сделать труд привлекательным, больше всего уделил внимания Шарль Фурье. Энгельс в «Анти-Дюринге» заимствует из фаланги как нечто само собой разумеющееся непрерывную смену занятий у гармонийцев, смену, лишающую труд его постылого характера, делающую его приятным, превращающую его в игру, в спорт.

В утопических построениях Фурье предполагается применение в фаланге совокупности различных видов труда. Он мечтает объединить в фаланге труд домашний и земледельческий, торговый, и фабричный, и преподавательский. Он надеется применить в ней развивающиеся науки, а также изящные искусства. При всем этом Фурье считает, что фаланга должна быть основана на сельскохозяйственном труде.

Промышленным занятиям он отводит второстепенное место. «Нужно помнить, — говорит он, — что промышленность только добавление, земледелие — основа». Но в планах Фурье сельское хозяйство в фаланге приобретает своеобразное направление. Составляя режим гармо-

нийцев, он перечисляет только определенные сельскохозяйственные работы — огородничество, садоводство, птицеводство и т. п. Вообще сельское хозяйство здесь будет резко отличаться от хозяйства «цивилизованных». Так, в распорядке дня Луки мы не видим, чтобы он занимался хлебопашеством. Фурье, как мы помним, считал, что хлеб как предмет питания не отличается высокой степенью полезности и выращивается человеком только в силу необходимости. В фаланге хлебу люди предпочтут мясо, фрукты, молочные продукты и сладости.

Фабричная промышленность станет всего лишь дополнением к сельскохозяйственному труду. Чтобы гармонийцы были заняты в долгие осенние и зимние каникулы, все фаланги земного шара будут иметь свои фабрики, которые не станут концентрироваться в городах, превращающихся в лачуги для бедных, а рассеются по всем деревням и фалангам земного шара. Фаланстер станет своеобразным поселением, которое уничтожит разрыв между городом и деревней. Соответственно у гармонийцев работы в поле будут сменяться работами в промышленности, и это устранит существующее веками разделение труда.

Фурье был уверен, что новые общественные отношения обязательно повлияют на культурный рост деревни:

«Я полагаю, что дюжины лет будет достаточно, чтобы превратить в людей эти живые автоматы, которых называют крестьянами и которые в своей крайней грубости сейчас стоят ближе к животному, чем к роду человеческому».

В селе, по его словам, возникнут такие же возможности для образования и развлечений, как и в городе. Развитие транспорта и средств связи призвано способствовать расцвету культурного обмена между городом и деревней. Гармонийцы, взрослые и дети, из городских фаланг будут определенное время в году проводить в селе.

Фурье мечтает, что развитие техники, расцвет наук облегчат труд человека. По его словам, при порядке согласованности появятся сооружения, украшенные мрамором, где бассейны будут оборудованы кранами с водой разной теплоты. Различные механические приборы облегчат труд прачек.

Огромные по объему работы, выполняемые трудовыми армиями, будут содействовать сближению не только городских и деревенских жителей, но и гармонийцев различных кантонов. Если, к примеру, потребуется покрыть

плодородной почвой отдельные районы Гасконии, то эта работа будет выполнена тремя армиями — французской, испанской и английской, а взамен Франция отправит две армии — одну в Испанию и одну в Англию — для участия в их работах. Так, по мнению Фурье, в коллективном труде объединятся все государства земного шара...

Изобилие продуктов подведет гармонийцев к решению самой важной проблемы — проблемы распределения. Ведь новый порядок распался бы в первый же год, если бы каждый участник не был уверен, что он получит справедливую долю прибыли.

Фурье выводит свою формулу распределения дохода — «по капиталу, труду и таланту». Только строго придерживаясь этого принципа, можно добиться того, что капиталисты не будут присваивать себе львиной доли. А решить эту задачу можно, поставив в центре внимания страсти человека — алчность и корыстолюбие. «Цивилизованные», услышав такое, будут, конечно, недоумевать: как это порицаемые обществом страсти смогут служить ему? А вот как, поясняет Фурье: все члены фаланстера будут трудиться в четырех десятках групп, и произойдет то, что личное корыстолюбие растворится в коллективных интересах серии, а коллективные притязания каждой серии — в интересах каждой личности. Интересы каждого приучат гармонийцев к строгой объективности.

К тому же при распределении дохода нужно помнить об основном принципе, по которому должна оцениваться работа. Это ее значение для общества, степень приятности или присутствие элементов, делающих ее при выполнении неприятной или отталкивающей.

Фурье предлагает по значимости для общества поставить на первое место труд детских «маленьких орд» и сиделок, работу шахтеров и чистильщиков сточных труб. По выдвинутому им принципу получается, что чем приятнее труд, тем ниже его денежная оценка. Однако, предупреждает он, этот принцип нужно обязательно регулировать. Так, например, опера по своей притягательности должна быть отнесена к третьему разряду, но по ее роли в воспитании общественного духа — к первому.

Только строго учитывая долю гармонийца в общем капитале, его труд и талант, можно достичь правильного

и точного распределения прибылей в каждой серии. При соблюдении этих условий вопрос распределения превращается в простую арифметическую задачу. Корыстолюбие будет действовать в интересах человека, не попирая интересы других. Так, капиталист при подобном распределении получит даже... больше дохода, чем имел у «цивилизованных».

Ведь, кроме того, что он получит проценты за свой взнос, он будет получать оплату как рабочий различных групп. Если же он ко всему еще и обладатель какого-нибудь таланта, то он и за это будет вознагражден.

Фурье говорит, что, конечно, выделить $^1/_3$ общего дохода владельцу капитала — это больше, чем полагается, но представители труда и таланта должны понять, какую роль играют вклады капиталистов для правильной организации фаланги. Да и от удовольствий, которые доставляет беднякам богатый, им только выгода, не говоря уж о том, что по завещаниям богачей все их наследства перейдут детям бедняков.

От распределения дохода в фаланге зависит и распределение труда. Богатые в ассоциации могут выбирать себе более легкие серии, так как они не заинтересованы выполнять лучше оплачиваемые работы (косца, конюха), ибо получат часть дохода за вложенный капитал. Бедные же будут стремиться к высокооплачиваемым видам работ.

В каждой серии труд также оценивается неравномерно. Опытные и почитаемые ее члены получают больше, новички — скромную долю дохода.

Если у гармонийца нет первоначального взноса, то он будет получать только от доли труда и таланта. Доля таланта, по словам Фурье, определяется очень просто. За проявленную незаурядность гармонийцу присуждают степень или титул, а в соответствии с этим и выделяется прибыль. Особо стоят великие артисты, знаменитые ученые и заслуженные мастера: они будут принадлежать не одной фаланге, а всему человечеству, и оно-то позаботится об их достойном вознаграждении. Присуждать вознаграждения им будут в метрополии мира...

Доход врачей-гармонийцев будет в корне отличаться от оплаты в Цивилизации. Если здесь заработок доктора зависит от числа пришедших к нему больных, то ему выгодно, чтобы последних было как можно больше, а болезни продолжительнее, особенно среди богатых. «Обрат-

ное тому, — говорит Фурье, — будет в Гармонии. Доктора содержатся здесь дивидендом со всего дохода фаланги, дивиденд этот растет и падает вместе с общим и сравнительным доходом фаланги. Меньше будет больных и умерших в год, крупнее станет сумма, предназначенная для доктора. Выгода их, таким образом, ничем не будет отличаться от выгоды страховщиков жизни: они окажутся заинтересованными предупреждать зло, а не лечить его».

Классификация, распределение и оценка явятся делом самих членов фаланги. Специально организованные серии счетоводов будут вести все расчеты как между отдельными гармонийцами, так и между фалангами. Каждому будет открыт кредит, который будет соответствовать его доходу. Все, что поступает на его счет, учитывается, и итог подводится в конце года.

Фурье предупреждает читателя, что, каковы бы ни были доли взносов гармонийцев, они обязательно принесут доход. Потребности гармонийца в пище, одежде и помещении будут всегда удовлетворены. Фурье предполагает, что доходы фаланги будут настолько велики, что каждый ее член сможет при желании делать сбережения и приобретать на них паи фаланги.

О «КАНДИДАТЕ»

Планируя возможное переустройство общества, Фурье верил, что среди владеющих богатством обязательно найдется человек, который, уступив своим убеждениям, откажется от праздности и пресыщения и пойдет навстречу интересам неимущих.

Лионский мечтатель надеется, что в создании его опытной фаланги непременно примет участие «кандидат» — великий деятель или капиталист, который пожертвует первый взнос. Фаланга на первых порах не сможет обойтись без привлечения частных средств. Но богатство ее за очень короткий срок станет настолько велико, что позволит без всякого ущерба для дела выплачивать высокий процент по взносам капиталиста. Для основания фаланги уменьшенного масштаба достаточно четырех миллионов. Можно, конечно, начать даже с двух миллионов, потому что, как только дело будет начато, акционеров найдется больше, чем нужно...

Еще в «Теории четырех движений» Фурье возлагал

большие надежды на Наполеона. Он называл его «новым Геркулесом», от которого человечество ждет чуда, способного изменить судьбу мира. Фурье надеется, что французский император, побуждаемый жаждой власти и славы, сможет стать «основателем социетарного строя». После краха империи разочарованный Фурье отметил: Наполеон стремился к мировому господству и овладению торговлей, но был «лишь недоноском величия, лишь полувеликим человеком», не сумевшим дать ни подлинной свободы, ни истинного величия.

В «Трактате» утопист опять с надеждой обращается к сильным мира сего. По его подсчету, существует три тысячи кандидатов, которые наделены богатством и властью, и каждый из которых мог бы создать фалангу.

Для организации экспериментальной фаланги потребуется четвертая часть суммы, которую из честолюбия кандидаты бесполезно расточают ежедневно. «Мариальва, — говорит Фурье, — расходует в Вене в 1817 году 1 млн. флоринов на празднование свадьбы; между тем $^1/_4$ этой суммы достаточно для гарантированной ссуды для основания Гармонии... Бурдет израсходовал во Франции около полумиллиона, соря направо и налево деньгами, чтобы добиться сомнительного депутатского места. Лобанов в Петербурге строит дворец, который обходится ему в 16 млн. франков. Он стал бы наследственным монархом земного шара, если бы дал заимообразно всего $^1/_{32}$ часть этой суммы...»

Все монархи мира, уверяет Фурье своих читателей, заинтересованы в этом новом превращении, в строе Гармонии, начиная с крупнейших — царя России и короля Саксонии. Их только нужно убедить сделать первый пай, а на следующий день... незамедлительно начнется шествие человечества по новому пути.

Впоследствии в «Новом промышленном мире» он подсчитал, что кандидатом может быть любой француз — «обладатель права быть избранным». А согласно действующему в то время во Франции закону в 1817 году право быть избранным предоставлялось лицам, достигшим 40 лет, платящим не менее 1000 франков подоходного налога. Таких лиц в стране при населении 29 миллионов Фурье насчитал 16 тысяч.

«Каждая женщина, желающая прославиться и имеющая некоторые денежные средства, может претендовать на пальмовую ветвь основательницы мирового единства и

стать во главе опытной фаланги. Эта роль весьма подошла бы мадам де Сталь, которая стремилась к большей известности и обладала состоянием, в 20 раз превосходящим сумму, необходимую для осуществления опыта».

По его словам, «кандидатом» в Англии мог быть покойный лорд Байрон. Он в период организации ассоциации подошел бы в качестве проповедника, поскольку презирал существующий строй Цивилизации. Во Франции Фурье называет прекрасным «кандидатом» генерала Фуа, одного из наполеоновских генералов, позднее популярного депутата-либерала, а в качестве основателя ассоциации предлагает кандидатуру герцога де Ларошфуко.

Фурье далеко не последователен: убеждая читателя, что нужна личность, которая пользовалась бы уважением всех партий, он здесь же упоминает реакционного писателя и политического деятеля того времени Франсуа-Рене де Шатобриана, называя его «прирожденным апостолом социетарной теории...».

Капиталисты, снова и снова уверяет Фурье, получат, несомненно, больше выгоды, если они поместят свои капиталы в фаланги. Во-первых, их земли, машины, материалы, мебель и обстановка — все, что вносится, будет тщательно оценено. Правление выдаст каждому купоны или акции согласно сделанному взносу. Подобное вложение надежнее, чем в любом банке: «Фаланга ни в коем случае не может обанкротиться, скрыть свои земли, свой дворец, свои стада, свои мастерские. Владельцы фаланги будут также гарантированы от стихийных явлений, ибо после 5—6 лет дружной работы климат в Гармонии будет исправлен; случаи пожара также будут сведены к минимуму...»

Фурье призывает и бедняков вступить в фалангу, так как разительной будет выгода и для них. Если даже самый последний бедняк приобретет в фаланге одну двадцатую акции, то он, получая доход от труда и от капитала, будет заинтересован во всех ее делах и будет с гордостью говорить: «Наши земли, наш дворец, наши замки, наши леса, фабрики, заводы».

При вступлении правление фаланги выдаст каждому бедняку в виде аванса на год будничную и праздничную одежду, инструменты и инвентарь для сельских и фабричных работ. Он будет питаться пять раз в день за столами третьего класса, жить в благоустроенной квартире, посещать праздники и спектакли. Этот аванс не сопряжен

ни с каким риском, ибо бедняк покроет его через год. Но главное не в авансе, а в притягательности труда.

Так наш мечтатель прибегал к наивным хитростям, чтобы хоть кого-то привлечь к своему «открытию». Он обещает сильным мирам сего высокие проценты прибылей, богатым старикам — свободную любовь, бездетным супругам — возможность выбирать в детских сериях и группах продолжателей их дел, гурманам — особую гастрономическую науку и обеды из 30 блюд, принцам и принцессам — возможность найти женихов и невест по душе, выдающимся по уму и красоте женщинам — возможность быть коронованными, беднякам — быть обеспеченными и свободными.

В «Трактате об ассоциации», как и в «Теории четырех движений», снова перед читателями встают живописные, впечатляющие, изобретательные в подробностях картины строя Гармонии. Иногда даже кажется, что все это не игра воображения автора, что это уже где-то было в реальности.

Автор снова полон обещаний будущих космических перемен, речь доходит и до перспективы возникновения новых животных. Описания приобретают все более фантастическую и грандиозную форму. Гармонийцы воспитывают животных под руководством особых учителей: львы, тигры и другие хищники станут послушны воле человека. В парках фаланстера будут разгуливать стада зебр и ослов, ручные олени, лани и зайцы. Морские рыбы смогут жить в пресной воде...

Фантастические мечты Фурье об антильвах и антиакулах, о том, что дикие животные станут со временем служить человеку, беззащитны в своей увлеченности, и в то же время в них налицо и большая доля прозорливости. В XX веке, как мы знаем, опыты по приручению многих видов диких животных и по разумному использованию их энергии (от дельфинов до лосей) поставлены на научную основу.

ПУТИ ПЕРЕХОДА

Отвечая на вопрос, как выйти из хаоса общества «цивилизованных» и достичь строя Гармонии, Фурье снова предлагает читателю целую таблицу самых различных путей перехода. Эта схема, хотя автор и оттачивает детали, стараясь разъяснить все подробности и сложности перехода, несомненно, запутанна. Первоначально Фурье

обозначил 12 вариантов выхода, но впоследствии он уже предлагает 32... В «Трактате» Фурье разбирает наиболее приемлемые и самые простые пути, которые, как он надеется, не испугают французов.

В идеале он считает желательным и возможным прямой скачок от общества «цивилизованных» к строю Гармонии. Но если человечество не решится на скачок, то остается путь постепенный. Напомним, что переходную эпоху Фурье представляет как два этапа — гарантизм и социантизм. Для гарантизма характерно существование полуассоциаций, а для социантизма — простых ассоциаций. Простая ассоциация и является первоначальной формой производительно-потребительского товарищества, которое впоследствии превратится в сельскохозяйственную и промышленную фалангу.

Фурье знает, что люди по своей натуре трудно меняют устоявшиеся привычки, и поэтому сразу не решается организовать фалангу. Их необходимо побудить к созданию хотя бы полуассоциативных учреждений.

К последним Фурье причисляет коммунальные конторы, фермы-приюты, сельские банки, казенные фермы. Основными учреждениями переходного периода станут коммунальные конторы, которые возьмут на себя переработку и сбыт товаров, кредитные операции. Фурье предлагает объединить в коптору 1500 жителей, предоставив в их распоряжение сад, погреб, общую кухню и не менее двух фабрик.

Контора уменьшит расходы бедняков по ведению хозяйства и даст им во все времена года прибыльную работу. За небольшую плату они смогут в прекрасных условиях хранить запасы своего урожая. Бедняк получит бесплатно машины и орудия труда и не будет продавать свой урожай осенью, с тем чтобы весной идти к ростовщику и платить ему 12 процентов годовых за взятые ссуды.

Создать такие конторы легче всего по селам, используя пустующие монастыри, в которых можно найти добротные амбары и подвалы, сады и большие залы для собраний.

Контора, взяв в свои руки оптовую закупку всех необходимых крестьянам предметов потребления, освободит их от происков коммерсантов и торговцев. Легионы купцов окажутся тогда в положении паука, который умирает

в своих сетях или попадает в такое место, куда закрыт доступ мухам.

Фермы-приюты возьмут на себя воспитание детей, не имеющих родителей. Собрав таких детей, ферма очистит дороги департамента от нищих. В ней будут устраивать народные празднества с обильными яствами, танцами, играми и т. п. взамен тех мучений и уныния, которые испытывают обитатели разных казенных приютов и богаделен. Организация жизни и работ на такой ферме приближается к фаланге с ее сериями, игрой страстей и промышленным влечением. Здесь будет организован посильный труд детей. Они будут разводить породистый скот.

По мнению Фурье, одной из форм перехода к социетарному строю могут стать так называемые казенные фермы. Для их организации необходим только декрет правительства. Издать такой декрет может любой из государей. Основанные по принципу ассоциации, такие фермы будут поставлять все большее число и высококачественных продуктов, как сельскохозяйственных, так и промышленных. Превосходством товаров и умеренностью цен казенные фермы будут оттеснять частную конкуренцию. Частные землевладельцы уступят им свои земли, а капиталисты — свои капиталы, и этот процесс приведет к образованию фаланг.

Фурье утверждает, что еще в Древней Греции люди могли организовать ассоциации, но не были открыты те законы, управляющие миром, которые открыл он. Он сформулировал «социальный кодекс», закон социального движения, и сейчас главная задача — создавать опытные фаланги, чтобы человечество безболезненно перешло к строю Гармонии.

Вскоре после выхода в свет «Трактата об ассоциации» Фурье решается на переезд в Париж. Он стремится быть в центре общественной жизни страны. Пропаганду «открытия» можно организовать только в столице.

Нужно привлечь к его идеям парижских богачей, а они, пробыв в фаланстере хотя бы час, останутся там навсегда. В надежде, что состоятельные «кандидаты» уже разыскивают его и никто, кроме него, не сможет более обстоятельно проконсультировать их, как организовать подобную фалангу, Фурье покидает Лион.

В Париже его найти будет легче.

Глава VII

ПАРИЖ

Трудными для Фурье оказались парижские будни. Деньги от сестер поступали нерегулярно, а служба в торговой конторе оплачивалась скудно. Он экономил буквально на всем. Рассчитал, что на завтраки ему следует тратить не более четырех су. За эти деньги по утрам можно съесть свежее яйцо и хрустящий хлебец стоимостью в су. Во время обеда брал мясное за шесть су и за три — порцию овощей и десерт. Он не мог позволить себе снять приличную квартиру и обходился одной комнатой, которая служила ему и гостиной, и кабинетом, и спальней. Из обстановки здесь имелось только самое необходимое.

Чтобы как-то поправить свой бюджет, стал подрабатывать частными уроками.

В Париже в эти годы существовала целая армия учителей, и учили они всему: персидскому и итальянскому, древнееврейскому и английскому языкам, музыке, танцам и правилам хорошего тона. С утра до ночи они перемещались из одного дома в другой, нередко сталкиваясь друг с другом в богатых передних. Один рассказывал ученику о персидском царе Кире или Геродоте, другой расставлял шахматы на доске, а в это время на лестнице восторженный учитель музыки, дожидаясь своего череда, настраивал скрипку. Учителя-то знают, что богатый лоботряс ничему не научится, в лучшем случае лишь запомнит название наук. «Он судит обо всем, — по словам Бомарше, — и вкривь и вкось и рукоплещет там, где не следует, однако ж деньги выпрямляют кривизну его суждений».

Существовала и другая категория учеников — эти хотели знать побольше и выучиться всему поскорее. Фурье находил, что с ними заниматься интереснее, и через год подготовил к изданию брошюру, в которой предлагал свой способ, «как за небольшое число уроков изучить географию, статистику и политику». Это методическое пособие

начинающего педагога было опубликовано в 1824 году. Частные уроки поддерживали скудную жизнь философа.

Одновременно он прилагал массу сил и энергии к тому, чтобы на «Трактат об ассоциации» наконец обратили внимание. Посылал экземпляры ученым и литераторам, журналистам и политическим деятелям. Даже реакционному министру графу Виллелю подарил книгу. Но не наивно ли было полагать, что этот крупный землевладелец и бывший эмигрант, ярый приверженец Бурбонов, который, придя к власти, закрыл несколько факультетов Парижского университета и ввел ограничения в печати, захочет изменения существующего строя?

Целыми днями Фурье составлял препроводительные письма к «Трактату».

Он обращает внимание на сторонников уничтожения колониального рабства. Суть борцов против работорговли заключалась в том, что колониальные страны (Испания и Португалия) извлекали огромнейшие прибыли из эксплуатации черных невольников в Латинской Америке. Франция, лишенная колоний, такой прибыли не имела, а чтобы отобрать свои бывшие колонии, она боролась под флагом «освобождения рабов». Поэтому-то реакционный министр иностранных дел граф Виллель в то время выступал с такого рода «освободительными» речами.

После выступления в палате депутатов морского министра о колониальном рабстве Фурье составил подробнейший план ликвидации рабства с помощью фаланги. Одному из братьев Ротшильдов он предлагает устроить пробную фалангу, обещая ему за это — ни много ни мало — восстановление израильского государства.

В записке географическому обществу утверждает, что только с помощью ассоциации можно изменить нравы дикарей.

По одному экземпляру «Трактата об ассоциации» послал обществу христианской морали и американскому консулу в Париже, уверяя его, что и Соединенным Штатам опытные фаланги принесут немалую выгоду. При этом просил консула дать ему адреса видных американцев, проживающих в Париже, чтобы он и их смог ознакомить со своей книгой.

Составил целую картотеку «кандидатов» и уйму времени потратил на розыски их адресов.

Мюирону в эти дни пишет, что «если это ничему и не послужит, то, во всяком случае, и не повредит».

Книги Фурье по-прежнему не покупались, а полученные ответы были формальными отписками, не более того. Американский консул вернул книгу с пометками на полях, в которых недоумевал: в здравом ли уме ее автор? О списке «видных американцев» после этого не могло быть даже и речи.

А вот пресса на этот раз не поскупилась вниманием. В целом ряде рецензий отметили оригинальность идей книги. Автор одной статьи признавал как достоинство критическую сторону работы Фурье, но в то же время отмечал, что план преобразований неясен, и сетовал на некоторые странности и сложности языка...

Другой автор охарактеризовал «Трактат об ассоциации» как «одну из самых своеобразных, самых новых, самых плодотворных, самых причудливых, самых широких систем, какую философскому уму угодно было создать на основах воображения».

Интересным был отзыв натуралиста де Ферюссака, который после сетований на сложность литературного изложения и небрежного типографского оформления книги признавал, что основная идея произведения интересна и, вероятно, общество в будущем пойдет именно по такому пути развития, поэтому сочинения Фурье нужно переделать и подать читателю в доступной форме.

Вдохновленный этими отзывами, Фурье старается как можно шире распространить среди публики свое «открытие». Если ему случалось быть приглашенным в какой-либо дом, он всегда приносил с собой небольшую брошюрку, своего рода автореферат «Трактата об ассоциации», и с удовольствием выступал с пояснениями, даже с докладами.

Зная, что парижане и шагу не ступят, пока не убедят их в необходимости того или иного действия, Фурье подготовил автореферат к печати. Но ни одна газета и ни один журнал не рискнули его представить читателю. Написанные им ответы на рецензии также не печатались. Фурье перевел автореферат на английский язык и разослал его издателям как статью, написаную неким английским автором. Но и эта хитрость не прошла.

Несмотря на то, что желающих принять участие в создании опытного фаланстера все никак не появлялось, Фурье был по-прежнему убежден, что вот-вот

наступит время, когда его система получит всеобщее признание.

Еще в «Теории четырех движений» он настойчиво призывал французов готовиться к этому переходу, всеми мерами приближать его. В частности, он советовал не возводить новых зданий традиционной архитектуры, ибо строения «цивилизованных» совершенно непригодны для жизни гармонийцев. «Приобретайте богатства в движимости, в золоте, в серебре, в драгоценных камнях, так как их ценность еще возрастет. Покупая земли, выбирайте леса в горной местности и карьеры; не основывайте предприятия вдали от родины; родина детей — они в комбинированном строе будут представлять большую ценность. Избегайте любого брачного союза, который вам в тягость. Не верьте всем нападкам на мой проспект».

Сейчас Фурье как никогда уверен, что потребуется всего лишь 4—5 месяцев и только одна квадратная миля земли, и предстоящим летом опыт будет завершен...

Снова подсчеты... Если первый опыт предпринять в 1822 году, то через год он будет окончен, а в 1824 году строй Гармонии может наступить во всех цивилизованных странах... В 1825 году к Гармонии присоединятся варвары и дикие, а в 1826-м будет устроена «сферическая иерархия».

Таким образом, на осуществление его «открытия» потребуется всего пять лет!.. Всеобщее счастье так близко, а его соотечественники столь беспечны. Свое непризнание Фурье относит только за счет крайнего легкомыслия французов, которые, по его мнению, являются той нацией, которая никогда не вникает в суть дела...

В очередном письме Мюирону он жалуется:

«Парижане сейчас заняты странной и бесполезной работой, которую следовало бы употребить на социальные нужды. Они строят городок на 300 домов в долине Гренель для военной школы. Архитекторы дали акционерам обед на 40 тыс. франков. Я, когда буду делать свое описание, не премину его отправить архитектору В., ловкому в организации подписок и кампаний. Несомненно, если бы в Гренеле построить сооружение для фаланги, с садами, птичьими и скотными дворами, то можно было бы сэкономить в 4 раза...»

Зима 1823 года стояла мягкая: не было ни морозов, ни снегопадов. Рождественский сочельник парижанами праздновался пышно. Казалось, люди забыли о своих тяготах. В один из таких дней Фурье наблюдал шумное застолье в кафе на Монмартре. Громко споря о политике с группой художников, сидел кабатчик, а его проворная жена готовила на ярко пылавшей печи праздничный ужин. Приходившие художники подсаживались к общему столу, и было видно, что перед рождеством многие из них смогли продать свои работы.

Фурье любил этих людей, искренне преданных своему искусству. Здесь, на склонах знаменитого Монмартра, обитали преимущественно живописцы. Отдавали они предпочтение и району Латинского квартала. Париж в те годы художники как бы поделили на сферы влияния по жанрам своего искусства. Миниатюристы (они писали зажиточных клиентов) жили в центре города, а скульпторы на окраине. Почти каждый парижский квартал имел своих художников. В большинстве своем это были выходцы из бедных слоев населения, и редко кому из них удавалось в конце концов выбиться из нужды. В архивах до сих пор сохранились их настойчивые и бесплодные прошения о работе. Видимо, после одного из таких вечеров, проведенных в компании живописцев, Фурье с грустью записал: «Художники в современном обществе лишены свободы творчества. Они вынуждены продавать свой талант. Многие из них гибнут, задушенные бедностью».

РОБЕРТ ОУЭН

Французские газеты и журналы в начале 20-х годов все чаще стали помещать сообщения об опытах английского мыслителя и реформатора Роберта Оуэна. Первые переводы его сочинений появились во Франции еще в 1818 году, и Фурье уже тогда заинтересовался его системой всестороннего воспитания ребенка в коллективе.

Неизвестный автор «Отчета о посещении Нью-Лэнарка» в «Дублинской газете» в августе 1822 года так писал о системе воспитания Оуэна: «Когда мы подходили к школе, малыши, собранные на площадке, играли на солнце. Целыми стаями побежали они к нам навстречу, чтобы приветствовать своего благодетеля, протягивая ему свои ручонки. Те, которые еще не умели ходить, ковыляли,

держась за стенку дома. Я никогда не видел более интересного зрелища».

Фурье познакомился с подробным описанием опыта Оуэна и для себя сделал пометку: а что, если создать детский фаланстер? К этой мысли возвращался он не раз, но только через двенадцать лет подробно разработал соответствующий проект.

Опыт Оуэна был сенсацией не только в Англии. Сын деревенского шорника и торговца железными изделиями, мальчик в мануфактурной лавке, в 18 лет совладелец небольшой мастерской, а в 20 — директор прядильни в Манчестере, Роберт Оуэн еще в 1800 году, став во главе фабрики, начал свой опыт в Нью-Лэнарке (Шотландия). Увлекаясь идеями Гельвеция, Руссо, Морелли, Локка и Гоббса, под влиянием просветительства он приходит к мысли, что нельзя ставить в упрек человеку его невежество и другие пороки, поскольку человек — продукт среды и его недостатки — следствие пороков существующего общества. Свою формулу «среда — характер» Оуэн называет единственным открытием, которое спасет человечество. Воспитание детей он рассматривает как одну из важнейших задач переустройства общества.

Не раз участвуя в комиссиях по обследованию положения труда детей, Оуэн описывал вопиющие картины детского труда на фабриках Англии и Шотландии. По закону, подготовленному им, на английские фабрики стали принимать детей только с 10 лет.

В основу своей системы он положил соединение воспитания и обучения с физическим трудом, определив участие детей в сельскохозяйственном и индустриальном труде как непременное условие их всестороннего развития. Новым было в то время его предложение ввести обязательное обучение и воспитание всех детей, даже из рабочих семей.

Осуществляя свой эксперимент сначала в Манчестере, затем в Нью-Лэнарке, Оуэн сократил рабочий день, повысил заработную плату, улучшил жилищные условия, организовал систему воспитательных и образовательных заведений не только для детей, но и для взрослых. Результаты не замедлили сказаться.

Поселок с населением в 2,5 тысячи человек, средоточие всех пороков, превратился в дружное общество. Полиция и все меры принуждения были здесь устранены. Но, став кумиром «долины чудес», Оуэн не был вполне

удовлетворен своей деятельностью. Он понимал, что и при такой организации рабочие все же остаются рабами, а создание Нью-Лэнарка по сути своей обыкновенная благотворительность.

Кризис 1815—1817 годов заставил его по-новому взглянуть на положение рабочего класса Англии. Оуэн начинает критически относиться ко всему капиталистическому способу производства.

Составляя докладную записку парламентскому комитету по борьбе с безработицей, он выдвинул план организации трудовых коммун. Оуэн предлагает создать поселки «общности», где не будет частной собственности, буржуазной семьи и религии с ее догмами. В этих поселках без капиталистов, духовенства и буржуазных властей рабочие заживут счастливо. Со своим обоснованием утопического коммунизма Оуэн выступает на страницах газеты «Таймс», его пламенные речи на митингах собирают большое число слушателей.

Через 30 лет, оценивая поворотный момент своей деятельности от благотворительности к социальным преобразованиям, Оуэн сказал: «Это был величайший день в моей жизни, я исполнил свой долг!»

Оуэн мечтает, что в поселках-коммунах объединятся люди различных возрастов и профессий, их труд будет механизирован, они создадут общественные столовые и мастерские, ясли и детские сады, школы и университетские колледжи. Такие коммуны распространятся по всему земному шару и приведут общество ко всеобщему прогрессу.

В своей критике капиталистического строя Оуэн выделил причины противоречий между трудом и капиталом, но, хотя и не сумел раскрыть механизм присвоения прибавочного труда, сделал все же назревший вывод: нищета народов возникает только потому, что существуют деньги и присвоение чужого труда. Оуэн предлагает уничтожить деньги и ввести эквивалент трудовых затрат, который необходим при обмене. Нужно дать работающему долю его труда — «рабочие деньги», которые определяются в часах, затраченных на изготовление данной вещи. Принцип оплаты труда с помощью «рабочих денег» был в социальной системе Оуэна шагом назад в сторону уравнительства, но его идеи о строе общности, о новом человеке, об объединении людей для созидания, об уничтожении частной собственности были тогда передовыми.

Оуэн считал, что человечество не разрешит никаких своих проблем до тех пор, пока не будет установлено общественное владение имуществом. Но он оставался утопистом (что и сближало его с Фурье), так как надеялся, что новые общественные отношения наступят без классовой борьбы, мирным путем. Он ратовал за создание коммунистического общества без революционных потрясений, «без учета такого основного вопроса, как вопрос о классовой борьбе, о завоевании политической власти рабочим классом, о свержении господства эксплуататоров». Он надеялся «превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир)» *.

Оуэн безуспешно пытался убедить в полезности своих проектов то английский парламент, то королеву Викторию. Созданные по его плану коммунистические колонии в США («Новая Гармония») и Англии («Орбистон» и «Мизеруэлл») распались, не выдержав натиска капиталистической стихии.

В 20-е годы с популярностью Оуэна нельзя было не считаться. Со всех концов Европы приезжали в Нью-Лэнарк посмотреть на то, что им сделано.

Фурье признавал, что Роберт Оуэн — человек, «смыслящий по части социетарного механизма», и его планы общества будущего заслуживают внимания. Однако предлагаемые английским мыслителем пути перехода заставляли Фурье сомневаться во всей его системе. Фурье считал, что Оуэн в своих прозрениях не затронул основы основ — принципов ассоциации. А без знания этих принципов вся деятельность Оуэна свелась к созданию очередной секты. В конце концов, считал Фурье, Оуэн ввел людей в заблуждение и указал им ложный путь.

Фурье темпераментно выступает против основных положений системы Оуэна. Если убрать, как предлагает Оуэн, три порочные основы общества — религию, собственность и брак, — то что изменится от этого упразднения? Ничего. Если человек болен чумой или лихорадкой, то станет ли ему лучше, когда ему отрежут одну ногу, одну руку и одно ухо? Строй Цивилизации поражен гангреной... Разве ее другие части — торговля, финансы, суд, полиция,

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 375.

дипломатия и даже двор — не коснеют в пороках, как и те части, которые обрекает на упразднение господин Оуэн?

Существующее общество нужно очистить в целом, а предлагаемый Оуэном путь не может дать этого. По категорическому приговору Фурье, англичанин строит «социетарную химеру, всецело монастырский уклад, подпираемый некоторыми моральными диатрибами. Он думает, что разрешит все проблемы, а это обыкновенная филантропия, и в целом шарлатанские творения».

Фурье считает, что система распределения благ в обществе — целая математическая наука, и вот ее-то и не смог постичь Оуэн. Потому-то его опыт и потерпел неудачу. Не поняв принципов ассоциации, он при организации своих колоний объединял большое число семей (три тысячи человек), в то время как доказано, что успех возможен при объединении не более 1600 человек. Далее. Провозглашение Оуэном принципа равенства при создании ассоциаций равносильно яду. Нужно помнить, что режим ассоциации несовместим как с равенством денежных средств, так и трудовых усилий. Ассоциация возможна только при максимальном разнообразии контрастов между богатым и бедным, юношей и стариком.

Ошибка Оуэна, по мнению Фурье, состоит и в том, что он решил создавать ассоциации только на базе промышленного производства и не подумал о том, что фабричные работы должны обязательно сменяться сельскохозяйственными.

Вообще, считает Фурье, в планах Оуэна нет ничего нового. Его предложение об уничтожении священнической иерархии лишь отголосок революционной нетерпимости. Его догмат о свободной любви также не более как плагиат, заимствованный у различных племен, к числу которых относятся, между прочим, обитатели Непала, Таити и других подобных мест.

Позднее Фурье напишет, что современная философия после провала ее бредней о свободе и равенстве выдвигает новые софизмы, прикрываясь именем ассоциаций. Одна из них — секта оуэнистов, которая создает под наименованием ассоциации антисоциетарные объединения, поскольку при этом «отвергаются методы, из которых родились бы согласие страстей и трудовое притяжение».

Успех, а затем провал Оуэна, который, по словам Фурье, «завладел словом ассоциации, не беспокоясь о деле», привели к тому, что он «осквернил слово, ничего не

сделав для дела», и в конце концов нанес обществу большой вред, внушив «недоверие к идее ассоциации».

В «Новом промышленном мире», резко выступая против теории Роберта Оуэна, Фурье напишет, что это не что иное, как «причуды политического сорвиголовы, а не новые средства, однако этим бредням XIX век вот уже двадцать лет как отдал свое доверие». В качестве дополнения к первой части книги Фурье выделит целую главу — «Обман клеветников; секта Оуэна».

Однако, несмотря на критику основных положений теории Оуэна, в 1824 году Фурье сделал попытку впрямую связаться с оуэнистами. Узнав из газет о том, что Оуэн намерен создать колонию-ассоциацию в Мизеруэлле, он послал ему экземпляр «Трактата об ассоциации», выразив при этом надежду, что книга поможет направить опыт по правильному пути.

Оуэн французским языком не владел, поэтому ответ по его поручению написал его друг Филипп Скин; указав, что представления Фурье о взглядах Оуэна неточны, он изложил последние, прибегая при этом для большей доходчивости к фурьеристским терминам. 17 февраля 1824 года Фурье отправил Скину подробное письмо, в котором убеждал его, почему при создании ассоциации необходимо следовать его советам.

«Государи, — писал он, критикуя структуру оуэновской колонии, — смогут принять во внимание, что эти крупные объединения представляют выгоды. Вследствие этого они повелят ввести как общую систему учреждение большой фермы в каждом кантоне, чтобы сосредоточить массу бедняков... Они распространят этот режим на рабочих в городах, и тогда строй Цивилизации перейдет в свою четвертую фазу, в которой народ оказывается в коллективной крепостной зависимости от компаний промышленного феодалитета». Если же Оуэн последует его советам создания ассоциации, это приведет к гибели строя Цивилизации, а он, Оуэн, приобретет звание «социального мессии».

Ответа на это письмо Фурье не получил. Полемика фурьеристов с Оуэном будет продолжаться, но сближения двух утопистов не произойдет. Ничего не даст и их личная встреча в Париже через несколько лет, в 1837 году, устроенная усилиями сторонников объединения Оуэна и Фурье.

Впоследствии исследователи учений двух предшественников научного коммунизма подробно прокомментируют все положения, на которых сходились и расходились их взгляды. Это особая и богатая, но все-таки специальная тема. В биографии же Фурье нам хотелось выделить только предмет спора и дать оценку его отношения к другим, даже близким ему по духу, философским учениям.

СНОВА ЛИОН

Почта от Мюирона продолжала регулярно приходить и после переезда Фурье в Париж. В начале 1824 года он получил сообщение, что его последователь окончил работу над книжечкой «Краткое обозрение индустриальных методов». Это был своеобразный конспект теории учителя, в котором излагалась критика строя Цивилизации и была дана характеристика переходного периода гарантизма и — более подробно — строя Гармонии.

Последние письма от Мюирона тревожили, в них нет-нет да и встречались критические оценки отдельных положений Фурье. Беспокоило то, что Мюирон был уже не одинок в своем критицизме. Еще раньше его Габе в письмах учителю настойчиво советовал: «Трактат об ассоциации» должен быть изложен в более доступной и популярной форме, нужно убрать из него смесь «физики, морали, цифр, музыки, цветов, животных и т. д.», так как из-за этого произведения учителя не читают.

Избранная Шарлем Фурье форма изложения скорее отпугивала, чем привлекала, читателей. С этим нужно было, пожалуй, согласиться.

Шарль Жид, биограф и последователь великого утописта, писал впоследствии: «Вид этих огромных томов, без оглавления, без пометок страниц, это намеренное отсутствие всякого плана, которое он гордо именует «рассеянным порядком» и которое было бы правильно назвать «порядком несвязности», эти названия глав или отделов, стоящие под рубрикой «Прямого стержня», «Обратного стержня», «Интермедии», это «Введение», помещаемое в самом конце книги, эти страницы с доказательствами, которые обрываются или изменяются ни с того ни с сего и которые имеют такой вид, будто наборщик в беспорядке вывалил на них имевшийся у него под руками шрифт, эти «иксы» и «игреки», которые пляшут какой-то дикий танец и которые стоят то прямо, то косо, то кверху ногами, —

все это производит впечатление какой-то тарабарщины, черной и белой магии из весьма отдаленных сказочных времен».

В безансонском кружке особенно настаивали, чтобы Фурье отказался от космогонии, от своего учения о будущих творениях, поскольку эти его крайности отталкивали читателей от более существенной части «открытия».

В том же 1824 году Фурье получил письмо от Греа с настойчивым предложением изложить всю теорию ассоциации в сокращенном виде, в одном томе, и с обещанием помощи при издании. Греа, пользуясь тем, что книга будет издаваться на его деньги, ставил условие: предварительно до сдачи в печать он сам перечитает рукопись. Это уж попахивало цензурой, давлением учеников на учителя.

Понимая безвыходность своего положения, Фурье ответил: «Ваши письма заключают в себе советы, которые я уже взвесил заранее и которые мне нетрудно выполнить посредством сочиненьица, своею формою соответствующего вкусам публики и выполняющего все условия, предложенные Вами, господин Греа, и многими другими».

Да, Фурье понимал, эти «многие другие», от которых он ждал поддержки, «дружески советовали» писать сочиненьица на публику, подражать стилю тех или иных известных писателей и публицистов...

Мюирону написал, что согласен на новое изложение своей теории, где не будет никаких посторонних экскурсов, хотя и очень сожалеет, что ему придется отказаться от критики «состояния наук».

Не без иронии отметил для себя, что нужно взять за правило в работе: «избегать всяких побочных отступлений, всяких сопоставлений с заблуждениями науки, всяких экскурсов в сторону от главной задачи. Следовать общепринятому методу и не употреблять ни одного слова, не одобренного академией, ни одного малоупотребительного оборота. Щадить философию (философов) и предоставить ей (им) известную часть пирога. И наконец, сделать мое сочинение и главную суть учения доступным для понимания женщин 20 лет и школьников 12...»

Возвращение в Лион было вызвано выгодным предложением занять место кассира в торговом доме. Фурье поселился невдалеке от центральной площади Терро. Новая работа обещала возможность не прибегать к частным урокам, да и жизнь в Лионе была значительно дешевле, чем в Париже.

Мюирону в день приезда в Лион написал:

«Лион, 1 апреля 1825 г. (святая пятница).

Сегодня прибыл в этот город. Накануне отъезда из Парижа я встретил Смита, который получил сообщение о предприятии Оуэна, авторитет которого у жителей велик, но каждая из его попыток докажет, что нельзя ничего добиться, не привлекая серии. К тому же если мой сокращенный «Проект» появится вовремя, то, весьма возможно, новое общество в Лондоне примет этот метод. Я знаю, что некто Томпсон перевел на английский язык советы об устройстве ассоциации. Этим заинтересовалась группа людей. Они хотели создать такое общество и привлечь меня для руководства.

Все свободное время, по утрам до 9 часов, пишу о притяжении. После пасхи начну мои коммерческие дела».

Следующее письмо Мюирону отправил спустя две с половиной недели.

«19 апреля 1825 г.

После пасхи занялся коммерческими делами. Место кассира на 1200 франков оказалось временным, поэтому спустя неделю устроился маклером. Снова поездки в Марсель, Тарат... Задержка в Париже и устройство не давали возможности заняться главной моей работой».

Вскоре Фурье получил письмо от Греа: тот приглашал приехать в деревню, в его небольшое поместье Роталье, обещая создать метру все условия для работы над книгой. Фурье ответил не сразу, так как не решался принять приглашение. Не хотелось стеснять Греа: у того была еще и молодая жена. Да и боялся оставить новое место работы. Переписка продолжалась полгода. Греа настойчиво советовал взять отпуск, объяснить хозяину, что необходимо окончить литературный труд...

В очередном письме Фурье оправдывается:

«Вы, кроме того, не знаете, что в торговом деле себя дискредитируешь, ставишь в смешное положение, если производишь впечатление человека, пишущего книгу...»

Но все же осенью 1825 года Фурье проводит шесть недель в Роталье, где природа, внимание и заботы семьи Греа дают ему возможность отлично отдохнуть и поработать. Однако вопреки желаниям ученика он не выполнил его условия — не представил «на цензуру» рукопись новой книги, а показал лишь наброски плана, оставив Греа недовольным.

Он хочет назвать свою очередную книгу «Новый промышленный и общественный мир».

10 февраля 1826 года срочно выехал из Лиона в Париж. Собирался недолго — угром был в знакомой конторе дилижансов.

Сколько раз приходилось ему отсюда уезжать! В дорожном кафе можно до отхода экипажа осушить бокал бургундского. Кондуктор проверил, все ли на месте, и дилижанс по звонку отправляется в путь.

Дорога из Лиона в Париж ему знакома, кажется, не хуже, чем морщинки на собственных ладонях. Нужно запастись терпением: в Париж прибудут лишь на девятые сутки — в пути предусмотрены длительные остановки для отдыха. В дилижансе старался занять укромное место, чтобы не быть втянутым в пустые разговоры. Восемь суток наблюдений и раздумий, по зимним дорогам Франции, которые в это время превращались в настоящее море грязи.

«Как убедишь французов, — размышлял Фурье, — что при строе Гармонии даже дороги будут в исключительном порядке? Они будут тенисты, обсажены цветами и деревьями и рассчитаны для различного рода передвижения: панели для грузовых повозок, панели для легковых экипажей, панели для лошадей и зебр...»

Дела торгового дома задержали его в столице до конца месяца. К счастью, он захватил с собой рукопись и смог здесь поработать, хотя, как ни старался, свободного от торговых дел времени оставалось совсем мало.

Однажды узнал о вакансии служащего в одной из американских фирм. Предложение было заманчивым, хотя первое время будут платить 1000 франков в год, но потом обещали 1500. Мысль навсегда переехать в Париж снова захватила его: денежные дела в Лионе поправились, но там ему катастрофически не хватало информации. Притом он был по-прежнему уверен, что «кандидата» можно найти только в Париже. Да и новую книгу издать здесь будет легче. Но до конца февраля, связанный обязательствами с лионским торговым домом, Фурье никаких решений не принимал.

В письме Мюирону из Парижа от 18 февраля 1826 года сетовал:

«Надеюсь работу окончить не в марте, а в ап-

реле, так как писать приходится только по утрам и то до 9 часов».

В эти месяцы он занимается составлением проекта строительства артиллерийской школы в Безансоне. Предложение местных властей увлекло его. В одном из писем Мюирону он разъясняет, что не следует повторять прежних ошибок безансонцев относительно застройки города, нужно точно рассчитать, где что лучше всего построить. Он предлагает возвести казармы этой школы на месте ботанического сада, так как там больше земли. Определяет, где построить манеж и лазарет и каких размеров, где амбары для фуража и удобрений.

В очередном письме Мюирону сообщил, что «планы им уже подготовлены, но он их задержал, так как не располагал оказией, чтобы отправить без расходов...». От времени выполнения проекта сохранилась объемистая переписка. В одном из писем Фурье просит Мюирона: «...я позабыл дать точные расчеты улицы Нёв и улицы Траверз. Мои 6 шагов не могут заполнить 30 футов. То же самое на улице Перрон. Я проверил своды Пале-Рояля, которые составляют 9 футов и 10 дюймов...»

В нескольких посланиях он просит Мюирона измерить точно в шагах расстояние от улицы Нёв до Кордегардии, от правого дерева большой аллеи Шамер до стены Госпиталя. Ему требуется точность даже в числе линий посаженных там деревьев на восток от большой аллеи.

«5 апреля 1826 г.

Вы удивляетесь, что я ничего не говорю о нашем большом деле? Это не оттого, что мой труд не подвигался вперед: теперь я на тридцатой главе из всех 36, но мне придется работать в том доме, куда я поступлю 1 мая, с 10 часов утра до 5 дня, за что я, может быть, и получать буду в самый первый год 1200 франков...»

С переходом в новую торговую контору мало что изменилось в его жизненном укладе. Успевал сделать кое-что для новой книги только за счет того, что вставал рано. Писал много, размеренно, с точностью машины.

В дневнике сохранилась запись: «Сегодня я написал 20 страниц моей книги». Вскоре сообщил Мюирону:

«Мне осталось 5 глав, чтобы дать анализ строя Цивилизации...»

А 12 июня 1826 года писал ему же:

«Я много работал в эти дни, но не для себя. Наконец, начиная с сегодняшнего дня, я могу привести в порядок

таблицу развития Цивилизации. Я хочу в последних главах дать анализ более развернутый, чем в «Трактате об ассоциации».

Он мог не спать несколько ночей подряд, обдумывая какой-либо вопрос, касающийся его возлюбленных гармонийцев. Большую статью мог написать за один вечер. Неважно, что статья скорее всего не будет напечатана.

Он постоянно погружен в свои мысли и потому страшно рассеян. Пишет Мюирону, что в один из дней двадцать раз возвращался домой за забытыми платком или бумагой.

Утром и вечером у него обязательные прогулки. Можно пойти направо от площади Согласия, чтобы оказаться в велени Елисейских полей, понаблюдать, как любители новостей обсуждают политические проблемы. Они устраивают или переустраивают государства, обсуждают финансовые возможности государей, перебрасывают армии с севера на юг. Каждый уверен в правильности только его истины. От Люксембургского дворца идут две прекрасные улицы — Пале-Рояль и Тюильри, а возле Тюильрийского дворца Фурье ежедневно наблюдает смену караула.

О галерее с колоннадой Луврского дворца Фурье в «Новом мире» напишет, что при строительстве фаланстера она должна послужить образцом улицы-галереи. Пол ее будет обогреваться, чтобы в зимние времена можно было, не одеваясь, переходить из здания в здание.

Вечером, когда Париж сияет огнями, когда отработавший люд высыпает на улицы, возвращался из своей конторы и Фурье. Кажется, что в городе нет дома, где первый этаж не был бы предназначен для ресторанов или магазинов. Это центр столицы, город банков и бирж, ресторанов, театров и винных погребков.

Однако его прогулки в рабочие кварталы Сен-Дени и Сен-Мартен открывали совершенно другие картины. Множество чрезвычайно узких и грязных улиц, дворы-колодцы, куда никогда не проникают солнечные лучи. Обиталища полуголодного трудового люда и не по возрасту сморщенные лица детей, обреченных зачастую на преждевременную смерть.

После одной из прогулок он запишет, что в таких больших городах, как Париж, и даже в меньших, как Лион или Руан, дети являются жертвами антисанитарных условий: их умирает там в 8 раз больше, чем в здоровых деревенских условиях. Циркуляция воздуха преграждается узкими дворами, и смерть уносит семь детей из восьми, а

между тем в деревнях Нормандии умирает из восьми один ребенок...

Первые два месяца 1827 года были для Фурье предельно напряженными. В магазине — наплыв товаров, никак не выкроить свободной минутки. Работа над «Новым миром» продвигалась медленно еще и потому, что пришлось изменить план пяти глав. Приступив к редактированию, он находит много ошибок и фактов, которые требовали уточнения. Несколько раз почти заново переделывал предисловие.

В «Новом промышленном мире» в отличие от предыдущих книг Фурье особенно ярко отразит состояние Франции середины 20-х годов. В процессе писания он осмысляет самые свежие события политического и экономического характера. А они следуют одно за другим как никогда густо.

Одним из тяжелых последствий экономического строя Цивилизации он считает промышленное производство, существующее без определенного плана, без согласования с общественным потреблением. Было очевидно, что в стране производится количество продуктов без всякой гарантии для производителя. Труженики получают долю за свой труд, и в результате в тех странах, где больше производится товаров, больше нищих и нуждающихся, чем в странах, где производство находится на первоначальной ступени. Составленная Фурье таблица показала, что по мере увеличения национальных богатств доля бедных отнюдь не увеличивается пропорционально накоплению и что это накопление идет только в пользу богатых классов.

Незримая логика фактов помогала делать выводы. Банкротства и скопление товаров на рынках оказались следствием чрезмерного наплыва товаров. К этому присоединилось то, что скупщики и спекулянты, которых почему-то экономисты называют чуть ли не гениями, на самом деле болтуны, авантюристы и преступники. Они сговариваются со своими агентами, придерживают у себя запасы товаров, тем самым приводят к их дороговизне.

Например, недавно скупщики хлопчатой бумаги Нью-Йорка, Филадельфии, Балтиморы договорились о ценах со своими агентами в Ливерпуле, Лондоне, Париже, Гавре, но когда в Египте урожай оказался чрезмерно обильным и цены упали, то американские и европейские хищники

стали задыхаться от изобилия продуктов. Настал кризис от изобилия. Последовал ряд банкротств. В то же время газеты проходили мимо истинных причин такого положения вещей.

В 1825—1826 годах первый крупный циклический экономический кризис привел к полному расстройству торговли и промышленности страны.

Фурье отметил, что «политическая экономия была сбита с толку кризисом от избытка 1826 года». Важность такого определения кризиса впоследствии оценит Маркс: «Характер этих кризисов выражен до такой степени ярко, что Фурье уловил суть всех этих кризисов, назвав первый из них... кризисом от изобилия» *.

Дублинские журналы за 1826 год писали: «В народе свирепствуют эпидемии; больные, которых привозят в больницы, выздоравливают после того, как им дают поесть». По этому поводу Фурье заметит: «Голод — вот их болезнь, раз больному стоит поесть, чтобы выздороветь. Не думайте, что болезнью этой заражаются богатые: лорд-мэр и архиепископ Дублина заболеют не от голода, а скорее от несварения желудка».

Сделал выписку из выступления 28 февраля 1826 года в английской палате общин министра торговли М. Хёскиссона:

«Наши шелковые фабрики занимают тысячи детей, которых держат там с 3 часов утра до 10 часов вечера. Сколько они получают в неделю? 1,5 шиллинга, 37 французских су, то есть приблизительно 1,5 су в день за работу 19 часов под наблюдением инспекторов, подгоняющих плетью каждого ребенка, вздумавшего на мгновение перестать работать».

В мартовской газете 1827 года нашел горестное, как стон обреченных, письмо Бирмингемского союза ремесленников-мастеров: «При всей скромности в образе жизни эти рабочие не могут спастись от нищеты, не могут избавиться от лохмотьев и буквально умирают от голода в стране, где имеется избыток продуктов питания». И это Англия — страна, которую почти все нации взяли как образец для подражания, страна, которая гордится богатством своего населения.

Воистину, воскликнет Фурье, «сколько богатства в книгах и сколько бедных в хижинах!».

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 219.

В Лондоне, по его сведениям, 222 тысячи бедных, Франция идет к тому же: в Париже известно о 86 тысячах бедных, а сколько неизвестных?.. «В Пикардии, между Амьеном, Камбре и Сен-Кантеном крестьяне в своих землянках не имеют постелей: они делают некое подобие из сухих листьев, которые в продолжение зимы превращаются в навоз, наполненный червями, так что при пробуждении отцы и дети вытаскивают их друг у друга из тела. Пища в этих хижинах соответствует мебели. Такова счастливая участь прекрасной Франции».

На это индустриалисты отвечают, что нужно распространить образование, народное обучение. Зачем оно несчастным, которые не имеют куска хлеба? Оно возбудит народ к мятежу. И уже есть тому новейшие примеры.

Фурье был свидетелем, как «безансонское хозяйствование» привело к безработице и волне забастовок. На прядильной мануфактуре в Ульме (близ Руана) забастовка 800 рабочих вылилась в сражение с жандармерией, в помощь которой был двинут батальон королевской гвардии. Весть о казни одного из руководителей — рабочего Рустеля — бурно обсуждали в Париже.

В ноябре 1827 года рабочие кварталы Сен-Дени и Сен-Мартен покрылись баррикадами.

12 февраля 1828 года, после двух лет напряженного труда, Фурье окончил «Новый промышленный и общественный мир». Попытки издать книгу в Париже оказались безрезультатными.

Оно и неудивительно. Издателям нужны громкие имена. Вот если бы Шатобриан стал доказывать, что дважды два пять, то все напечатали бы с радостью. Этот популярный писатель и публицист, выходец из старого дворянства, идеолог дворянско-монархической реакции, оказывал огромное влияние на современников. Его романы идеализировали нравы людей, дышали ненавистью к революционным переворотам, ко всему новому.

В это время из Безансона пришло письмо с приглашением приехать и привезти рукопись: его друзья попытаются издать ее. Ведь был же издан в Безансоне «Трактат об ассоциации». Фурье представлял, как будут недовольны члены безансонского кружка, вновь встретив в рукописи и критику строя Цивилизации, и пресловутый «стиль изобретателя». Но он намеренно не стал поправлять.

В Безансоне по-прежнему собрались в гостиной у Клариссы Вигурэ.

В центре внимания, конечно, он. Ему уже 56 лет. Он полон сил. Большой красивый лоб, орлиный нос, тонкие, обычно сжатые губы, на лице постоянное выражение серьезности и даже некоторой горечи. Собеседников поражал глубокий и пронизывающий взгляд его больших голубых глаз. Когда он выступал против своих врагов, эти глаза становились суровыми. Никогда не видели, чтобы он смеялся или улыбался. Со стороны казалось: он постоянно витает где-то.

На первый взгляд и в особенности для того, кто видел его впервые, это был добряк — и только. Но будучи вовлечен в спор, этот добряк преображался на глазах. Он становился волевым, значительным. Его высокий спокойный лоб казался величественным благодаря обрамлявшим его сединам и запечатлевшейся на нем глубокой думе. Каждый понимал, что перед ним одна из тех сильных натур, общение с которой не только честь, но и труд.

Журналист Андрэ Дебрэ оставил интересное описание Фурье тех лет: «Он был небольшого роста, худощавый, со лбом Сократа; все его необыкновенные способности ума и сердца выражались в чертах его лица. И в безукоризненном контуре головы... В его глазах, где постоянно блестел какой-то решительный, глубоко интеллигентный огонек, где отчаяние непризнанного философа просвечивало сквозь постоянные размышления экономиста, можно было прочесть столько горя, столько настойчивости, столько благородства, что еще прежде, чем узнаешь его ближе, уже нисколько не сомневаешься в его гениальности».

Шарль Пелларэн о его манере говорить вспоминает: «Фурье не обладал блестящим красноречием, но его выражения бывали всегда правильны, точны и энергичны. Ничего придуманного, торжественного, ничего ораторского не было в его приемах; но простота его речи, этот тон добродушия, так поражавший контрастом с величием самой идеи, уверенность, с которой он говорил о результатах своей системы, производили впечатление даже на умы наиболее скептические».

Глава VIII

«НОВЫЙ ПРОМЫШЛЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ МИР»

«Дело здесь не в людях, налицо какой-то переворот, причину которого мы не можем постигнуть».

Эту фразу Жан-Жака Руссо Фурье взял эпиграфом к «Новому миру». Книга стала своеобразным ответом Руссо: автор уверен, что именно он, постигнув причины порочности строя Цивилизации, знает пути выхода из него. Только нужно убедить человечество, что именно эти «двадцать четыре зла», подробно рассмотренные в книге, ведут общество к крушению. Двадцать четыре зла... Снова перечень грехов строя Цивилизации...

Политическая централизация превратила столицу в омут, который поглощает богатства страны... Сельское хозяйство в запустении, рушатся устои частной собственности, а сильные мира сего вовлеклись в спекуляцию... Государственная казна, обирая народ, подрывает благосостояние страны. Существующий разврат в судебных учреждениях сделал суд недосягаемым для бедняка... Буква закона становится мертвой для вора-поставщика, укравшего миллионы, его просто объявят мошенником, а бедняка, похитившего кочан капусты, могут присудить к смерти... Невежество политиков вызывает постоянное недовольство населения, приводит общество к расколу, грозит гражданской войной... Все примирились с политическим бесстыдством строя Цивилизации, «когда христианские государства, вступая в соглашения с мусульманами и пиратами, покровительствуют торговле неграми...». Дух спекуляции, неурядицы в области промышленности приводят к кризисам... Положение земледельца неблаговидно: он вынужден продавать урожай за бесценок немедленно после жатвы, чтобы уплатить долги, и находится поэтому в постоянной зависимости от капиталиста... Борьба с торговлей белыми наложницами ведется путем нелепой дипломатической переписки... В обществе укоренились «нравы Тиберия», развился сыск, участились тайные доносы,

налицо и падение нравов... Дворянство, мечтая об уничтожении промышленности, стремится восстановить прежнее варварство... Разрушительные войны становятся беспощадными, и варварские обычаи распространяются все сильнее и сильнее...

Так одно за одним мрачной чередой проходят перед читателем лики торжествующего в мире зла. Последним, двадцать четвертым, злом Фурье называет чуму, объединяя в этом слове четыре неизлечимые тогда болезни (чума, лихорадка, тиф и холера), которые нависли над человечеством.

И в заключение: этот «утомленный век, фабрикуя в изобилии конституции и различные политические системы, напоминает белку, прыгающую в своем колесе и ни на палец не продвигающуюся вперед».

Заботы по изданию новой книги снова взяли на себя ученики. Мюирон с удовлетворением отметил, что рукопись своей последовательностью и стройностью изложения в корне отличается от предыдущих. Особую ценность в ней представляют советы по организации фаланстера и устройству общества Гармонии.

Интересно, что корректором при издании «Нового мира» был Прудон.

Девятнадцатилетним юношей из-за недостатка материальных средств он оставил безансонский коллеж и поступил рабочим в типографию Готье, которая в то время издавала по преимуществу книги теологического характера. Молодому наборщику, не по годам начитанному, случалось не раз заниматься правкой текстов.

Прудон обратил внимание на необычность суждений автора «Нового промышленного мира». Особенно поразил призыв Фурье: мало критиковать пороки существующего строя, нужно выбраться из этой «пучины бедствий». Автор перечислял «32 выхода». А как смело обличал он философов, которые за три тысячелетия «не сумели изобрести никакого нового установления производственно-политического или общественного характера»! Было необычным и утверждение, что семья — «самый разорительный союз», что «истинный идеал человека — механизм страстей».

Отдельные места книги Прудон стал читать вслух рабочим типографии: «Бедная Цивилизация делает гигант-

ские усилия из-за пустяков, посылка сухопутных армий и военных флотов для освобождения десятой части Греции, революции и убийства ради опытов освобождения негров, бесплодные попытки помощи бедным. Все эти труды пигмеев должны прекратиться: человеческий род весь целиком будет освобожден и получит помощь; он всюду перейдет к притягательной промышленности, как только познает на опыте одного кантона, какое обилие богатств и добродетелей она сулит...»

Чтение корректур заставило слушателей задуматься. Пьер-Жозеф Прудон, впоследствии идеолог мелкой буржуазии, по словам К. Маркса, создатель системы «буржуазного социализма» *, какое-то время находился под влиянием идей Фурье. Критика строя Цивилизации, существующей политической борьбы, свободной конкуренции и порождаемых ею монополий впоследствии своеобразно преломится в анархистских построениях Прудона. Он, как и Фурье, будет надеяться приобщить правительство к своим планам и с его помощью приступить к коренной реформе экономического строя.

Однако от юношеского восторженного преклонения перед идеями Фурье у Прудона не останется и следа. Через много лет после первого знакомства с фурьеризмом в типографии Готье он напишет:

«Это самая крупная мистификация нашего столетия. Невзирая на огромное количество работ, вышедших из-под пера этого умопомрачителя, я утверждаю, что нет ни теории, ни науки, ни системы Фурье. Я приглашаю Консидерана и всю его школу процитировать мне хоть три положения этой столь восхваляемой науки, которые находились бы в логической связи между собой».

ЧЕЛОВЕК В ОБЩЕСТВЕ БУДУЩЕГО

Развивая в «Новом мире» теорию переустройства общества, создавая план строя Гармонии, Фурье снова возвращается к проблеме человеческого бытия. Человек и природа, человек и вселенная, человек и общество, человек и прогресс, человек и труд, человек и счастье — таковы основные направления его творческой мысли.

Фурье видел, что проблема личности занимала просвещенные умы всех эпох, и каждая из них рождала свой

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 454.

идеал совершенного человека. Платон и Аристотель, Фукидид и Ксенофонт воспевали человека, внешне и внутренне красивого. О сочетании умственного и нравственного развития мечтали идеологи европейского гуманизма. Просветители XVIII века выдвинули учение, согласно которому в пороках человека повинно порочное общество. Но мыслители всех эпох, считает Фурье, придавали развитию человека одностороннее направление: они предлагали развивать либо умственную и нравственную, либо физическую сферу его жизни. При строе Цивилизации такая односторонность проявлялась с особой силой. До предела обострились противоречия между обществом и личностью, а разделение труда, узкая специализация лишили человека возможности гармонического развития. Разрушительное влияние строя Цивилизации на личность ведет к духовному обеднению человечества, к снижению его интеллектуального и морального уровня. Особенно губительно действует существующий порядок вещей на таланты. Они совершенно не получают возможности развиваться. Фурье уверен, что строй ассоциации, новые общественные отношения будут основаны на величайшем внимании к личности, в которой гармонически сочетаются физические, умственные, эстетические и нравственные качества.

Каким же будет человек в обществе будущего? — спрашивает Фурье. Прежде всего он будет счастлив. И он будет счастлив только в том случае, если будут удовлетворены все его материальные и духовные потребности. Фурье говорит, что у забитого, обездоленного человека не может быть каких-либо возвышенных моральных и умственных интересов, кроме желания достать кусок хлеба себе и своим детям.

«В Риме во времена Варрона существовало 278 различных мнений относительно того, что такое истинное счастье. Положение этого вопроса не изменилось к лучшему до настоящего времени. Одни приветствуют презрение к богатству и любовь к удовольствию, которое можно вкусить под сенью хижины, другие возбуждают у бедных бешеную зависть к богатым, моралисты защищают возвышенную истину, экономисты — торговлю, обман. Попытаемся разобраться в этом вавилонском столпотворении философов. Бог дал нам 12 страстей, и мы не можем быть счастливы, не получая полного и гармонического их удовлетворения...»

Фурье считает, что всестороннее развитие возможно

только тогда, когда новое общество удовлетворит первую и основную потребность человека — его право на труд. Труд человека в обществе «цивилизованных» превратился в проклятие, потому что он основан не на свободном влечении человека, а на насилии, нужде, угрозе голодной смерти.

«Я заявляю, — утверждает Фурье, — что труд при современных условиях противоречит законам природы; он ненавистен всем свободным народам, которые только тогда с радостью примутся за промышленную деятельность, когда эта последняя будет соответствовать человеческим страстям». На протяжении всей жизни гармонийца будут готовить к коллективно организованному труду. С 3—5-летнего возраста у него будут обнаружены около двадцати «полезных инстинктов», влекущих к производительному труду. Давая определение хорошего гона, Фурье отметит, что, если в обществе «цивилизованных» хороший тон — это особенность бездельников, людей праздных, у гармонийцев мерилом хорошего тона будет отношение к труду.

Фурье уверен, что повысится общая культура гармонийцев. Человек в новом обществе будет стремиться к изучению наук, «которые станут путями достижения огромного богатства». Каждый бедняк будет стараться выявить у своего ребенка способности к познанию. Юношей увлекут перспективы научных открытий. Умственные способности гармонийцев будут развиваться скорее.

Человек общества будущего пойдет по пути изучения точных наук. Науки будут преуспевать, так как каждая фаланга будет иметь достаточно средств, чтобы развивать их. Вооруженный научными знаниями, человек создаст новые виды растений, изменит климат Земли, уничтожит вредных для человека животных и растений. Ученые возглавят трудовые армии мира, которые воздвигнут великолепные дворцы и осуществят грандиозное строительство при быстроте исполнения, невозможной у «цивилизованных». Особая система поощрений улучшит положение ученых и приведет их из «крайней нужды к избыточному богатству». Выдающиеся деятели науки, вознагражденные «триумфальными орденами», будут провозглашаться «гражданами земного шара». В какой бы пункт они ни приезжали, они будут «пользоваться в каждой фаланге такими же прерогативами, как знатные люди кантона».

Придавая большое значение физическому развитию человека, Фурье мечтает о том времени, когда число людей

крепких и здоровых будет неуклонно расти. Гармониец с раннего возраста будет упражняться в развитии тела, так как «притяжение по страсти толкает его к хореографическим и гимнастическим занятиям; в них он приобретет ловкость, необходимую в фабричных производствах фаланги, где его операции должны выполняться с точностью, уверенностью и чувством меры, какие, как мы видим, господствуют у наших атлетов оперы и гимнастики».

В результате даже ребенок будет легко справляться с любым трудовым заданием, а человечество достигнет «предельного возраста сверх столетних, вроде семьи Ровин в Венгрии, из которых наименее крепкие жили 142 года, а некоторые 170 лет, где долголетие распространилось и на женщин, как и на мужчин».

Средняя продолжительность жизни, по подсчетам Фурье, будет 144 года, а средний человеческий рост достигнет 2 метров 26 сантиметров! Человечество вступит в фазу расцвета и изобилия талантов.

«На Земле будет 37 миллионов поэтов, равных Гомеру, 37 миллионов математиков, равных Ньютону, 37 миллионов актеров, равных Мольеру». (Конечно, Фурье не настаивает на точности приведенных чисел, говорит, что это приблизительные расчеты, но парижские газеты, поняв его «гомерические» цифры в буквальном смысле, не преминули поднять автора на смех.)

Эстетическому воспитанию гармонийцев Фурье отводит особое место. Он предполагает, что из всех искусств наибольшее распространение получит театральное, особенно опера. Она будет играть большую роль и в повышении культуры труда, в возбуждении трудового энтузиазма. Опера станет ведущим средством морального воспитания, «комплексом мудрости», «школой морали в образах», «материальной школой единения, правильности, истины». Участниками оперных представлений будут все члены фаланги. Здесь гармонийцев с раннего детства станут обучать умению владеть голосом, играть на музыкальных инструментах, слагать стихи, а также искусству пантомимы, танцам и ритму.

В каждом крупном городе построят консерваторию, а в фаланге из 1000 человек будет 700—800 актеров, музыкантов, танцоров, и гармонийцы «в самом бедном кантоне Альп или Пиренеев создадут оперу, подобную парижской».

И вот уже передвижные артистические труппы путешествуют по всему земному шару. «Караваны странствующего рыцарства», «Розовые дружины из Персии», «Сиреневые дружины из Японии», «Дружины гортензий из Мексики» состязаются в таланте и на протяжении года обеспечивают все празднества поэзии, литературы и драматургии, дают спектакли «неописуемого совершенства».

Гармонийцы будут обладать высокими моральными качествами. Мораль строя Цивилизации Фурье называет «ораторским фиглярством и маской для властолюбия, когда каждый лицемер, выдумывая какое-нибудь мошенничество, старательно закутывается в нравоучения».

С законами буржуазного общества рухнет и его мораль. Эгоизм как господствующая особенность человека строя Цивилизации исчезнет. Индивидуальные интересы личности совпадут с интересами коллектива. Люди смогут находить свою выгоду в действиях, полезных всей массе, так как «малейшая попытка действовать во вред обществу поставит их в конфликт с массой, которая предаст их позору».

Они станут, по словам Фурье, филантропами «по страсти, ибо положение вещей, привязанность к 30—40 группам вовлекут их в работу ради интереса этой массы». Духа товарищества будет достаточно для того, чтобы исчезли отталкивающие пороки простонародья строя Цивилизации — грубость, нечистоплотность, низость.

Гармонийцы будут жить в безграничном человеколюбии, «народ, столь лживый и грубый, — по его словам, — станет воплощением правдивости и учтивости».

И НАЧИНАТЬ НУЖНО С ВОСПИТАНИЯ

История развития человечества достаточно ясно показала, как на смену одним производственным отношениям приходят другие, одни общественные формации сменяют другие. Общественные отношения влияют, в свою очередь, на человека. В труде он преобразует окружающий мир, но и среда, в свою очередь, влияет на него. Изменяется его поведение. Воспитание как процесс преобразует человека. Поэтому-то частью плана построения нового общества Фурье считает проблему воспитания человека.

«Естественное и целостное общество будет существовать только при таком состоянии вещей, когда индивид сможет полностью развивать свои способности».

Еще двадцать лет тому назад, в годы работы над «Теорией четырех движений», Фурье утверждал, что в обществе строя Гармонии будет обязательно согласовываться удовлетворение различных потребностей не только взрослых, но и детей. Уже в те годы он сделал первые заметки о «едином и сложноцелостном воспитании». Затем вопросы воспитания были поставлены в «Трактате об ассоциации».

Но гораздо более подробно свою систему воспитания гармонийцев Фурье изложил в «Новом мире».

В 20-е годы XIX века, когда Фурье создавал свою систему воспитания, народное образование Франции строилось по принципам, определенным Наполеоном: «Моей главной целью при учреждении учащей корпорации служит желание иметь средство управлять мнениями». Сосредоточением монополии народного просвещения в руках правительства осуществлялась одна-единственная цель: убить любое проявление свободной мысли, внушить дух послушания и привить народу «уважение к религии, привязанность к государю и правительству». Ни одна школа, ни одно учебное заведение — высшее, среднее, низшее, специальное, светское, духовное — не могло быть «образовано вне императорского университета и без разрешения его главы». Преподаватели назначались правительством, программы насаждались сверху не только в государственных, но и частных школах. Преподавание поручалось только корпорации университетских учителей, подготовка которых велась в полуказарменных условиях. Вступившим в корпорацию 17-летним юношам даже общие прогулки и пребывание в своих комнатах разрешалось только под наблюдением надзирателей.

Предписывалось все до последней мелочи: труд и отдых, предметы и методы преподавания, классные пособия и отрывки для переводов или учения наизусть, вплоть до утвержденных списков книг для каждой библиотеки и запрещения вносить хотя бы одно название (из 1500!) без разрешения свыше. Школа становилась преддверием казармы.

Преподаватели бонапартистской Франции походили на армейских капитанов-инструкторов, комнаты воспитанников — на кордегардии, перемены — на маневры, экзамены — на смотры. Начальное обучение было целиком в ру-

ках церкви, как и воспитание девушек, ибо женщины по причине «слабости разума должны быть верующими» и не должны рассуждать. Религиозное образование было обязательным, к тому же многие профессора и даже инспектор Парижской академии были священниками.

Проведенная в период Реставрации реформа школы ничего не изменила. Народная школа оставалась в руках сокристена (вроде русского псаломщика), который в свободное время обучал детей чтению, начиная с латинских молитв. В личности кюре воплощались и наука и просвещение. Во главе министерства народного образования поставили епископа Фрейсину.

Кризис, переживаемый Францией 20-х годов, не мог не сказаться и на уровне народного просвещения. Сократилось число коллежей и лицеев. Около половины сельских коммун не имели даже начальной школы. Из каждой сотни призывников только 42 умели читать.

Из школьных программ изымались целые разделы и эпохи. Воспитанникам иезуитских коллежей и монастырских пансионов избегали сообщать историю французской революции, факт свержения монархии обходили молчанием. А «господина Буонапарте» называли «генералиссимусом войск его величества Людовика XVIII» (?!). Орлеанский университет полагал, что от студентов нельзя требовать ничего более, как подготовки к преподаванию чтения и письма.

Маленькое селение в двенадцать или пятнадцать дворов не всегда могло прокормить учителя. Жалованье последнего было настолько ничтожно, что, для того чтобы прожить, он вынужден был заниматься каким-нибудь ремеслом или прибегать к милостыне. Интересны материалы анкетирования, проведенного по предписанию крупнейшего буржуазного историка того времени Франсуа Гизо; в них, в частности, говорилось, что «наставник часто был в коммунах на равном счету с нищими и при выборе между ним и пастухом преимущество было на стороне пастуха». Должности школьного учителя чаще всего добивались старые солдаты, калеки или больные, не способные ни к какому труду. Вот они — учителя строя Цивилизации!

В одной из тетрадей Фурье сохранилась запись: «...они ухитрялись занять последнее место в этом обществе, где

они заняты ремеслом каторжников, жалко оплачиваемых и гнущихся под всякого рода ярмом. Священник впадает в то же бедствие... масса кюре и викариев прозябает в состоянии, близком к обнищанию...»

Составляя картотеку «кандидатов», Фурье отнес учителя и кюре к той категории общества, которую следует привлечь к организации опытного фаланстера с социетарным режимом.

«Нет проблемы, которая была бы связана с таким множеством ошибок, как проблема народного просвещения и его методов», — писал Фурье еще в «Трактате об ассоциации». В современной школе, когда теория господствует над практикой, обучение вызывает отвращение. Учителя вынуждены прибегать к наказаниям.

Итак, развитие детей в обществе «цивилизованных», по словам Фурье, никоим образом нельзя признать нормальным. Дети богачей хорошо питаются и хорошо ухожены, но они слабее физически полунагих деревенских ребят, которые едят черный хлеб и целый день предоставлены самим себе. Все современные системы воспитания губят детей. И дома и в свете ребенку состоятельных родителей прививают самые разнообразные, противоречащие друг другу наклонности, которые совершенно стирают следы первоначального воспитания.

Как только 16-летний молодой человек вступит в свет, родственники, соседи, слуги приучают его смеяться над теми самыми правилами, которые внушались ему прежде, и советуют не обращать внимания на требования морали, не позволяющей предаваться наслаждениям. Затем молодой человек начинает развлекаться любовными похождениями; пресытившись ими, он старается тем или иным путем удовлетворить свое честолюбие. Как нелепо со стороны современных педагогов прививать своим воспитанникам такие взгляды, которые свет старается перевернуть вверх дном, лишь только юноша вступит в него!

По словам Фурье, мораль строя Цивилизации играет в воспитании роль невежественного лекаря, который дает пагубные советы, не считаясь с состоянием больного.

И вот плоды подобной морали: в современном обществе трудно встретить такого целомудренного юношу, который, следуя строгим требованиям нравственности, не воспользовался бы случаем совершить прелюбодеяние. А если такой и найдется, то для окружающих он объект насмешек, точно так же, как свет насмехался бы над фи-

нансистом, который не присвоил бы чужую собственность при удобном случае.

Еще в «Трактате об ассоциации» Фурье отмечал, что методы и приемы современного воспитания постоянно находятся в состоянии борьбы между собой. Наставники и педагоги осуществляют догматическое воспитание, родители прививают алчность, сверстники укрепляют мятежное отношение к обществу, а прислуга учит изворотливости. Фурье протестует против существующего принципа преемственности в воспитании. В семье это сводится к стремлению отца привить детям свои недостатки: «Прокурор, купец дают своим детям в качестве образца человека наиболее хитрого; отец-еврей расхваливает наиболее раболепствующего; *пьяница восхищается теми, кто здорово пьет*; игрок приучает детей любить игру...»

Воспитание при строе Цивилизации отделяет ребенка богатых родителей от производительного труда, делает труд ненавистным, подстрекает детей к разрушениям. Это наиболее пагубный недостаток буржуазного воспитания. А ведь, по наблюдениям Фурье, дети уже с 2—3 лет склонны трудиться. И это их призвание нужно развивать.

Необходима полная перестройка всей системы воспитания, «великая задача воспитания должна заключаться в том, чтобы из людей с задатками Нерона, Тиберия, Людовика XI воспитать таких полезных деятелей, как, например, Тит, Марк Аврелий, Генрих IV». Нерона, который «прославился» на века, убив мать, жену, своих воспитателей (философа Сенеку и военачальника Бура), которому обязан пожарами Древний Рим, — этого самого Нерона воспитание в обществе Гармонии сделало бы воплощением добродетели.

Обеспечить воспитание «без различия пола, класса, национальности» возможно только в строе Гармонии за счет общественных средств. Весь процесс обучения Фурье разделил на несколько фаз: воспитание до 2 лет он рассматривает как период подготовительный. Затем следуют раннее детство — до 4 с половиной лет; среднее — до 9, старшее детство — до 15 с половиной лет. В 20 лет воспитание кончается. В свою очередь, различные возрасты детей он делит на хоры и трибы. Всего 32 хора. Каждому свое название: «грудные» и «куколки», «живчики» и «ша-

луны», «херувимы», «серафимы», «лицеисты», «гимназисты», «юноши» и т. п.

Сразу после рождения дети размещаются в обширных благоустроенных зданиях. Матери их только вскармливают, а уход поручается няням. Это ясли. Дети в них содержатся бесплатно. Как только ребенку минет 6 месяцев, няни будут стараться пробуждать у него различные чувства: дети будут слушать музыку, пение, смотреть красивые картинки, забавляться изящными игрушками.

Через 21 месяц (Фурье любит точность!) из класса «малюток» ребенка переводят в класс «шалунов», и уже во втором периоде воспитания он начнет изучать ремесла. Маленький гармониец будет постоянно занят полезным делом. С переходом в армию «херувимов» за ним перестанут наблюдать и руководить им. Он самостоятельно ищет применение своим способностям в различных делах фаланги.

Первые воспитательницы должны сами быть высоко развиты и образованны, обладать богатыми знаниями во всех областях науки, не говоря о необходимости для этой деятельности природного ума и педагогического призвания. Фурье называет их «няни» (на французском языке это «bonne» — добрая), и такими именно — добрыми и совершенными — должны быть эти женщины. Дети в фаланстере распределяются по различным сериям, сообразно их характеру и темпераменту, который обнаруживается сразу после рождения. Так образуется серия «спокойных» детей, «строптивых» и «разрушителей», или «чертенят». Няни, которые несут свою службу и днем и ночью, работают, как это введено во всех фаланстерах, по 1,5—2 часа.

Серия нянь и их помощниц не только получает крупную долю при распределении доходов, но и пользуется большими почестями: на празднествах им отводят видные места. Воспитание лишь выиграет, если наставники сами будут подбирать себе детей. «Каждый наставник при выборе ребенка следует своим симпатиям; ни один из них не взял бы на себя, как это делается при строе Цивилизации, кучу беспорядочно подобранных детей». Здесь также необходимо соблюдать принцип взаимного притяжения — дети сами выбирают себе наставников.

Первоочередным условием в решении всех задач воспитания Фурье считает необходимость дать с колыбели всем естественным склонностям ребенка полную свободу

развития. Если развить в каждом ребенке его склонности, то даже «богатые пристрастились бы к различным, весьма демократическим ремеслам». Ведь увлекался же «Людовик XIV слесарным ремеслом, один из испанских инфантов предпочитал сапожное ремесло, один из датских королей забавлялся выделкой шприцев; неаполитанский король продавал на базаре рыбу собственного улова».

Но склонности будут отчетливо проявляться лишь к 10 годам, а иные — к 15. Поэтому многое зависит от наставников, которые будут обнаруживать и развивать способности ребенка. Фурье выделяет господствующие склонности у детей, на которые наставники должны обратить особое внимание: любознательность, интерес к шумным работам, страсть к подражанию, преклонение перед сильными.

Огромную роль Фурье отводит на первоначальных стадиях воспитания игрушкам. Красочные, самых разных размеров, они будут служить делу обучения и воспитания. Если дали ребенку барабан, то только для того, чтоб произвести малыша в барабанщики. Деревянная собака послужит ему для того, чтобы научиться запрягать живую в маленькую тележку и возить овощи из огородного центра. На протяжении нескольких дней ребенок будет связывать в пучки игрушечные редиски, а когда освоит этот процесс, то его, нарядного, украшенного султанами, примут в группу малышей для уборки овощей, в разряд новичков-кандидатов.

Все знают, как дети любят украшать себя, наряжаться. Эту страсть Фурье предлагает удовлетворить, награждая ребят за успехи красивой форменной одеждой, знаменами, игрушечным оружием, устраивая для них помпезные парады.

Чтобы стимулировать процесс обучения, наставники будут использовать страсть детей к знакам отличия и званиям. Трехлетний малыш будет иметь десятка два званий и знаков отличия (меценат группы спичек, бакалавр лущения, неофит группы резеды и др.).

Переход ребенка от одной ступени к другой сопровождается строгими испытаниями. Кроме того, что он должен показать свои знания и умения, он предъявляет ряд дипломов (мецената по пяти группам, бакалавра по семи группам, неофита по девяти группам).

Малышка, демонстрируя свое музыкальное и хореографическое мастерство, кроме этого, должна будет вымыть,

не разбив ни одной, 120 тарелок за полчаса, очистить полквинты яблок, не срезав больше указанного веса, в заданное время, в срок отсортировать крупы, уметь быстро развести и потушить огонь.

Фурье выделяет в психологии ребенка преобладающую страсть — страсть к подражанию, которая будет развиваться благодаря похвалам со стороны старших. Дети будут стремиться к обществу более сильных и ловких. А чтобы правильно направить эту страсть, нужно привести ребенка в мастерскую, где он в компании сверстников научится выполнять то же, что и старшие. Ребята будут считать за честь участие в играх и занятиях со старшими.

Двухлетний ребенок сам выбирает себе руководителя из старших ребят. Только таким путем можно будет исправить пороки отцовского воспитания. У четырехлетнего будет учителем восьмилетний, у восьмилетнего — десятилетний, у двенадцатилетнего — пятнадцатилетний.

Метод взаимного обучения не был оригинальной идеей Фурье, этот метод пользовался популярностью в то время не только во Франции. Пресса Европы широко освещала опыт швейцарского педагога Песталоцци, который в сиротском доме в Станце поражал всех своими методами обучения и воспитания. Фурье познакомился с описанием его педагогической системы, увлекся его идеей наглядности, но в «Новом мире», говоря о методах воспитания «цивилизованных», он в то же время резко критикует Песталоцци, так как «тот губит страсти, которые особенно необходимо развивать у детей...».

Например, всем известно, писал Фурье, что дети наделены страстью к нечистоплотности. Притом эта склонность распределяется так, что ею наделены $^2/_3$ мальчиков и $^1/_3$ девочек. Они любят валяться в грязи, говорить грубым голосом. Даже эту страсть можно подчинить интересам общества. Для этого следует объединить детей в так называемые «маленькие орды» и «маленькие банды».

«Маленькие орды», получив звание «милиции господа Бога», будут стремиться оправдать его, весело преодолевать отвращение, связанное с неприятными работами. «Грязные работы станут для них благотворительным делом высокого политического значения...» Члены «маленьких орд» полны самопожертвования, они будут всюду, где угрожает опасность. Это они станут очищать сточные воды, чистить трубы, кишки животных, уничтожать змей, будут

работать на бойнях, в кухне, на скотном дворе, в прачечной. По сигналу тревоги они явятся произвести малейшую починку почтовой дороги, чтобы не было повода обвинить кантон, что у него плохая «орда». Если бы вблизи большой дороги нашли вредного гада, кучу гусениц, услышали кваканье жаб или тому подобное, это вызвало бы презрение к фаланге и понизило курс ее акций.

В три часа утра под звуки труб, треск барабанов и звон колоколов «маленькие орды» выступают в трудовой поход. От этого неистового шума завывают собаки, мычит скот. К 8 часам утра, окончив работы, они возвращаются к завтраку, а за новое полезное дело на их знамени появится еще один венок.

«Маленькие орды» не стремятся к богатству, часть своего заработка они отдают на общественные нужды. Из своей среды они выбирают «ханов», «генералов», «офицеров», которые будут управлять ими. Они носят разноцветные костюмы, имеют свой жаргон, живописная одежда со знаками и хоругвями выделяет их во всех религиозных церемониях.

По планам Фурье, в каждой фаланге $^2/_3$ девочек и $^1/_3$ мальчиков объединятся в «маленькие банды». Это те дети, которые тяготеют к нарядам, хорошим манерам, к чистой и красивой работе. Они станут в фаланге «хранителями социального очарования». Это они будут совершенствовать в гармонийцах тонкость вкуса, любовь к изысканным платьям, к изящным украшениям, к прелестным формам и восхитительным сочетаниям цветов и красок.

В области «хорошего гона» они могут успешно соперничать с лучшим обществом Парижа или Лондона. Маленькие дружины будут «выполнять функции французской и флорентийской академии; осуществлять цензуру плохого языка и порочного произношения».

Из их рядов выйдут художники и литераторы, здесь обнаружатся молодые таланты ученых. Они будут выращивать цветы и поставлять их для украшения общественных мест, ухаживать за мелкими домашними животными, за птицами, почтовыми голубями, разводить бобров.

Фурье не оставляет без внимания и страсть детей много есть, причем есть все без разбора, способность не знать предела в лакомствах. Он говорит, что и этот порок можно облагородить, воспитав из детей хороших гастрономов.

Кухня гармонийцев, приспособленная для труда детей,

с маленькой утварью, будет развивать вкус и обоняние, даст ребятам элементы знаний по ботанике, зоологии, анатомии. Повар в обществе будущего «будет ученым высшего ранга и самым важным членом педагогического совета».

Такое воспитание приведет к тому, что к пяти годам у юных гармонийцев разовьются все их природные способности, начиная с трех лет их труд будет возмещать все расходы по воспитанию и содержанию. Правда, в другом месте Фурье пишет, что даже двухлетние гармонийцы будут приобщены к полезному труду, хотя их труд будет носить характер игры. А к 20 годам гармониец освоится с основами земледелия и промышленности, ремеслами, искусствами. В результате такого воспитания и создается гармония между физическим и духовным миром человека.

Каждая фаланга, прославившись в той или иной отрасли производства, науки и искусства, сможет развивать у себя и соответствующую отрасль образования. Система образования будет, по Фурье, свободной, «как у греков, где каждый софист мог свободно открыть школу и имел в качестве учеников тех, кого привело к нему доверие».

Фурье отводит воспитанию гармонийцев важную роль как одному из основных путей перехода к строю Гармонии. В конце жизни, когда рухнут все его надежды на создание опытной фаланги, он будет мечтать о создании детской колонии, которая, по его словам, сама по себе достаточна, чтобы «решить отказ от строя Цивилизации и положить конец ему».

В 1833 году Фурье напишет по этому вопросу специальную работу «Семейная теория, или школа выявления инстинктов в приложении ко всякого рода работам и учебным занятиям. План опыта на 500 детей от 5 до 12 лет».

Педагогические идеи Фурье пережили великого утописта. И через сто с лишним лет его мысли о всеобщем и едином образовании, о необходимости общественного воспитания с самого раннего детства, о соединении обучения с производительным трудом и физическим развитием, его идея всестороннего эстетического воспитания, принципа обязательного учета индивидуальных и возрастных особенностей ребят привлекают к себе повсеместный интерес теоретиков и практиков педагогики.

Взгляды Фурье на воспитание, по словам К. Маркса и Ф. Энгельса, — «наилучшее, что имеется в этой области и содержат в себе гениальнейшие наблюдения» *. В то же время в педагогических воззрениях Фурье есть немало противоречивых положений. Он переоценивал, в частности, трудовые и интеллектуальные возможности детей, особенно в младшем возрасте, преувеличивал роль страсти к перемене.

Противоречивость его плана воспитания в обществе будущего особенно заметна в утверждении, что труд — главный источник познания. В этом его недооценка систематического образования. Фурье нигилистически относился к семье как к первичной и основополагающей форме воспитания. При знакомстве с его педагогической утопией не мешает учитывать то обстоятельство, что многие его идеи чисто умозрительны, несмотря на свою кажущуюся научность. Нельзя забывать, что все это писал холостяк, никогда не державший в руках собственного ребенка.

Окончен еще один труд...

Новое сочинение Фурье было встречено обществом с таким же равнодушием, как и прежние, хотя Август Бебель назовет «Новый промышленный и общественный мир» квинтэссенцией его воззрений: «Тот, кто хочет, не изучая первых пяти томов, достаточно познакомиться с идеями Фурье, найдет все нужное в «Новом промышленном мире».

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 3, с. 516—517.

Глава IX

ПАРИЖ

В Париж Фурье вернулся весной 1829 года, когда разрешились все вопросы по изданию «Нового мира». Безансон покидал с сожалением, но, как и прежде, окрыляли надежды найти в столице какого-нибудь «кандидата».

В нынешний приезд ему впервые не нужно было искать работу. Материальная поддержка заботливых друзей давала возможность заниматься только распространением «открытия».

Сколько лет он мечтал о такой возможности! Наконец-то он выскользнул из пут ненавистной торговли...

С рассвета Фурье за столом. Растет гора рукописей и конспектов, и с каждым днем все теснее делается ему за своим рабочим местом. У небольшого окна можно освежиться, вслушиваясь в редкие пока шаги прохожих или стук одинокого экипажа. Великолепна панорама крыш с трубами самой разнообразной высоты и размеров. Отсюда открывалась живописная картина парижских чердаков, — традиционного пристанища непризнанных талантов и нищеты.

Еще с ночи к крытому рынку съезжаются крестьяне с повозками цветов, овощей и фруктов. На выработанных клячах отправляются за овощами огородники, и в свои мастерские идет рабочий люд. Город просыпается.

Чуть позднее городские почтари начинают развозить пакеты и письма. Если в это время выйти на прогулку, то на перекрестке улиц обязательно встретишь торговку с большим бидоном и за два су выпьешь глиняный горшочек кофе с молоком. Хотя в нем почти нет сахара, он вкусен и поутру пьется с особым удовольствием.

В одну из таких прогулок Фурье обратил внимание на расклейщика — большая медная бляха на животе давала ему право распространять афиши и объявления.

Вот еще один способ отыскать «кандидата»!..

В газету с объявлением о «кандидате» не сунешься.

В парижских газетах можно печатать без разрешения только уведомления о похоронах и приглашения на свадьбу. Афишная тумба — вот что ему поможет! И вскоре в разных местах города появились объявления, что «всякий капиталист, пожелавший ассигновать средства на устройство опытного фаланстера», может застать г-на Франсуа-Мари-Шарля Фурье ежедневно от 12 до часа дня в его квартире по такому-то адресу.

После этого ежедневно, до конца жизни, на протяжении многих лет, где бы ни был, он спешил к полудню за свой стол, в свое кресло в надежде, что великодушный Ротшильд или Шереметьев, кто-то один из трех тысяч «кандидатов» его картотеки, позвонит ему в дверь и предложит свое состояние на устройство фаланстера. Ученики впоследствии будут уверять, что их метр объявленного часа не пропустил ни разу.

Фурье установил для себя жесткий распорядок дня: после определенного числа страниц — часовая прогулка по улице, мимо старого солдата-калеки с платком для подаяний и заморенным трехлетним ребенком. Лица прохожих однообразны, все как будто заняты мыслями о своих долгах и способах выпутаться из беды. Лавочники и ротозеи, слоняющиеся у подворотен, удивлялись виду странного господина, всегда чисто одетого, который изо дня в день, в один и тот же час выходил на прогулку. Он часто останавливается, вынимает из кармана записную книжечку, заносит туда одному ему понятные знаки или формулы и продолжает свой путь, совершенно не замечая, что происходит вокруг. На ходу оживленно отвечает невидимому собеседнику. Иногда его заинтересует какой-нибудь дом. Он остановится и стоит долго, словно окаменев.

К трем часам пополудни улицы Парижа пустеют, зато все семьсот кофеен столицы заполняются алчущими. Фурье иногда забредал в кафе поскромнее, где можно послушать словесные баталии о театральных премьерах или газетных новостях. По су за номер здесь можно прочитать «Ежедневник». Днем, если не голоден, здесь можно выпить чашку кофе с молоком, а вечером — смесь молока с настоем душистой травы капелярии. Зимой такие кафе служат пристанищем, где можно погреться беднякам.

Фурье заказывал простое, но хорошо приготовленное блюдо. Яичница с зеленью, кусок мяса с картофелем, сыр

и кофе утоляли голод. Он вообще ел понемногу, но был разборчив и брезговал полусырым хлебом, разбавленным вином и английской «кухней дикарей» с ее кровавыми бифштексами. В винах, как истый южанин, знал толк, поэтому, питаясь в большинстве случаев все же дома, старался покупать вино и хлеб у добросовестных торговцев.

Послеобеденное время проводил в одном из ближайших садов. К бульвару Тампль примыкает сад, внутри которого находится старинное Турецкое кафе. По поводу этого красивого уголка Парижа уже несколько месяцев трубят тревогу столичные газеты, ополчившись против одного спекулянта-землевладельца, который хочет уничтожить кафе, чтобы построить на его месте лавки и жилые помещения. После одной из прогулок Фурье записывает: «Если спросить жителей, то каждый из них высказался бы за его сохранение. Это 600 тысяч против одного вандала. И все же этот вандал восторжествует в силу нелепых законов...»

К концу дня его иногда охватывало беспокойство: он ничего не сделал сегодня! Тогда не ложился допоздна, обдумывал то, что успел записать. И привратница часто слышала, как медленно он ходил по комнате.

Раз навсегда заведенный распорядок нарушали только ученики, и тогда у камина, в котором догорало несколько головешек, шли бесконечные споры о фаланстере. Чаще всего заходил Виктор Консидеран: он еще в 1826 году переехал в Париж и занимался в Политехнической школе.

Приглашений на званые обеды и приемы Фурье не принимал, его угнетали церемонные разговоры, а если к тому же вдруг замечал, что приглашен как «редкость века», замыкался в себе и весь вечер упорно молчал.

Утренняя почта в последние времена приносила добрые вести. Габе прислал дижонскую газету с толковой рецензией на «Новый мир», а в письме сообщал подробности о нескольких собраниях, на которых он выступал с докладами о выгоде ассоциаций.

Мюирон писал, что в Безансоне организована газета «Беспристрастный», и, хотя это, конечно, не орган фурьеристов, здесь уже напечатали несколько статей учителя. С этой редакцией Фурье будет постоянно ссориться,

Да и как смириться с бесцеремонной правкой и сокращениями редакторов! Иногда он просто-таки не узнавал своего текста. Мюирону выпадала тогда роль сглаживать эти конфликты. Однако протесты Фурье оставались без последствий.

Журнал «Меркурий» опубликовал рецензию, в которой критика строя Цивилизации оценивалась весьма высоко. Фурье даже признавался выдающимся ученым эпохи. Но, как в насмешку, в следующем номере поместили из всех его статей только самую второстепенную, в которой он делился методами преподавания географии.

И все же большинство откликов на «Новый мир» были полны нападок. Нужно снова садиться и строчка за строчкой разбирать писания этих хулителей. Ну, конечно, опять всеобщее раздражение вызвали фантастические картины будущего! Но почему же этих «неспособных на выдумку фельетонистов» не раздражает фантастика Свифта в «Путешествиях Гулливера», или Гёте в «Годах учения и странствованиях Вильгельма Мейстера», или Фихте в «Замкнутом государстве»? Почему лишь ему, Фурье, этот литературный прием возбраняется? Неужели непонятно, что эти «очень странные куски», эти «причудливые побочные элементы» не являются в его теории тем главным, на чем должно быть сосредоточено внимание?

Увы, такова уж судьба первооткрывателя — непризнание. А критики беснуются от своей творческой слабости, их злоба — «доказательство того, что они не умеют ничего выдумывать».

Зачем, к примеру, понадобилось им смешивать его космогонию и психологию с его же теорией земледельческой и промышленной ассоциаций?.. «Странный деспотизм, — пишет Фурье, — осуждать все произведения автора за некоторые его ошибочные места. Ньютон писал рассуждения об Апокалипсисе, пытался доказать, что папа — антихрист. Нет сомнения, что это его ученые глупости, но из всех его сочинений теория притяжения и учение о свете важны для науки. Произнося суд над ученым или художником, критики должны помнить, как важно отделять настоящее золото от фальшивого. Почему же для меня одного критика делает исключение?»

Он рассчитывал написать статью-отповедь, а получилась целая книга, в которой он не только обрушился на критиков, но и вкратце знакомил читателей со своим «Но-

вым миром». Небольшая по объему «Книжечка возвещения о Новом мире» вышла в Париже в 1830 году.

Из всей разгоревшейся в этот год полемики вокруг «Нового мира» больше всего беспокоила Фурье статья господина Гизо. Франсуа Гизо, крупнейший представитель буржуазной историографии, в те годы пользовался в кругах либеральной интеллигенции огромным успехом. Впоследствии, став на стезю политической карьеры, он превратился в ярого реакционера, врага всяческих преобразований. В мае же 1829 года, будучи редактором либерального литературно-философского журнала «Французское обозрение», он разразился напыщенным выступлением против сочинений Фурье. Снисходительно одобряя автора за добрые намерения, Гизо высмеивал его за то, что тот мечтал «перекроить общество на манер монастырей»; критик старался убедить читателей, что «невозможно нагромоздить более причудливых вещей в гротескном стиле», чем это сделал автор «Нового мира».

Отвечая, Фурье говорил, что господин Гизо «своими лживыми измышлениями приписывает ему свои заблуждения, пытается создать общественное мнение, сам же равнодушен к общественным недугам страны».

Но больше всего в этом споре Фурье взволнован тем, что он поставлен в один ряд с Оуэном и сенсимонистами: «Я не схожусь ни в одном пункте с их методом... я поддерживаю превосходство неравенства, которое они отвергают; я вовсе не действую, как они, при помощи уставов, а действую посредством только одного притяжения; они роются в философской ветоши, я же разрабатываю нетронутые науки; они стремятся лишь тревожить престол и алтарь, я же занимаюсь только преобразованием земледелия и торговли, — следовательно, я являюсь антиподом этих прекрасных умов, а не принадлежу к тому же разряду, что и они».

«СЕКТА СЕН-СИМОНА»

С критикой сенсимонизма Фурье и его ученики выступали не впервые.

19 мая 1825 года, в возрасте 65 лет, в крайней нищете умер Анри-Клод Сен-Симон, основатель школы сенсимонистов, проживший жизнь удивительных метаморфоз. Выходец из аристократического французского дома, потомок знаменитого герцога де Сен-Симона, историка времен

Людовика XIV, волонтер в американской войне, во время революции санкюлот и разночинец, а затем и разорившийся финансовый делец, последние годы своей жизни этот человек посвятил философии, создав новое социальное учение — сенсимонизм и целую школу последователей.

Истинными продолжателями и пропагандистами его дела стали Бартелеми-Проспер Анфантен, Сент-Аман Базар и Оленд Родриг. Фурье получил уже несколько писем от своих соратников об идейных столкновениях с сенсимонистами. Наконец на страницах «Меркурия» Виктор Консидеран выступил с критикой этого учения, резко противопоставив его «открытию» Фурье.

Анри-Клод Сен-Симон в своей социальной философии особое место уделял развенчанию капиталистического строя, предрекая ему неминуемую гибель, одновременно с этим он предлагал программу создания нового, более справедливого общественного строя, основанного, как и Гармония Фурье, на началах ассоциации. Строя свой план перехода к «золотому веку», Сен-Симон возлагает надежды в первую очередь на человеческий разум.

Начать, по его мнению, нужно с частичных реформ: отменить право наследования, выкупить землю у тех, кто ее не обрабатывает, устранить от власти тех, кто не занят производительным трудом. Но, не понимая сущности классовой борьбы и ее роли в развитии общества, он мечтает «объединить буржуазию и рабочих в единую группу промышленников».

Сен-Симон предлагает создать новую религию, надеясь, что она будет способна преобразовать человечество. В целом его планы построения общества будущего слишком расплывчаты, в учении Сен-Симона, как писал Энгельс, «рядом с пролетарским направлением сохраняло еще известное значение направление буржуазное» *...

Фурье, по всей видимости, узнал о Сен-Симоне задолго до смерти последнего. Предполагается, что изданные анонимно «Письма женевского обывателя» (только в 1826 году стало известно, что их автор — Сен-Симон) могли быть известны Фурье еще в начале века, так как были присланы в свое время Сен-Симоном в одну из лионских газет, в которых в те годы активно сотрудничал Фурье. Знакомство последнего с творчеством Сен-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 18.

Симона началось, возможно, еще в 1802—1803 годах. В конце 1819 года вышла знаменитая брошюра Сен-Симона «Парабола». Дневниковые записки Фурье тех лет также указывают косвенно на общность некоторых идей двух утопистов.

О судебном процессе, возбужденном против Сен-Симона в январе 1820 года, знала вся политическая Франция, хотя «оскорбителю династии Бурбонов» присяжные и вынесли оправдательный приговор.

Сохранилась интересная дневниковая запись Фурье, датированная 19 сентября 1820 года. Это своего рода его полемика с автором рецензии на брошюру Сен-Симона «О мерах, необходимых для завершения революции», опубликованную в коммерческой газете «Конституционалист». Фурье в недоумении: как может автор рецензии считать, что в брошюре Сен-Симона «много правильных и ошибочных суждений, немало оригинальных мыслей, которые не лишены глубины и справедливости, хотя и не могут быть применены на практике»? Можно ли называть мысли и суждения справедливыми, если они неприемлемы в жизни? Фурье в этой записи называет господина Сен-Симона благородным мечтателем.

Однако здесь же он отмечает: «Но если наши государственные деятели придут к такому мнению, если они серьезно поразмыслят над упомянутой брошюрой, то первый вывод, который они сделают, будет состоять в том, что необходимо покинуть министерства и Государственный совет, ибо они не торговцы, что сам господин Сен-Симон не годится ни для какой должности, ибо он не принадлежит ни к торговцам, ни к мануфактуристам, ни к трудящимся...»

Из этой записки видно, что Фурье уже составил для себя четкое мнение о философии Сен-Симона и рецензия в «Конституционалисте» для него лишь возможность сформулировать это мнение на бумаге.

Сенсимонизм не выходит из поля зрения Фурье и в годы работы над «Новым миром». Так, индустриализм он называет «новейшей химерой среди наших научных иллюзий, к тому же наиболее распространенной». Правда, критикуя Роберта Оуэна, он не поминает имени другого «красноречивого софиста». Но здесь понятно, о ком идет речь.

20 мая 1829 года Фурье посетил одно из публичных заведений сенсимонистского общества. Среди присутствую-

щих было много молодежи, а те, что постарше, держались с достоинством вождей. Несмотря на то, что об этой школе гость был уже хорошо наслышан, многое удивило. Например, то, что собравшиеся обсуждали пользу... исповеди.

Фурье в недоумении: почему вдруг спор об исповеди? Ведь и эти молодые люди, и, конечно, их «шефы» не исповедуются. А что дают им споры о том, каким должно быть образование? Все это праздные разговоры. Можно ли спорить о специальном или неспециальном обучении, когда не избран еще основной путь развития общества будущего?

Было очевидно, что сенсимонисты отошли от учения своего учителя и что они верят в Сен-Симона не больше, чем в коран и вкладывают в уста своего учителя все, что им заблагорассудится.

Неужели Сен-Симон не предвидел, что его «новое христианство» приведет к гибели школы? Объявляя еретиками папу, католиков и протестантов, став на путь гражданской и религиозной войны, сенсимонисты все очевиднее скатываются в область мистики. Эти «братья и сестры во Сен-Симоне» узаконили поклонение «дочерей» и «сыновей» «отцам», публичные исповеди в своих «грехах»... Все это так далеко от того, что нужно бедствующим народным массам.

Сохранилось письмо Мюирону, которое Фурье написал два дня спустя после посещения собрания на улице Таранн, в доме 12.

«Париж, 22 мая 1829 года.

Я замедлил с ответом Вам по двум причинам... Я хотел посоветоваться с несколькими членами общества, куда месье Корсель-сын свел меня в среду вечером, в день их двухнедельного сеанса. Это ученики покойного Сен-Симона... Я хотел посмотреть, что представляет их доктрина и можно ли их заинтересовать моей теорией...

Их догма нечто жалкое, срубленное с топора, но у них есть своя аудитория подписчиков... Чтобы дать Вам представление об их уязвимых местах, достаточно сказать, что утверждают, будто покойный экономист Сен-Симон был вдохновлен Богом и будто было три откровения: Моисея, Иисуса Христа и Сен-Симона».

Но все-таки многое у сенсимонистов было ему симпатично, и тогда же, на вечере, Фурье высказал предложение об объединении двух школ. На следующий день под

впечатлением недавних разговоров и в полной уверенности, что такое объединение состоится, он написал Анфантену:

«Ваши коллеги мне сказали, что именно Вам можно послать трактат о социетарной индустрии... Я хочу, чтобы Ваше общество с помощью некоторых своих членов смогло понять, что обретет славу, присоединившись к моему открытию. К сожалению, научное самолюбие мешает Вашему обществу сменить знамя и понять, что на индустрию рассчитывать не приходится. Необходимо обсудить, на какие именно плоды оно может уповать под высоким покровительством Сен-Симона. В этой доктрине нет новых идей, в ее основе старые заблуждения: раздробление сельскохозяйственного и домашнего производства, пресловутая конкуренция или состязание обманщиков... как и все системы, доктрина грезит о добре, не ведая пути к нему. Она настолько противоречива, что малейшее возражение повергает общество в нескончаемые распри».

Мюирону 5 июня 1829 года наивный мечтатель сообщал как о деле почти уже решенном: «...сенсимонистов можно легко привлечь на свою сторону...»

Анфантену в следующем письме (он назвал его «Запиской для сенсимонистского общества об открытии серии страстей») Фурье стремится доказать необходимость отбросить «абсурдную часть воззрений проповедника Сен-Симона, воспользоваться теми или иными деталями и принципами, привить их на древо истинной теории». К «Записке» приложил один экземпляр «Нового мира».

Ответ принесли назавтра. Сдержанный тон письма, казалось, подчеркивал, что Анфантен снизошел до ответа.

«Благодарю Вас за сообщение, — писал глава сенсимонистов, — которое Вы сделали. Я прочитаю присланные Вами труды со всем вниманием, которое уже было уделено Вашей предыдущей работе. Я полагаю, месье, что, прежде чем начинать дискуссию или просто разговор, необходимо просить Вас сделать некоторые пояснения к записке, которую Вы мне прислали. Они тем более необходимы, что я читал «Новый промышленный мир», а Вы, как мне кажется, если судить по Вашему же письму и записке, знаете о доктрине Сен-Симона лишь на основании одного или двух заседаний на улице Таранн. Я также мог заметить, просматривая, правда, очень бегло, Вашу книгу, что Вы не упоминаете в ней ни Сен-Симона, ни трудов его школы. В этих условиях личная встреча

не привела бы, или почти не привела бы к благоприятным результатам, если бы она и не вынуждала нас поспешно выносить определенные мнения: Вас, месье — о развитых идеях Сен-Симона, а нас — о Ваших. Я взял на себя смелость послать Вам некоторые труды Сен-Симона и его школы, те из них, которые у меня были под рукой. Прошу Вас познакомиться с ними, а также принять уверения в моем совершенном почтении».

Фурье был удивлен и озадачен этой сдержанностью. Через несколько дней он отправил Анфантену длинную записку, в которой более пространно развивал свои критические замечания относительно сенсимонистской доктрины.

Ответ был обстоятелен и суров. Анфантен называет предложение Фурье о том, что одна ячейка социетарного общества может послужить примером для всей «варварской цивилизации», утопией, несбыточной мечтой. Нужно вначале разработать общую теорию, а потом уже оттачивать ее в деталях. И самое основное, пишет с уверенностью Анфантен, заключается в том, что «чтение Ваших трудов не приведет к изменению наших позиций».

Итак, сенсимонисты отвергают его учение. Попытка объединить две школы рушится. Получить такой ответ досадно — ведь от души хотел предостеречь от ошибок. И тогда раздражение от неудачи излил на своих учеников: именно они настаивали на сближении с сенсимонистами, которые якобы «вступили на путь истины». Именно они проводили аналогии между его «открытием» и учением этого экономиста

Бичуя себя за попытку компромисса, Фурье вступает на путь борьбы с сенсимонизмом. Подстегивает его и то, что сенсимонизм уже широко известен, а его собственное учение только-только начало распространяться.

Нужно написать целую книгу, посвященную этой секте. А пока он работает над статьей. Он рассчитывает, что это будет своеобразный тактический прием — во время развернувшейся дискуссии во что бы то ни стало привлечь внимание к его проектам...

Мюирону в эти дни сообщает: «Вы спрашивали, на какой эффект я рассчитываю от памфлета. Эта статья должна в подробностях буквально изложить обстоятель-

ства осуществления опыта тем, у кого я должен искать поддержку (у короля и двух-трех министров)...»

1830 году «Меркурий» опубликовал заметку, в которой утверждалось, и как будто без всякой иронии: «Господин Шарль Фурье, осмелимся сказать это, самый выдающийся ученый нашего времени. Он не связан с академией, ибо его отвращение к интригам сравнимо лишь с его любовью к истинному знанию. Мы намерены доказать, что все разумное в сенсимонизме есть плагиат принадлежащего Шарлю Фурье открытия притяжения по страсти».

Фурье этого ни публично, ни в частных беседах не опровергал...

Более того, в последующих письмах друзьям он уже открыто обвиняет сенсимонистов (не Сен-Симона!) в плагиате.

Так, обсуждая с Мюироном планы будущей книги, пишет: «...я покажу в ироническом свете абсурдность их принципов... затем перейду к плагиату, но, прежде чем покончить с их теорией и тактикой, я кратко изложу... два научных принципа, которые сенсимонисты хотели у меня похитить... Ведь они предлагают многое из того, что прочитали в моих сочинениях, а как осуществить это — не знают».

В своей очередной статье Фурье называет сенсимонистов софистами, которые дурачат публику новыми философскими плутнями, жонглируя словечком «прогресс». Они проповедуют ассоциацию, но не знают, как взяться за дело. Он же предлагает преобразовать мир без религиозной войны.

Да и вообще, можно ли мириться с тем, что они превращают Сен-Симона в пророка, приписывая ему то, чего он не говорил?

Фурье сравнивает сенсимонистов с иезуитами, которые хотят подчинить себе правительства и захватить имущество частных лиц путем отмены права наследования. Да, они правы в том, что нужно развивать промышленность, науки и искусства. Но разве можно при этом забывать о человеке? А к чему, спрашивается, приведет их принцип распределения благ по способностям и труду?

Истинный прогресс, по мнению Фурье, состоит не в том, чтобы отнять все у богатых и отдать бедным, а в том, чтобы с помощью режима согласованной индустрии создать массу продуктов, достаточную для удовлетворе-

ния нужд как богатых, так и бедных. Исправить ошибки сенсимонистов может только его социетарная теория.

«Если бы порядок, рекомендуемый сенсимонистами, — доказывает Фурье в письме Мюирону, — в действительности осуществился, то нельзя быть уверенным, что результатом явится улучшение судеб рабочего класса. Единственно верным последствием было бы то, что в какое-нибудь полустолетие всякая собственность — земля, капиталы и фабрики — сосредоточилась бы в руках священников нового типа».

Распри с сенсимонистами слишком уж затягивались. В письме, адресованном мадам Дюпони, Фурье жалуется по этому поводу: «В воскресенье потеряли много времени в напрасных спорах. Я хочу покончить с этими бесполезными дискуссиями, обратившись к сенсимонистам с суровой отповедью в связи с задержкой их обещаний. Если бы они захотели действовать, я бы их поддержал, что бы с ними ни случилось. Они были бы сегодня на вершине богатства и славы, царили бы не только в Тюильри, о котором грезили, а в дворцах всех монархий. Вместо такого блестящего взлета, осуществить который я предлагал Анфантену два года назад, сенсимонисты сумели воздвигнуть только Вавилонскую башню; они больше не понимают друг друга, говорят на разных языках, идут дорогой раскола и беспорядка».

В конце августа 1830 года в газете «Глобус» сенсимонисты поместили объявление, что их газета находится на грани разорения (она распространялась бесплатно). Фурье поспешил с ответом, и через три дня его письмо поступило в редакцию. «Господа, — писал он, — я прочел номер Вашей газеты от 31 августа. Вы шлете сигналы бедствия. Считаю своим долгом обрисовать Вам ситуацию, в которой Вы смогли бы находиться, если бы встали на путь истинный, избрав социетарную теорию, если бы основали ассоциацию, не ограничиваясь проповедями о ней, если бы действовали, а не раздавали одни посулы».

Газета, поместив это письмо, преследовала цель осмеять Фурье, но должного эффекта не получилось: полемика, разразившаяся в эти годы, уже вышла из-под контроля сенсимонистов. Это было время, когда среди них уже начинался раскол. Правда, внешне как будто наблюдался расцвет: в январе 1830 года Анфантена и Базара объяви-

ли «священными отцами» новой церкви, сочинения Сен-Симона были возведены его последователями в ранг священных книг новой религии. Однако многим становилось ясно, что споры сенсимонистов о сущности бога, о духовном и плотском начале в человеке, об общественном назначении женщины становятся своего рода самоцелью.

Многие неофиты сенсимонизма стали отходить от «новой церкви».

К середине 1831 года вышла в свет брошюра Фурье «Уловки и шарлатанство сект Сен-Симона и Оуэна». И потому, что памфлет получился резким и даже грубым, говорить о примирении, а тем более о слиянии двух школ было невозможно...

Снова ученики Фурье высказали ему свое недовольство: его площадная манера изложения мешает основному делу школы, отпугивает простых читателей, не говоря уж о «кандидатах».

И вот учитель пишет Мюирону (18 июля 1831 года) в защиту памфлета: «Вы говорите, что я вижу врагов во всех людях. Нет, но я не могу быть другим с теми, кто, не приняв моей теории, выдвигает свои предрассудки, а меня причисляет к разряду шарлатанов. Вы говорите, что их отталкивают мои раздирающие резкости. Но что есть раздирающего в том, чтобы услышать, что ошибаются они уже 3 тысячи лет, что вовсе не в реформах административных и священнических нужно искать путей к добру, а в промышленной реформе.

Вы говорите, что нужно иметь жалость к слепцам (эпиграф, заимствованный из Евангелия: «это слепцы, которые ведут слепцов»). Но когда они идут к пропасти, было бы жестокостью сказать им: «Вы на правильном пути». Притом я не выражаю гнева, я высмеиваю».

Фурье не останавливается на этом. Он решает использовать как трибуну для критики сенсимонизма страницы газеты «Глобус».

В конце июля в одной из статей («Гороскоп сенсимонистов. Ответ на их статью от 28 июля») Фурье заявил: «360 раз в году ополчаясь в «Глобусе» против праздных, секта сенсимонистов сама себя разоблачает, так как виновна в наивреднейшей праздности. Она утверждает, что ей ведомо искусство создания ассоциаций трудящихся, но не показывает этого на практике. 10 лет назад Роберт Оуэн претендовал на это же самое. Оуэнисты прекратили свои аферы...»

В период наиболее острой борьбы Фурье с сенсимонизмом * его трения с учениками все увеличивались. Его возмущало не только стремление учеников примирить его с сенсимонистами, но и свести его «открытие» до «общепризнанных идей и представлений» этой школы. Сохранилось интересное в этом плане письмо В. Консидерана Клариссе Вигурэ: «Я хотел бы поговорить с Вами о газете «Организатор», 10 номеров которой я прочитал. Там должны были излагать учение Сен-Симона. Пока они ограничились критикой всего сущего и обоснованием необходимости нового социального порядка. Есть страницы, которые позволяют думать, что они написаны кем-то из наших».

А метра раздражала даже безобидная, казалось бы, строчка в письме Габе из Дижона о том, что доктрина Сен-Симона во многом приближается к его системе. Некоторые ученики дошли уже до того, что считают его «открытие» частью учения Сен-Симона! Нет, это неслыханно!..

СЕНСИМОНИСТЫ ПРИЗНАЮТ «СОЦИЕТАРНУЮ ТЕОРИЮ»

Немало молодых людей в эти годы занималось сопоставлением систем Сен-Симона и Фурье. Может быть, и правильно говорят фурьеристы, что сенсимонистское учение противоречит основным склонностям человеческой природы? И что счастье личности зависит в первую очередь от материального состояния общества? Возникали и десятки других вопросов...

В конце 1831 года, отбросив «новое христианство», часть ядра школы сенсимонистов приняла «социетарную теорию».

Немалую роль в этом событии сыграл лично Анфантен, который со временем вынужден был признать, что в теории Фурье многие положения оригинальны и по-своему значительнее сенсимонизма.

После долгого анализа и сопоставлений двух теорий Анфантен подправил ряд положений своего учителя. Это

---

* Фурье до конца жизни выступал против сенсимонистов. Впоследствии основоположники марксизма, указывая на различия, отнесли и Фурье и Сен-Симона к одному течению в истории социалистической мысли — критически-утопическому направлению в утопическом социализме. (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 4, с. 455—457.)

привело к тому, что, по словам Пьера Леру, «к 1838 году быть учеником Анфантена или учеником Фурье означало почти одно и то же».

Одним из первых порвал с сенсимонизмом Жюль Лешевалье. Еще в юности он увлекался философией и, живя в Германии, изучил все основные системы немецкой классической философии. Приняв затем сенсимонизм, молодой адвокат стал одним из активных деятелей этой школы. Но знакомство с «Новым миром» Фурье, встречи с Габе в Дижоне, Мюироном, Клариссой Вигурэ в Безансоне, обстоятельные беседы с Виктором Консидераном привели к тому, что в письме к Фурье (16 января 1830 года) Лешевалье заявляет о своем твердом решении присоединиться к школе фурьеристов.

«Вот уже 18 месяцев мне известны Ваши идеи благодаря одному молодому человеку из Лиона, которому я проповедовал сенсимонизм. То, что мне говорили о Ваших трудах, не отбивало моего любопытства. Всякий раз я спрашивал руководителей сенсимонистской школы, известны ли им Ваши сочинения. Они ограничивались ответом, что они Вас видели, что Ваши работы довольно хорошо критикуют современное состояние цивилизации, но что Ваши представления о будущем узки, мелочны, утонули среди подробностей и не имеют никакого значения... Я начал читать «Трактат об ассоциации» и понял, что в нем много нового, глубокого, поражающего воображение. Я чувствую, что Вы дали миру то, что обещал я от имени Анри Сен-Симона: счастье, ассоциацию, свободу, правду прежде всего и уничтожение лжи и обмана».

В 1834 году Лешевалье опубликовал два обстоятельных тома под заглавием «Теория Шарля Фурье», в которых с большой любовью и верой в дело фурьеризма изложил всю систему своего нового кумира.

С ним от сенсимонизма отходит и его друг Абель Трансон. Правда, впоследствии он изменил и фурьеризму, но в эти годы друзья активно выступают с докладами и статьями о преимуществах «социетарной теории», обращаясь к «братьям во Сен-Симоне». В опубликованной в 1832 году книге «Социетарная теория Шарля Фурье» Трансон популяризирует идеи последнего.

Уходит из «монастыря» молодой морской врач Шарль Пелларэн, будущий первый биограф Фурье.

Сенсимонист, хирург из Лиона Юбер пишет в августе 1832 года Ж. Лешевалье:

«Я искал в сенсимонизме лишь план ассоциации, средство улучшить жизнь самого многочисленного и бедного класса общества. Именно поэтому я должен был присоединиться к господину Фурье, как только смог его понять. На протяжении 10 лет «Теория четырех движений» была для меня предметом насмешек. Благодаря Вам я вижу в ней теперь одно из самых удивительных произведений, порожденных человеческим гением».

Станут убежденными фурьеристами Амедей Паже и Ипполит Рено. Амедей Паже как-то признался Лешевалье: «Еще недавно я верил, что ни одна крупная социальная реформа невозможна, если предварительно не осуществлено моральное обращение масс в некую веру, касающуюся порядка личных отношений. Этот метод, принятый сенсимонистами, казался мне законом человечества... Благодаря концепции Фурье я мыслю совершенно иначе. Именно от преобразования производства зависит грядущая судьба человечества».

К школе фурьеристов примкнула в это же время группа лиц, располагающая немалыми материальными средствами. Доктор медицины, член палаты депутатов, Боде Дюларн, уже давно изучавший сочинения Фурье, оставляет свою депутатскую деятельность, чтобы заняться только пропагандой строя Гармонии.

В мае 1832 года произошла встреча Фурье с двадцатилетним американцем Альбертом Брисбейном. Приехав в Европу в начале 20-х годов, он стал изучать различные философские системы. Год назад, разочаровавшись в холодной рассудочности сенсимонизма, увлекся фурьеризмом. Его поразила идея «привлекательности труда», который станет почетным занятием для всякого человека.

Этот настойчивый неофит добился расположения метра, упросив дать ему 12 уроков теории (по 5 франков за каждый). По возвращении в Америку он публично выступил с утверждением, что существующий мир следует перестраивать, руководствуясь социетарной теорией. Еще через десять лет он скажет, что с именем Фурье может соперничать только имя Наполеона... В период расцвета фурьеризма в Америке будет издано много работ Брисбейна о французском мыслителе и его теории.

Школа бурно росла, только в течение 1832 года в нее вошло несколько десятков убежденных сторонников учения Фурье.

В Париже, Безансоне, Дижоне, Нанси были созданы целые группы, в других городах появилось немало отдельных последователей. Фурье начинал твердо верить, что он *находится накануне осуществления своего плана.* С мая по август 1832 года пришли к фурьеризму особенно многие сенсимонисты. В школе военных инженеров Виктор Консидеран организовал кружок, который собирался два раза в неделю для изучения «социетарной теории».

Казалось, прошло для Фурье время горечи и отчаяния, его идеи завоевывают всю мыслящую Францию.

СОБЫТИЯ РЕВОЛЮЦИИ 1830 ГОДА

В конце 20-х годов в стране стало особенно ясно ощущаться наступление реакции. Феодальная аристократия торжествовала в продолжение всей Реставрации, вплоть до 1830 года.

Либеральные деятели, возмущенные политикой преданного королю министерства Виллеля, вели борьбу в палатах и печати. В 1827 году, после того как либералы получили большинство в палате, правительство Виллеля ушло в отставку. Однако король, не желая отступать и стремясь к полному восстановлению абсолютизма, готовил государственный переворот. Очевидным шагом к этому было введение в новое правительство князя Жюля де Полиньяка, личного друга Карла X, злейшего врага Конституции, одного из чудовищных политиканов Франции XIX века. По иронии судьбы к нему-то в мае 1830 года и обращается наивный Фурье с проектом переустройства общества.

Тогда же он предлагает министерству общественных работ, во главе которого стоит барон М. Капелле, план осуществления ассоциации... внутри министерства: достаточно лишь сделать «показательную пробу», благодаря которой этот метод распространится повсюду.

Фурье пишет, что предшественник барона истратил на нужды министерства за 10 лет 200 миллионов франков, и все безрезультатно. Для организации опытного фаланстера потребовалось бы 10 миллионов в год...

Вскоре он получил ответ от министра. Барон любезно обещал автору проекта вернуться к этому вопросу, как только у министерства будет поменьше дел...

Сохранилась записка Фурье о событиях тех дней:

«24 июля 1830 года он мне написал: «Будьте уверены,

что это дело будет рассмотрено со всем вниманием, которого вопрос заслуживает». И прибавил: «Министерство загружено делами, придется отсрочить на несколько дней его рассмотрение...» Сначала я подумал, что отсрочка — вежливое поражение, но спустя два дня появились знаменитые ордонансы, и я понял, что нужно подождать развязки, прежде чем рассматривать какую бы то ни было теорию индустриальной реформы.

Со следующей недели М. Капелле был уже ничто, и с этого момента я не делал никаких попыток у министра. Газеты не прекращали говорить, что на следующей неделе министерство будет обновлено. Однако нужно было предполагать, что стабильность наступит не ранее чем через шесть месяцев...»

И все-таки Фурье настолько верил в близость успеха, что и потом, вспоминая о тех днях, утверждал: лишь стечение обстоятельств, а именно события июльской революции, помешали министру принять его планы.

Однако ни министру, ни министерству к этому вопросу вернуться так и не пришлось. И не только потому, что июльские события прибавили им иных дел...

26 июля правительственная газета «Монитёр» опубликовала королевские указы, которые вошли в историю под названием «ордонансы Полиньяка». В период существования Конституции реакционные декреты Карла X о роспуске палаты депутатов, об отмене свободы слова и печати, о сокращении числа избирателей были равносильны политическому перевороту.

Ордонансы вызвали страшное возмущение по всей стране. Разгневанные парижане с лозунгами «Долой Бурбонов!» вышли на улицы. В Пале-Рояле стихийно возникали митинги. На улицах снова выросли баррикады. В правительственные войска полетели из окон и с крыш черепица, булыжники, бутылки, мебель. 28 июля на здании ратуши и на соборе Парижской богоматери реяли трехцветные знамена. В первых схватках с правительственными войсками победу одержали повстанцы. На их сторону перешли даже полки кровавого маршала Мармона. В ожесточенной борьбе восставшие победили. После отмены ордонансов и отставки ненавистного Полиньяка отрекся от престола и бежал из страны Карл X. Но вновь плодами революции воспользовалась буржуазия. Освободившийся престол оказался в руках кучки крупной финансовой буржуазии во главе с банкиром Жаколе Лаф-

фитом. 9 августа «королем французов» был провозглашен Луи-Филипп Орлеанский. Отныне судьбы Франции решались под сводами парижской биржи.

Многие в эти дни встречали Луи-Филиппа разгуливающего по Парижу в круглой шляпе и с зонтиком. Заискивая перед толпой, он пожимал руку каждому торговцу и ремесленнику.

Вскоре лицо короля, напоминающее грушу, карикатуристы избрали предметом насмешек и даже выставляли свои рисунки в витринах торговых лавок. «Рядом с именем Луи-Филиппа, — сказал Стендаль, — история напишет: величайший плут из всех королей». Он плутовал, притворяясь «королем-гражданином», одеваясь в костюм буржуа, в то же время, по словам Гейне, скрывал «в своем дождевом зонтике самый абсолютный скипетр». Во Франции установилась буржуазная монархия.

События июльской революции захватили Фурье. Утром 30 июля он навестил старого приятеля доктора Амара, хотелось поделиться надеждой: может быть, наконец, хоть это новое правительство обратит внимание на его «открытие»?

После визита поспешил домой — нужно было срочно окончить подробнейшую записку (на 70 страниц!) промышленному комитету, в которой он опять и опять обосновывал выгоды создания ассоциации.

А через несколько дней отправил обстоятельное письмо Казимиру Перье, одному из первых тузов финансовой олигархии и министру июльской монархии, человеку властному, по словам Генриха Гейне, «Атланту», удерживающему «и биржу, и Орлеанский дом, и все государственное здание». Впоследствии Перье будет главным палачом первого лионского восстания.

Одновременно Фурье составил предложение банкиру Жаколе Лаффиту. В эти бурные месяцы 1830 года он пребывает в уверенности, что уже нашел «кандидата». Пишет друзьям, что составил меморандум самому королю, только нужно продумать, как его вручить. Возможно несколько вариантов, но в любом случае нужно обязательно постараться так, чтобы дать королю устное пояснение. Фурье и до этого часто вел себя аполитично, но сейчас он уже просто-напросто неразборчив в средствах: главную его заботу составляет убедить короля, что лучший

способ борьбы с революционерами — это создание фаланстеров.

...После июльской революции 1830 года страна переживала разительные как экономические, так и социальные перемены. Принятая новая конституция расширила права депутатов. Был снижен имущественный ценз для избирателей, ограничены права духовенства, отменена цензура. Однако пришедшая к власти финансовая аристократия «диктовала в палатах законы, она раздавала государственные доходные места, начиная с министерских постов и кончая казенными табачными лавками» *. В то же время в стране развитие промышленности, строительство дорог все увеличивали численность рабочего класса. Находясь в состоянии кризиса, сельское хозяйство, казалось, было не в состоянии обеспечить страну продуктами питания. На все усиливающийся гнет рабочие Парижа, Руана и Лиона отвечали стачками.

Париж долго жил отзвуками событий июля 1830 года. В феврале 1831 года вновь восставшие парижане разгромили церковь Сен-Жермен и дворец парижского епископа. А в июне войсковые части опять разбили биваки на площадях, набережных и улицах столицы, чтобы успокоить взволнованных рабочих Сен-Дени. На улице Сент-Фуа, возле пассажа Кёр и на улице Боргар были построены баррикады, кое-где завязалась кровопролитная борьба.

Фурье был свидетелем волнений в Париже и в сентябре 1830 года в связи с отказом Луи-Филиппа помочь польским повстанцам.

22 ноября 1831 года в Париже появились смутные толки о событиях в Лионе. По неизвестным причинам не работал лионский телеграф. В Париже начались аресты. Взволнованное правительство скупило все ружья из оружейных лавок. Одновременно с отправкой в Лион карательной экспедиции в столице был увеличен состав воинского гарнизона...

Только через день в газетах появились подробные сообщения о событиях в Лионе. Каждая газета освещала их с точки зрения своей партии. Орган легитимистов «Котидьен» критиковал правительство и демагогически тру-

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, с. 8.

бил о симпатиях к простому труженику. «Французский курьер» высмеивал попытку правительства замять политический скандал в Лионе. Буржуазная газета «Тан» требовала создания единого фронта против рабочих.

25 ноября со страниц «Глобуса» парижские отцы «сенсимонистской церкви» старались внушить рабочим «чувства порядка, мира и согласия». Редакция новой либеральной газеты «Националь» стала центром сбора средств в помощь раненым лионским рабочим.

Что же произошло в Лионе? 21 ноября на улице Гранд-Кот тысячная мирная демонстрация голодных и безработных ткачей, доведенных до отчаяния, была обстреляна легионерами национальной гвардии. На другой день над сооруженными баррикадами восставшие ткачи подняли знамя: «Жить работая или умереть сражаясь!» К ткачам присоединились рабочие других профессий. Ночью пришли рабочие предместий Гийотьер и Брютто. На следующий день восстание стало всеобщим. Правительственные войска оставили город. Однако плодами своей победы рабочие не сумели воспользоваться. 3 декабря восстание было потоплено в крови присланными из Парижа во главе с маршалом Сультом правительственными войсками.

Мы не знаем, как отнесся Шарль Фурье к событиям в Лионе. Судя по тому, что еще недавно он составлял для короля рецепты для противодействия революционным настроениям, вряд ли он мог оценить эти события однозначно. Но объективно идеи Фурье уже в эти годы начинали оказывать революционизирующее воздействие на массы.

Что касается лионских ткачей, то они были достаточно подготовлены для восприятия таких идей. Еще весной 1831 года просторные лионские помещения Лотереи и Цирка не вмещали всех желающих послушать лекции сенсимонистов Жана Рейно, Пьера Леру и Лорана. Обличение существующего гнета, призыв к созданию ассоциаций, к улучшению морального и материального состояния самого бедного класса находили живой отклик у слушателей.

А в 1832 году, через несколько месяцев после восстания, орган лионских ткачей «Эко де ля фабрик» напечатал восторженные отзывы о «сельскохозяйственной и промышленной ассоциациях, предложенных господином Ш. Фурье».

ЖУРНАЛ «ФАЛАНСТЕР»

В конце 1831 года в связи с длительным недомоганием Фурье почти не садился за рабочий стол. Вопреки советам врачей лекарств не принимал, соблюдая только постельный режим. Мало-помалу отвращение к еде и слабость прошли, и он начал потихоньку работать.

Фурье понимал, насколько необходима именно сейчас широкая пропаганда «открытия». Еще 30 лет назад, как мы помним, он пытался создать собственную газету. Теперь речь шла уже о журнале.

В январе 1832 года Виктор Консидеран писал Фурье: «Журнал нам необходим. Необходима не только трибуна фурьеризма, но и организационное объединение последователей».

На то, чтобы получить разрешение на издание, и на сбор денежных средств ушло полгода. И только 1 июня 1832 года первый номер «Фаланстера» — «журнала для основания сельскохозяйственной и промышленной фаланги», отпечатанный тиражом в 1000 экземпляров, увидел свет. Во главе редакции, состоящей из его учеников, стал сам Фурье, но основная доля нагрузок по изданию журнала досталась Виктору Консидерану.

Задолго до выхода первого номера начались споры о характере и направлении «Фаланстера». Ученики считали, что он должен стать только популярным изданием. Фурье же настаивал на теоретической направленности и засыпал редакцию многочисленными статьями, все увеличивая их размеры. Это обстоятельство вызывало возмущение сотрудников: метр не считался с планами номеров, капризничал по поводу любого сокращения его сочинений.

Вскоре мнение, что за учителем нужно оставить только роль вдохновителя, стало единогласным. К большинству присоединился даже деликатный Мюирон. Но сказать об этом метру долго не решались. Наконец от имени сотрудников журнала составили письмо. Из-под пера Трансона оно вышло резким и даже грубым. Учителю предлагалось ограничиться четырьмя столбцами в каждом номере.

Фурье воспринял письмо как продолжение споров о стиле его сочинений. Ему ведь и раньше советовали поменьше говорить об «анти-львах» и «анти-китах», утверждали, что его сочинения композиционно запутанны, часто страдают косноязычием и все это в конце концов вредит

«организации ассоциации». И конечно, Фурье снова обиделся.

А тут еще получил письмо от Клариссы Витурэ: «Почему кажетесь Вы грустным и несчастным в момент, когда имеются только прекрасные надежды, когда за последний год наши дела шли лучше, чем можно было ожидать? Создается впечатление, что Вы недовольны всеми Вашими учениками?»

Да, Фурье видел, что ученики единодушно признавали его «создателем социетарной школы», его почитали, ему посвящали оды, его считали мыслителем, равного которому нет. Виктор Консидеран называл его даже «искусителем мира, Христофором Колумбом социального мира, человеком, открывшим закон судеб». Его идеи примагнитили к себе целую дюжину сенсимонистов. Но это все было внешнее. На самом же деле с ним совершенно перестали считаться. Его выслушивали, причем с неизменным почтением, но поступали по-своему. Беспокоило Фурье и другое, более значительное наблюдение.

Внешне школа оставалась, как и прежде, на позициях, непримиримых к строю Цивилизации. В некоторых вопросах, например, в критике положения пролетариата, ученики даже превзошли учителя в радикализме, но уже в эти годы наблюдались и колебания среди них в сторону примирения социальных противоречий. Вставая на путь реформ и компромиссов, фурьеристы отходили от своего учителя. В эти годы, когда казалось, что его популярность неуклонно растет, Фурье иногда чувствовал себя катастрофически одиноким.

Весной 1832 года на парижан накатились новые беды. Масленица с ее карнавалами, представлениями на Елисейских полях и бульварах прервалась неожиданно. Северные ветры весной принесли не только возвращение стужи, но и огромную по размерам эпидемию холеры, которая поразила тогда почти всю Европу. Голод и холера косили людей тысячами. Трагическую тишину парижских улиц нарушало только громыхание больших фургонов для мебели, нагруженных доверху гробами, которые свозились на кладбище Пер-Лашез.

В конце мая от холеры умер реакционный министр Казимир Перье, которому были устроены пышные похороны. В ответ на это либеральная буржуазия организова-

ла манифестацию на похоронах умершего от той же болезни генерала Ламарка.

Герой Ватерлоо, мужественный солдат и прекрасный оратор, Максимилиан Ламарк пользовался большой популярностью и был одним из самых видных депутатов оппозиции. 5 июня к 10 часам утра улицы Сент-Оноре и Риволи, площади Конкорд и Королевская были переполнены участниками похорон. За гробом шло свыше 150 тысяч человек. В окнах многих домов были вывешены траурные флаги.

На площади Бастилии к процессии присоединились рабочие Сент-Антуанского предместья и вырвавшиеся из казарм, взломавшие двери, без фуражек и в изорванных мундирах воспитанники военизированной Политехнической школы. В рядах демонстрантов раздавался лозунг: «Да здравствует республика!» Многие прятали под одеждой пистолеты или кинжалы. Полковой оркестр играл запрещенную правительством «Марсельезу».

Во время прощальных речей на площади у Аустерлицкого моста на толпу напали драгуны, и это изменило ход похорон. Гроб Ламарка был отправлен в Мон-де-Марсан, а парижане с возгласами «Завоюем свободу!» начали строить баррикады. К вечеру префект полиции Миске доносил правительству, что через два часа после нападения драгун половина Парижа была в руках восставших. Центром восстания стал район улицы Сен-Мартен.

Жизнь города вновь замерла. Лавки и магазины спешно закрывались. На центральных улицах были побиты все фонари. Обыватели за закрытыми ставнями определяли по гулу и крикам на улицах, как разворачиваются события. Вот началась ружейная перестрелка, вот пронеслась кавалерия или артиллерийская повозка.

Снова восставшие разбирали мостовые, собирали в кучи булыжник, взламывали двери домов, срубали деревья.

Три полка атаковали баррикады на улице Сен-Мартен. Горсть республиканцев мужественно отбивала наступление линейных войск и национальной гвардии. Наконец победители овладели комнатой, наполненной трупами. Сражение на улице Сен-Мартен впоследствии было признано великим революционным подвигом новейшей истории.

Правительство Луи-Филиппа прибегло к массовым репрессиям. Арестованных было так много, что в тюрьмах не хватало помещений и нужно было спешно освобождать здания под новые.

Все эти события, казалось, прошли мимо Шарля Фурье, хотя трудно поверить, что он не был их наблюдателем. Самые трагические эпизоды восстания разыгрались в нескольких кварталах от его дома. Однако в его записках того года мы находим лишь пометки, что он целыми днями трудится над проблемами капитала и кредита, заработной платы и брака, религии и свободы мысли. Его волнуют вопросы воспитания, усовершенствование плана ассоциации, подробности производства и распределения. Он умудряется мечтать и фантазировать под аккомпанемент ружейных выстрелов.

Эпидемия холеры пощадила Шарля Фурье, и на страницах журнала «Фаланстер» он по-прежнему бичует строй Цивилизации. Его статьи обнажают чудовищный облик банков и монополий, которые даже в этот тяжелейший год преуспели в сколачивании богатств.

В неопубликованных записках Фурье того времени мы находим полное скептицизма утверждение: «Социальный прогресс есть призрак. Богатый класс идет вперед, но бедный остается на месте, стоит на нуле».

Человечество должно знать, что век Цивилизации зашел в тупик. В стихотворной (и этот жанр ему вновь пригодился) «Оде на открытие социальных судеб» Фурье пишет:

О ты, вулкан клеветных извержений,
Презренный век, кому прогресс — лишь грим.
Ты велением смешным
В полете сковываешь гений!
Лишь чашу желчи ты поднесть
Способен за благую весть
Высоких неба обещаний.
Ты так и мой клеймил бы труд:
Лишь тридцать лет обид, терзаний
Наградой бдений были б тут...

В этом же году Фурье поселился в маленькой квартирке на улице Ришелье. Подниматься на свой этаж ему приходилось по узкой деревянной лестнице, которая грозила каждую минуту развалиться. Груды рукописей, нагроможденные во всех углах комнаты, как и прежде, были его самым большим богатством.

Интересно, что на этой же самой улице прожил свои последние годы Сен-Симон. При жизни они не встретились, но их учения не разминулись.

Глава X

ОПЫТ

Журнал «Фаланстер» сыграл все-таки немаловажную роль в распространении идей Фурье. Кроме общих теоретических статей, на его страницах обсуждались самые разнообразные проекты создания пробной фаланги.

Все эти планы, проекты, расчеты стали вдруг почти реальными, когда в один прекрасный день депутат парламента Сены и Уазы Бодэ-Дюлари, плененный радужными перспективами учения Фурье, предложил в обмен на акции 500 гектаров земли для организации опыта. Предложение было принято, и начались месяцы подготовки.

Натянутые отношения между учителем и учениками сгладились, установилось временное взаимопонимание.

Фурье даже помолодел. Он словно забыл, что в два последние года его то и дело мучили болезни. Нашел свои черновые записи времен «Нового мира» и спешно стал составлять подробный план работ, рассчитывая до мелочей все необходимые затраты. Разве не ради этих вот минут он всю жизнь спорил, доказывал, верил и отчаивался, проповедовал и проклинал?!

Организовать фалангу, как предлагали ученики, «сокращенного масштаба», по мнению Фурье, не представляло труда. Необходимо только помнить о трех последовательных этапах и начинать с образования товарищества на паях.

Чем больше желающих войти в ассоциацию, тем легче осуществить следующий этап: организовать строительные работы. По самым скромным подсчетам, на это должно пойти не менее 24 месяцев. Ускорить процесс можно в том случае, если на приобретенном участке окажется какое-либо сооружение, лучше всего замок или монастырь. Созданное на первом этапе правление за год проведет все подготовительные работы: разобьет сады, начнет постройки, заведет животных.

Необходимо с самого начала помнить о главном, третьем этапе, когда будет осуществлено последовательное привлечение и устройство на работу членов фаланстера. Если организаторы не будут «приучать этих начинающих к развитию притяжения, приводить к выявлению их страстей, их вкусов, их инстинктов», то вся затея «превратится в простую компанию акционеров».

Фурье подчеркивает, как важно организовать не просто людей строя Цивилизации, а гармонийцев и подвести их к «трудовому притяжению путем быстрого образования серий по страсти».

Учитель советует создавать серии в первую очередь таких видов деятельности, как поварское искусство, разведение овощей, цветов и животных. Нужно не забывать и оперу. Результаты не замедлят сказаться. Как только народ соседних городов и деревень проведает об образе жизни начинающих гармонийцев, о том, что они выполняют работы по желанию и способностям и трудятся небольшими сеансами, об их разнообразной и вкусной пище, о музыкальных развлечениях, о заботливых руководителях, то объявится масса желающих.

Построив в первый период одно крыло фаланстера, можно будет принять 400 новичков. Это должны быть в первую очередь плотники, слесари, сапожники, учителя. Достигнув численности 700 человек, ядро фаланги сможет уже придать работам некоторую парадность. По группам, со знаменами, под звуки фанфар или исполняя торжественные гимны, фалангийцы будут выходить на поля. После выполнения следующей части подготовительных работ можно принять новую группу желающих. Хорошо, если это будут деятели искусств, мастера ремесел.

Фурье составляет рабочую таблицу, которая потребуется для распределения членов фаланги согласно их характерам, темпераменту и возрасту. Пишет памятки о порядке ведения финансовых дел. Составляет смету расходов предполагаемых работ. Выведенная сумма затрат достигла... 15 миллионов.

Понимая, что при всех стараниях такой капитал собрать по подписке невозможно, ученики сделали перерасчет. Но самые скромные планы для «сокращенной» фаланги требовали 1 миллион 200 тысяч франков.

Таковы были проекты. На практике все стало иначе.

Приобретенный земельный участок в Кондэ-сюр-Вегр находился возле Рамбуйе, в 60 верстах от Парижа. Еще в «Книжке возвещения о Новом мире» Фурье говорил, что опытный фаланстер надлежит основать где-либо в окрестностях Парижа, так как этот город стоит на перекрестке всех дорог мира и сюда охотнее всего совершают путешествия не только европейцы.

После продолжительных переговоров к участку за умеренную цену присоединили еще два смежных, которые принадлежали землевладельцу Девейю, тоже увлекавшемуся фурьеризмом.

От сорока семи акционеров собрали капитал в 318 тысяч франков. А для того чтобы в общество вступили бедняки, акции в 500 франков разделили на купоны по 300, 200 и 100 франков. 318 тысяч — это далеко не 15 миллионов и даже не 1200 тысяч, которые, по предварительным подсчетам, требовались для опыта. Но, несмотря на незначительность суммы, душевный подъем у членов созданной компании был необыкновенный.

Обязанности распределили по желанию — каждый из учеников стал во главе какой-либо отрасли. Фурье единогласно назначили «директором общественного механизма». Главой акционерного общества стал Бодэ-Дюлари.

Агроному поручались все земледельческие работы. День и ночь сидел над чертежами архитектор. Почти каждое утро начиналось со споров вокруг постоянно изменяющихся проектов.

Наконец приступили к земляным работам. Фурье настоял: нужно начинать со строительства помещений для рабочих и улицы-галереи. Первостепенного внимания требуют и дороги. Это они отравляют существование сельского жителя, делаясь непроходимыми на значительную часть года. Не могла не сказаться давнишняя любовь Фурье к цветоводству: вопреки здравому смыслу он настоял на немедленном приобретении и посадке необыкновенных экзотических деревьев и цветов, на что потребовались большие средства.

Неумение руководителя организовать и себя и людей в первые же месяцы существования компании повлекло за собой ненужные разногласия, споры.

В письме Мюирону в марте 1833 года Фурье жаловался: «Наш архитектор, против которого я один боролся, образумился наконец и вместо покупки леса на 25 тыс. франков ограничился 11. Вы не можете себе представить,

сколько стоило мне трудов указать компании на эту неразумность — истратить сразу на покупку одного материала все, а может, даже больше того, что можно иметь в кассе. Он надеется, что прибудут фонды. Но если на них рассчитывать, то это не по-хозяйски. Приходится тратить много сил, чтобы привести их к этой самой малой дозе благоразумия...»

Один из фалангистов, Ш. Пелларэн, впоследствии вспоминал: «Мы в то время были очень молоды, неопытны, а «добряк», несмотря на некоторые странности, судил намного лучше, чем каждый из нас, о практичных вещах. Он был нашим учителем не только в теории».

Между тем борьба Фурье со вздорным архитектором продолжалась.

В письме Мюирону от 22 мая 1833 года читаем:

«К нам прибыло несколько акционеров. Их было бы в 10 раз больше, если бы архитектор не затягивал и не менял постоянно планы, которые сегодня он сам признает смешными. Но гордыня мучила его. Это вздорный спорщик, который хочет круглого, если другие квадрата, и квадрата, когда другие — круглого. Я высказался за его освобождение и за то, чтобы взять другого подрядчика».

Из письма, отправленного через месяц, мы узнаем, что вопрос об уходе архитектора решен. Но что же он настроил?.. «Свинарник с превосходными стенами в 18 дюймов из прекрасных камней, а здания для хозяев — со стенами в 6 дюймов из глины с соломой. Так что свиньи будут жить лучше, чем господа. В то время как свиней можно было временно поместить в дощатый барак, как в Безансоне содержат офицерских лошадей — особ, гораздо более важных, чем свиньи. Больше того, он возвел стены свинарника, не сделав в них дверей, так что свиней утром и вечером приходится поднимать блоками...

В столярной мастерской окна разместил так высоко, что рабочие во время работы на своих верстаках ничего не увидят. Но он считает, что высоко размещенные окна лучше украшают внешнюю сторону зданий. Четыре печи в булочных будут разорительны, так как построены очень маленькими.

Из этого нужно сделать вывод, что необходим совет по надзору, который ежемесячно будет давать замечания. Но что он сделает по тому, что уже сделано? Не нужно закрывать глаза на то, что колония близка к разрушению».

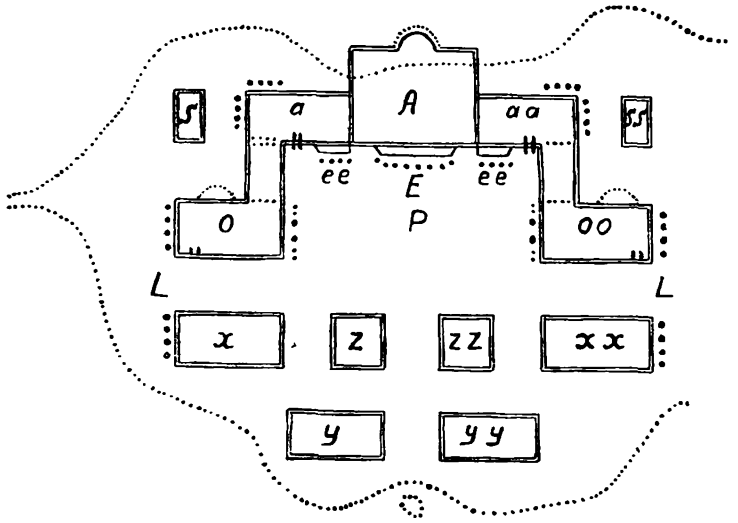


Схема фаланстера, составленная Шарлем Фурье.

Предвидя распад задуманного дела, Фурье удручен больше всех. Он уверен, что это козни врагов, стремящихся любыми средствами подорвать основы его теории. Это они все заранее предусмотрели — вначале втянуть в компанию господина Дюлари, в процессе работ неустанно вредить, а «когда всем будет очевидно, что из предприятия ничего не получается, тогда сказать: «Вот они — планы Фурье... А коллеги Трансон, Лешевалье, Консидеран и Пелларэн ничего этого не видят». Болезненная мнительность Фурье обрушилась даже на ближайших соратников.

Об этом настроении метра Ш. Пелларэн вспоминает: «Фурье, конечно, ошибался, приписывая кому-либо преднамеренные планы помешать созданию колонии в Кондэ. Во всем остальном он был прав. И не исключение из этого то, что он говорит о нашей непринципиальности, нас, которых, несомненно, лишь по своей скромности он удостоил титула «коллеги».

К осени общий энтузиазм начал спадать. Новых акционеров не предвиделось — стало очевидным, насколько ограниченными средствами располагала компания. Неудач-

ное распределение средств, в том числе непродуманная закупка дорогостоящих экзотических растений, строительство улицы-галереи потребовали непомерно больших затрат. Это вызвало недоверие у акционеров, и держатели мелких купонов стали выходить первыми. После долгих споров и колебаний было принято решение о прекращении строительства. Выплатив другим акционерам деньги из собственных средств, Бодэ Дюлари оставил все постройки за собой.

Шарль Пелларэн впоследствии вспоминает об этой первой попытке 1832 и 1833 годов применения «социетарной теории»: «Справедливо сказать, что из всех тех, кто был причастен к делу, Фурье проявлял больше всех практического здравомыслия, больше благоразумия и прозорливости. К несчастью, к его мнению всегда обращались слишком поздно, когда зло уже было сделано».

Так производственно-потребительская кооперативная община, на которую Фурье возлагал столько надежд, закончила свои дни еще в зачаточном состоянии.

Но Фурье не теряет присутствия духа. 27 ноября 1833 году он пишет Мюирону:

«Нужно создать отчет о колонии в Кондэ. Это важно не только для меня, но и для моих друзей. Этот отчет продемонстрирует, что опыт в Кондэ — это постройка для обыкновенных людей, без учета требований фаланстера, без разделения на серии. На эти ошибки нужно сослаться, предлагая опыт министру или другим...»

Крах колонии в Кондэ как будто подтверждал, что теорию учителя вряд ли возможно осуществить на практике. В ее правильности начинают сомневаться даже самые верные сподвижники. Но как ни в чем не бывало Фурье продолжает пропаганду «открытия». В течение зимы 1833/34 года он выступил с несколькими докладами. Он никогда не был хорошим оратором. В своем ординарном аккуратно вычищенном платье с белым галстуком он в первые минуты не привлекал внимания аудитории, но, стоило ему разговориться, его убежденность приковывала слушателей. В каждом слове слышалась необыкновенная сила. Он говорил тоном пророка, волею бога постигшего и познавшего законы развития человеческого общества. Он говорил тоном человека, не знавшего поражений.

«СОЦИЕТАРНАЯ ТЕОРИЯ» ПРОНИКАЕТ В РАБОЧУЮ СРЕДУ

Несмотря на печальную участь колонии в Кондэ, популярность фурьеризма растет. Еще в 1832 году на страницах журнала «Фаланстер» Консидеран и Лешевалье высказали мысль, что «открытие» учителя должно быть использовано в первую очередь в интересах пролетариата. Фурьеристы Жуан и Говен утверждали, что осуществить «социетарную теорию» могут только трудящиеся и лишь она поможет им избавиться от гнета и нищеты.

В конце 1833 года Фурье получил письмо от Бербрюгте из Лиона, который сообщал, что в последние четыре месяца его публичные доклады о фурьеризме пользуются особым успехом и собирают большие аудитории.

В лионских газетах появляется целый ряд статей фурьеристского толка. То, что именно в этом городе его идеи получили распространение, вряд ли было неожиданным для Фурье. Не мог не сказаться тот факт, что он подолгу жил в Лионе и его имя было там известно еще со времен революции и империи.

На протяжении 1833 года несколько статей о Фурье принадлежали перу лионского набойщика Рувьера-младшего. Отмечая бедственное положение народа, он говорил: рабочий люд будет «гибнуть в смертельных муках нищеты», если не обратит свое внимание на «сельскохозяйственную и промышленную ассоциацию, предложенную Шарлем Фурье». Это единственный путь освобождения трудящихся...

Демократическая газета «Глянез» опубликовала письмо к правительству, в котором говорилось: преступление тратить народные деньги на военные сооружения вокруг Лиона — целесообразнее их употребить на устройство фаланстера.

В июле 1833 года местная газета «Бон санс» под видом «письма в редакцию» поместила заметку «О системе Фурье» за подписью Беранже, рабочего-часовщика. Автор говорил, что фантастические и полуфантастические пророчества не главное в интересующем его учении. Сам автор, по словам Беранже, не относится серьезно к подобным фантазиям. Нужно видеть, что главное в его системе — это желание «покончить с неурядицей и злоупотреблениями, царящими в обществе», и перейти к совер-

шенно иному — лучшему социальному строю». Предлагаемый план создания ассоциации вполне отвечает интересам рабочих...

И как бы в подтверждение этой мысли осенью 1833 года в Париже группа токарей-мебельщиков, не добившись от хозяев повышения заработной платы, создала свою независимую артель и стала продавать продукцию без торговых посредников. Почин мебельщиков поддержали сапожники. Вслед за ними создали свои объединения каретники и кожевники. В период подъема стачечного движения создание подобных артелей стало массовым.

Не случайно, что интерес к различным проблемам фурьеризма вослед за лионскими проявили и парижские рабочие газеты. Критически, но в то же время доброжелательно отнеслась к идеям Фурье самая популярная среди тружеников столицы газета «Ателье». Ее редакция целиком состояла из рабочих. Здесь соглашались с Фурье в том, что всестороннее развитие человеческих склонностей и способностей возможно только при соответствующих общественных условиях.

В декабре 1833 года на улицах Парижа можно было встретить «глашатая», который, размахивая над головой веером маленьких брошюр, выкрикивал их названия. Он предлагал книжечки так настойчиво, что прохожим трудно было не остановиться и не полезть в карман за мелочью. Это были издания недавно возникшего «Общества прав человека и гражданина». В них резко критиковалась политика правительства, деятельность которого не соответствует интересам французского народа. Брошюры призывали рабочих создавать кооперативные ассоциации, которые в обществе будущего станут владеть орудиями труда и государственным кредитом...

Повторяя идеи якобинцев, в основном известную Декларацию прав человека и гражданина, в свое время представленную Конвенту Робеспьером, «Общество» призывало установить республику, способную создать самое дешевое правительство.

«Только республика, — обещали от имени «Общества» его руководители, — обеспечит возможность полного и свободного развития физических и умственных способностей каждого гражданина».

Появление брошюр «Общества» взволновало политический мир Франции. Газета «Французский курьер» напомнила читателям, что Декларация Робеспьера в свое время была отвергнута Конвентом, а редактор газеты «Бон санс» предупреждал: провозглашение принципов «Общества» может отбросить страну во времена варварства... Но вопреки мнениям официальной прессы «Общество» приобретает популярность не только во Франции, но и за ее пределами: в организацию вступают итальянцы, немцы, поляки. В ее секциях даже готовится покушение на Николая I, и только уведомление французской полицией русского посла в Париже об этом замысле помешало выехавшим из Франции корсиканцу Франчески и его другу Пьераччи осуществить свой план.

Деятельность «Общества» не прошла мимо внимания Шарля Фурье, тем более что в брошюрах он мог вычитать частичную эксплуатацию собственных идей. Реакция Фурье недвусмысленно враждебна. В эти месяцы он пишет статью «Какофония в Париже по поводу ложных прав человека и ложной ассоциации», в которой высмеивает идеи «Общества» как несостоятельные и заимствованные. После четырех с лишним десятилетий, минувших со времени революции, возобновились старые споры о правах человека. Опять загремели в воздухе красивые лозунги и фразы. Рабочие мечтают, что новое «Общество» установит им такой порядок, когда они вместе с предпринимателями будут определять размеры заработной платы. Крестьяне надеются, что их не станут больше обирать дорожными поборами, а солдаты грезят о том, что получат гражданские права наравне с командирами, а к старости еще и пенсии. И что все-все будут трудиться, а в школах введут бесплатное обучение... Наивные люди! Они никак не хотят понять, что все это неосуществимо, пока человечество не придет добровольно к идее фаланстеров.

ВЕСТИ ИЗ-ЗА ГРАНИЦЫ

Еще в конце 1832 года Фурье получил несколько сообщений о том, что у него появились последователи за пределами Франции. Как-то навестила его англичанка Анна Уилер и рассказала о своем увлечении социалистическими идеями. После этого знакомства по рекомендации Уилер стали приезжать к нему молодые люди, кото-

рые искренне интересовались «социетарной теорией». Они горели жаждой поскорее впитать в себя все, что Фурье создавал целую жизнь. От них он и узнал, что в Лондоне возникло кооперативное общество, где подготовлены к изданию брошюры с подбором выдержек из его сочинений. Это были первые шаги фурьеризма в Англии.

После поражения польского восстания 1831 года в Париже появилось много польских эмигрантов. Бывшего вице-президента «Патриотического общества» в Варшаве Яна Чиньского представила учителю фурьеристка Зоя Гатти де Гамон. Этот восторженный юноша не только сам немедленно обратился в фурьеристскую веру, но и стал убежденным пропагандистом «социетарной теории» среди польской эмиграции.

В этом же году состоялось очень лестное для Фурье знакомство с одним удивительным немцем. Оказывается, сын крестьянина Людвиг Галл уже более десяти лет занимался распространением фурьеризма в Германии. Еще в 1819 году он организовал в Трире трудовую общину «Союз ради предоставления бедствующему немцу работы, заработка, удовлетворительного жилья и владения». Затем, воодушевленный идеями Фурье, он делает попытку организовать подобную же ассоциацию в Америке. За последние годы он написал несколько статей, посвященных ассоциации. Как и учитель, он абсолютно убежден в возможности мирного союза капитала, труда и таланта.

И еще радость была у Фурье: недавно из Италии получил сочинение от сицилийца барона Джузеппе Уорвайя, бывшего карбонария. На томике дарственная надпись: «Великому фурьеристу». С интересом пролистал, узнавая свои мысли, но удивительно своеобразно переработанные.

Италия, терзаемая внутренними противоречиями, в те годы особенно интенсивно впитывала различные социалистические учения. Ему стало известно о выходе серии статей вождя «Молодой Италии» Джузеппе Мадзини, посвященных фурьеризму. Хотя Мадзини отчасти и критиковал Фурье, но тут же утверждал, что труды фурьеристской школы со временем займут достойное место среди великих мировых учений.

Из новых своих последователей Фурье особо отметил еще одного итальянца — Джузеппе Бучелати. Тот про-

жил в Париже четыре года, часто встречался с учителем и, возвратившись на родину, со свойственной ему пылкостью весь отдался пропаганде фурьеризма. Вскоре в миланских газетах появилось несколько его статей и брошюр о «социетарной теории».

Французская фурьеристка Зоя Гатти де Гамон и ее муж Джузеппе Гатти переписывались с неким Пьеро Марончелли, который затем, перебравшись в Америку, стал активно сотрудничать с тамошними фурьеристами.

Итальянские фурьеристы действовали в одиночку, иногда маленькими группами независимо друг от друга. Стихийность этого процесса была еще одним свидетельством заразительности идей Шарля Фурье. Но теорию его воспринимали далеко не однозначно: одни безоговорочно восхищались, другие находили в ней некоторые изъяны, бранили за рационализм. Раздавались и откровенно враждебные голоса. Всерьез обсуждалась в итальянских газетах возможность приспособления фурьеризма к особенностям этой страны.

Несколько писем получил Фурье из Соединенных Штатов от Альберта Брисбейна. Год тому назад Брисбейн вернулся в Америку, и его активная агитация за создание опытных фаланг незамедлительно сказалась. В начале 40-х годов XIX века (Фурье не доживет до этого времени) в Америке было создано около... 20 тысяч фаланстеров. Правда, в результате эти акционерные объединения оказались весьма далеки от идей Фурье, но сызначала они создавались по принципам ассоциации, с учетом разнообразия интересов, привлекательных форм труда, задач всеобщего воспитания...

Пожалуй, чаще других новичков приходил в комнатку на улицу Ришелье молодой румын по фамилии Диамант. Тудораке Мехтупчиу Диамант приехал в Париж из Бухареста и, занимаясь в одной из высших школ, вскоре примкнул к фурьеристам. Вся его неуемная энергия, казалось, уходила теперь на то, чтобы приобщать к идеям Фурье своих земляков и знакомых. Всякий раз с его приходом в комнате метра становилось тесно — от шума, от обилия жестов и прожектов. Диамант тут же выкладывал несколько новых вариантов плана великого переустройства Румынии на социетарных началах. Он был

глубоко уверен, что именно благословенная румынская земля первой «превратится в обитель счастья и послужит примером для других народов».

Во время этих посещений Фурье искренне любовался целеустремленностью Диаманта. Да и он сам того же мнения, что опыты можно начинать не только в окрестностях Парижа и что результаты скажутся куда быстрее, если создать одновременно несколько фаланстеров в разных странах...

Однажды Фурье признался Диаманту: «В отношении моей системы я не рассчитываю на французов. Они, как и итальянцы, испанцы и немцы, увязли в строе Цивилизации; но я рассчитываю на Восток, особенно на русских, которые, как все славянские народы, весьма склонны к общности».

Диамант не ограничивался выступлениями на организованных собраниях и встречах. Не раз он поднимался на сооруженную друзьями наспех шаткую трибуну и прямо на улицах и площадях Парижа вещал о выгодах ассоциации. Пламенная речь юноши собирала толпы парижан.

Как-то примчался к Фурье со своей только что вышедшей из печати брошюркой. Как ребенок радовался пахнущим типографской краской листкам. Опубликовал статью анонимно, на французском языке. В ней постарался по-своему объяснить, почему восстали лионские ткачи. Бедные не перестанут отнимать у имущих до тех пор, пока не наступит изобилие, а изобилие возможно лишь при общественном хозяйствовании...

Вернувшись в Бухарест, Диамант, этот высокообразованный инженер, отказался от выгодных должностей, до конца жизни отдав всего себя пропаганде фурьеризма.

Словом, Фурье воочию убеждался, что его «открытие» уже выходит за пределы Франции. Это не просто популярность. Для современников он становится полулегендарной личностью. О нем повсюду ширится молва, устная и письменная, ему посвящают панегирики, его избирают в качестве объекта своих насмешек сатирики и карикатуристы. На одной из карикатур он изображен с хвостом, на конце которого прицеплен огромный глаз, а внизу подпись, что его теории сводятся к тому, чтобы на земном шаре создать людей, «вооруженных хоботами, рогами, костями и хвостами».

Но он уже привык к насмешкам.

По причине недостатка средств 23 февраля 1834 года вышел последний номер журнала «Фаланстер». Ученики решили сосредоточить теперь свою деятельность на издании отдельных пропагандистских брошюр. Оглядываясь назад, можно было сказать, что журнал сослужил движению немалую службу: только Фурье на его страницах опубликовал 83 статьи. Важно и то, что «Фаланстер», не замыкаясь на задачах популяризации, успевал освещать самые разнообразные вопросы общественной жизни Франции. Обращаясь в своих критических статьях к проблемам литературы, Консидеран, а за ним и другие авторы призывали писателей смелее обнажать язвы существующего строя.

В 1833 году в статье «О нынешнем направлении литературы» Виктор Консидеран писал: «Разве мы так богаты картинами счастья и гармонии, разве вина художников, если наше общество является обширной мастерской, где дружно трудятся пороки, преступления, нищета и бедствия? Разве их вина, если постоянно обнаруживаются трупы в моргах, если переполнены тюрьмы, галеры и больницы, если кровью окрашен помост гильотины, если палач настолько необходим, что без него и без его помощников, без тюремщиков и жандармов наша цивилизация не просуществовала бы и двадцати четырех часов? Разве их вина, если повсюду властвует разврат, если пучина проституции поглощает ежедневно и не возвращает никогда целое племя прекрасных девушек, если охлаждение и измена проникают в наши самые интимные отношения, если прелюбодеяние метит наши брачные контракты? Их ли вина, наконец, если осталась в живых лишь одна религия — религия денег, один лишь культ — культ золотого тельца?»

Задачи литературы — показать ужасные, нечеловеческие страдания, все язвы современного строя. «Искусство, — по словам Консидерана, — должно разъять на части нашу цивилизацию, выставить напоказ, без покрывала безобразную, отвратительную, такую, какая она есть на самом деле».

К середине 30-х годов во Франции в результате обострения классовых противоречий начинается новая волна революционных битв. В апреле 1834 года парижские газеты были полны сообщениями о лионских событиях.

Опять в городе ткачей раздался боевой клич: «К оружию!», опять кареты, телеги, дилижансы, камни мостовых, бочки и доски, мебель из домов пошли на сооружение баррикад. Потребовалось два часа, чтобы большинство улиц Лиона были перерезаны баррикадами. Над трактиром Бувра восставшие водрузили красное знамя. Бои на улицах города продолжались семь дней.

Толчком к восстанию послужил судебный процесс над организаторами стачки, имевшей место в Лионе еще в феврале. Возбуждение народа возросло также в связи с изданием 25 марта закона против нелегальных союзов. Восстание было подавлено с большой жестокостью. В Париже ожесточенные уличные бои, как отклик на лионские события, продолжались два дня.

Фурье следит за выступлением рабочих в Лионе. Он уверен, что их борьба справедлива и «это их сопротивление является весьма законным и весьма естественным».

Консидеран об этих же событиях пишет, что частые восстания рабочих Лиона неизбежны, они не могут быть предотвращены репрессиями. Только произвол предпринимателей, голод и безработица толкают пролетариев на путь революции. Признавая стачку как метод пролетарской борьбы, он в то же время призывает рабочих не связывать свои интересы с борьбой политических партий, так как это принесет только пролитие крови. Он даже обращается к частным партийным деятелям с призывом «перестать компрометировать дело пролетариата» вовлечением его в борьбу за «кровавую республику».

Высоко оценивая решимость лионцев, и Фурье и Консидеран, однако, далеки от мысли, что именно этот восставший во имя хлеба и работы рабочий люд сможет стать преобразователем общества.

Фурье упорно размышляет о судьбах зарождающегося рабочего класса. Он видит борьбу пролетариев за свои права, видит и то, что эта борьба все обостряется. Но принадлежит ли данному классу будущее? Фурье в этом совсем не уверен. Более того, он приходит к огорчительному для себя выводу, что народные массы не подготовлены к тому, чтобы правильно понять и принять его «открытие».

Он не считает восстание лучшим способом доказывать свои права. Обоюдная жестокость мятежников и солдат возмущает его до такой степени, что он даже готов принять сторону усмирителей, о чем и сообщает откровенно

в одном из писем Мюирону по горячим следам бойни на парижской улице Транснонен: вот, мол, когда настал момент обратиться к правительству!

В какую бы сторону ни разгорались политические пожары, статьи Фурье 1834 года по-прежнему нацелены на пропаганду «открытия», он снова полон надежд, снова обращается к «кандидатам», недвусмысленно называя одну из статей «Обзор кандидатов». В последних номерах «Фаланстера» две его статьи предназначены специально для министра внутренних дел Луи Адольфа Тьера; Фурье стремится заинтересовать его налоговым вопросом, который можно урегулировать с помощью ассоциации. Это кажется немыслимым: он взывает к Тьеру — ярому монархисту, на руках которого еще не остыла кровь преступления на улице Транснонен, Тьеру — будущему палачу Парижской коммуны. И все же это так.

Обращаясь к министру-«кандидату», Фурье возмущается и «лживой торговлей», и «лживыми друзьями народа», а особенно «слепым либерализмом», усматривая в либерализме одно из самых опасных общественных заблуждений, которое под маской народности ничего не дает народу — ни работы, ни хлеба, а только питает его торгашескими иллюзиями. Современному либерализму Фурье противопоставляет истинное свободолюбие, которое достижимо только при строе Гармонии.

Среди его публикаций этого года, кроме яростных нападок на критиков, выступающих против «открытия», встречаются и статьи в адрес тех учеников, которые искажают его идеи: он старается показать ошибочность их доводов и предостеречь от возможности раскола, так как это принесет только вред всей школе. Но не одни только огорчения доставляют ему ученики. Фурье видел, сколько сил и энергии прилагает Виктор Консидеран, чтобы поддержать дух единства среди фурьеристов. От души порадовался учитель, когда получил только что вышедшую из печати первую книгу Консидерана «Предназначение общества». Автор, разделяющий политические иллюзии учителя, посвящал ее ни много ни мало самому «королю, который в качестве главы правительства и первого собственника Франции больше всего заинтересован в общественном и частном преуспевании, в счастье индивидуумов и нации». Консидеран уверял, что фурьеризм не

имеет ничего общего с революционным движением, он — за «совершенно мирное решение» проблемы — путем создания «истинной ассоциации», которая «гармонически сводит воедино интересы капитала, труда и таланта».

Несмотря на очевидную тенденцию к политическому компромиссу, выход в свет первого тома «Предназначения общества» знаменовал собой переход фурьеризма к широкой и активной пропаганде «социетарной теории».

Франция, Германия, Италия, Англия... Год от года увеличивалось число стран, в которые проникало учение великого мечтателя XIX века.

В середине 30-х годов к этому перечню добавилась соседняя Испания.

В мадридских газетах стали появляться фурьеристские статьи Хоакина Себастьяна Абреу. С этим пионером фурьеризма в Испании Фурье впервые встретился в те дни, когда «социетарная школа» жила заботами, связанными с опытом в Кондэ.

В конце июля 1834 года Фурье получил сообщение от Диаманта о том, что в Румынии уже сказались результаты пропаганды фурьеризма. Письмо в Париж привез сподвижник Диаманта Николай Крецулеску, которому было поручено сопровождать Фурье до Бухареста. Диамант, конечно, оговаривался: если метр даст свое согласие на поездку. Но притом настойчиво убеждал, что его приезд крайне необходим. В Валахии уже подобраны три земельных участка, там есть постройки, есть люди, «которые преклоняются перед Вашим гением». Это помещики, врачи, профессора, они предлагают деньги и личное участие. Архитекторы добровольно берутся проектировать постройку фаланстера. Эти «друзья свободы, справедливости и порядка» собрали по подписке необходимые средства. «И нужно только Ваше присутствие, ваши подробные расчеты, столь необходимые при строительстве». Диамант уверял, что уже в нынешнем году будет начато строительство и успех обеспечен.

Однако Фурье не поехал в Бухарест, как ни убеждал его Крецулеску. Он не настолько хорошо себя чувствовал в последние годы, чтобы собраться в такой неблизкий путь, да и, признаться, не совсем он верил в успех начинания пылкого Диаманта. Но на сей раз интуиция его подвела — румынский фаланстер все же был создан.

В Скоени, недалеко от Плоешти, в имении помещика Манолаке Бэлэчану, который стал и руководителем строя-

щейся колонии, местные власти в марте 1835 года зарегистрировали ее под именем «Сельскохозяйственного и промышленного общества». Около 70 колонистов, в том числе бывшие крепостные цыгане Бэлэчану, которые, получив вольную, вступили в колонию, занимались здесь земледельческим трудом и ремесленными работами, а также изучали науки и искусства.

Колония просуществовала недолго. Группа реакционных помещиков потребовала от властей принятия строгих мер, так как этот, по их мнению, плод «крамольного французского духа» чреват революцией. Представители полиции нагрянули в Скоени с обследованием, но не нашли на месте ничего предосудительного. И все же наличие в колонии вооруженной охраны дало основание властям в декабре 1836 года подписать распоряжение о ее роспуске. Колонисты распоряжению не подчинились, посему присланный властями отряд жандармерии вынужден был взять фалангу приступом. Колонистов разогнали, а организаторы были арестованы.

Однако Диамант не собирался опускать руки. Не один раз и после этих событий обращался он к правительству со своими планами организации различных колоний. Увы, его обращения не имели теперь никакого отзыва.

СНОВА ДЕТСКАЯ ФАЛАНГА

Фурье, казалось, не сломила неудача опыта в Кондэ. Двенадцать лет назад он не напрасно подробнейше познакомился с методами воспитания детей, разработанными Робертом Оуэном. Крах опытной фаланги приводит Фурье к мысли, что людей нужно заблаговременно готовить к «ассоциации», соответствующим образом воспитывать. Отсюда единственно правильным путем перехода к строю Гармонии может быть только создание детского фаланстера. Именно в детских колониях на практике будут проверены основные положения «социетарной теории».

Еще летом 1833 года в журнале «Фаланстер» были опубликованы одна за другой три статьи, где Фурье предлагал подробный план такого опыта.

Он убеждал, как всегда, во всеоружии цифр. Во-первых, для детского фаланстера потребуется меньше денежных средств. Кроме того, его создать легче и потому, что у детей нет двух страстей: семьялюбия и любви. Нужно

только начать «маленький опыт», и со всего мира будут прибывать желающие посмотреть, как это «дети, которых считали бездельниками, не поддающимися воздействию дисциплины, стали за один месяц фениксами производительного труда и соревнования». Потребовав небольших затрат, детская фаланга вскоре даст баснословные прибыли, «школа инстинктов получит 20 миллионов за свои резервные акции и тогда, уже к концу первой кампании, может быть преобразована в фалангу большого масштаба». Так начнется переход к строю Гармонии.

29 марта 1834 года Фурье пишет Мюирону:

«Мое дело не потребует 6 месяцев, нужно всего 6 недель обучения и 6 недель подготовки.

Два дня назад я получил письмо от общества дамфилантропок... они собрали из приютов 1700 бедных детей. Я отвечу им, что только по моей методе они обеспечат образование, благосостояние этим детям. Я посоветую министру обратить на это внимание и предложу по подписке основать три колонии: одну исправительную (тюремную), вторую — на научной системе по выбору института и третью — в привлекательной методе, испытываемой на детях. Моя третья пройдет незамеченной среди двух, но выиграет быстрее».

Фурье снова готовит расчеты по организации этих трех опытных фаланг: только на две фаланги потребуется по 1 миллиону, 600 тысяч — на привлекательную и 400 тысяч — на непредвиденные расходы.

Всего 3 миллиона!

Фурье предлагает самый, по его мнению, рациональный путь устройства детского фаланстера — существующие в стране приюты для детей-сирот реорганизовать по принципу ассоциации. Этот опыт будет сам по себе достаточен, чтобы отказаться раз и навсегда от строя Цивилизации: «Всякий, увидев явления производственного влечения, свободный порыв скрытых и ценных инстинктов, придет к заключению, что следует организовать отцов и матерей, так же как организованы дети, и тогда фаланги, в которых объединятся все возрасты, люди любого состояния, через несколько месяцев станут образцом для всеобщего подражания».

Но и этот проект также остался только на бумаге.

Глава XI

«ЛОЖНАЯ ИНДУСТРИЯ»

В декабрьские дни 1835 года внимание Фурье привлек собравшийся в Париже конгресс историков. Правая пресса была полна резких нападок по поводу выступления фурьеристов на заседаниях конгресса. Да и как могло быть иначе, если они обрушились на философские и исторические науки в выражениях, так напоминающих филиппики учителя. Участники конгресса с возмущением встретили эти выпады провозвестников новой «социальной науки». События этих дней бурно обсуждались в комнатке метра. Он был доволен — спор на конгрессе стал как бы продолжением его выступлений против всех существующих и существовавших философских систем.

В этом году особенно много пришлось ему уделить внимания полемике с сенсимонистами. Она нашла отражение в только что вышедшей новой книге Фурье «Ложная индустрия».

В «Ложной индустрии» автор снова обрушивается на тех, кто его «социетарную теорию», его «открытие» рассматривает как часть сенсимонизма. Фурье стремится убедить своих противников в том, что не он, а сенсимонисты выступают против собственности, он же «разработал 24 меры, гарантирующие ее сохранение».

Философы всех времен, с сожалением констатирует он, боролись против властей, против духовенства, против сторонников традиционного порядка вещей. Его «социетарная теория» не угрожает ни правительству, ни собственникам, ни духовенству. Он вовсе не желает «быть причисленным к представителям сенсимонистской доктрины, противоречащей всем мечтам о гарантии собственности... всем антитеоретическим принципам наших многочисленных конструкций...».

«Ложная индустрия» стала последней работой философа, опубликованной при его жизни. Первая часть кни-

ги увидела свет в 1835 году и приобрела славу самого хаотического по структуре произведения Фурье. Автор, казалось, сделал все возможное, чтобы затруднить читателю восприятие книги.

Болезненно боясь стать жертвой плагиата, он сознательно запутывал композицию книги, пропускал целые разделы, недоговаривал фразы. Читатель оставался в недоумении и от странной нумерации страниц: сначала шел счет от 0 до 77, затем от 13 до 348, а потом непонятный скачок на страницу 433.

Фурье делает в некоторых листах сознательные повторы, помещая один за другим одни и те же абзацы. Это, полагает он, необходимо для лучшего усвоения, ибо его новую для человечества теорию нельзя усвоить с первого раза. Бессистемное нагромождение проблем оставляет впечатление, что автор боится что-то забыть из громадного круга идей, выдвинутых им в разные годы.

Новых проблем его «социетарной теории» в «Ложной индустрии» мы фактически не находим. Все изложенное, причем в более читаемой форме, уже было в предыдущих произведениях. Здесь снова представлены и критика строя Цивилизации, и анализ «ложной индустрии», и план организации общества строя Гармонии...

В «Ложной индустрии» снова — и в который уже раз! — обращаясь к теме «кандидата», Фурье заявляет, что первым кандидатом Франции следует считать Луи-Филиппа. Только созданием ассоциации можно спасти короля от учащающихся покушений на его жизнь и прекратить в стране заговоры.

В течение 1835—1836 годов Фурье настойчиво домогается рассмотрения его проектов Луи-Филиппом: «В фельетоне-анонсе, — пишет он Мюирону 18 декабря 1835 года, — я еще больше буду настаивать на интересах короля...» И после очередного покушения на Луи-Филиппа в одной из статей утверждает ничтоже сумняшеся: «Если он хочет покончить с заговорами, то, как средство, ему нужно только мое посредничество. Я приму меры, чтобы ему это прокомментировали...»

«Завтра я напишу его старшему сыну с просьбой вручить мое письмо королю. Можно быть уверенным, что вручить письмо сыну будет проще, чем отцу...»

О трогательной, хотя и приобретавшей иногда оттенок маниакальности, вере Фурье в «кандидата» свидетельствовал знаменитый Беранже в своем отклике на первую

мемуарную публикацию, посвященную покойному мыслителю.

«Я упрекну Вас за то, — писал он автору воспоминаний, — что вы не пополнили биографию чертой Фурье, которая, как мне кажется, превосходно его рисует. Это та точность, с которой в течение 10 лет он всегда приходит к себе в полдень, в час свиданий, назначенный в объявлениях богатому человеку, который смог бы доверить ему миллион для создания фаланстера. Нет ничего более трогательного, чем эта вера, такая живая и такая долговременная. О! Как бы я хотел иметь миллион, чтобы его ему вручить! Хотя его наука кажется мне неполной, а человек им самим рассматривается только с точки зрения материального порядка».

Пьер Жан Беранже, чьи блестящие сатирические стихи распевала в те времена вся Франция, несколько своих песен посвятил утопистам. Одну из них он назвал «Безумцы», парадоксально сблизив в ней Фурье с «распятым богом».

Оловянных солдатиков строем
По шнурочку равняемся мы.
Чуть из ряда выходят умы:
«Смерть безумцам!» — мы яростно воем.
Поднимаем бессмысленный рев,
Мы преследуем их, убиваем —
И потом мавзолей воздвигаем,
Человечества славу прозрев...
«Подними свою голову смело, —
Звал к народу Фурье: — разделись
На фаланги и дружно трудись
В общем круге, для общего дела.
Обновленная вся, брачный пир
Отпирует земля с небесами,
И та сила, что движет мирами,
Человечеству даст вечный мир...»
По безумным блуждая дорогам,
Наш безумец открыл Новый свет;
Нам безумцем дан братства завет,
И распятый безумец стал богом.
Если б завтра Земли нашей путь
Осветить наше Солнце забыло, —
Завтра ж целый бы мир осветила
Мысль безумца какого-нибудь.

Видимо, такое сближение отчасти было продиктовано поэту характером некоторых высказываний Фурье на религиозные темы, о которых следует сказать особо.

О БОГЕ

В 1836 году против Фурье выступила католическая церковь. Папой Григорием XVI была издана энциклика, в которой осуждалась «социетарная теория» французского мыслителя. Его сочинения были включены Ватиканом в указатель запрещенных, а клерикальная пресса подняла кампанию против его «материалистической ереси» и против самого «ересиарха».

Для Фурье обвинение в безбожии было неожиданным.

В своей философии он положительно решал проблему бога, считая ее центральным стержневым понятием собственной системы. Бог — сила, которая приводит все в движение; от бога зависит бытие существующей материи. Не только судьба человеческая предначертана богом, им установлены законы, по которым движутся все тела — и небесные и земные. Фурье наделяет бога пятью свойствами, которые может иметь только бессмертное божество. Бог осуществляет полное руководство вселенной, он следит за целесообразным использованием мирового механизма и экономией двигательных средств. Всевышний, в частности, устанавливает справедливость в распределении на самых разных уровнях бытия, только ему подвластно установление единства всей системы миров.

Словом, Фурье старается представить свою систему в таком свете, чтобы она совпадала с намерениями бога. В «Новом мире» он говорит, что «Бог сделал хорошо все то, что Он сделал». И потому «лучше было бы, — по его словам, — не терять тридцати веков в бесплодных проклятиях по адресу притяжения, которое есть дело рук Господних, а потратить тридцать лет (что сделал я) на изучение законов притяжения».

Но религиозность Фурье более чем своеобразна, она далека от традиционных представлений, которые складывались веками. Бог Фурье не требует от людей аскетизма, воздержания и смирения, а предлагает человечеству свободное проявление всех страстей.

«Наслаждение — вот единственное орудие, — настаивает Фурье, — которым может пользоваться Бог, чтобы править нами и заставить нас выполнять его волю; влечение, а не принуждение властвует над Вселенной, и потому чувственные утехи занимают почетное место в расчетах Бога».

Чтобы убедить читателей в том, что его теория находится в согласии с учением Христа, Фурье не раз пользуется евангельскими изречениями. Так, нападая на философов, он приводит следующие слова Христа: «по делам же их не поступайте, ибо они говорят и не делают». Фурье утверждает, что главное препятствие, не позволяющее философам вступить на путь истинной науки, — их жестоковыйная гордыня. И вспоминает по этому поводу восклицание Христа в адрес фарисеев: «Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что уподобились окрашенным гробам, которые снаружи кажутся красивыми, а внутри полны костей мертвых и всякой нечистоты; так и вы по наружности кажетесь людям праведными, а внутри исполнены лицемерия и беззакония».

Но как ни старался Фурье для подтверждения своего «открытия» прибегать к цитированию Евангелия или творений святых отцов (кстати, эти цитаты он зачастую истолковывал самым произвольным образом), он не убедил ни учеников, ни служителей церкви в истинности своего верования.

Да и можно ли было на это рассчитывать, если еще в «Теории четырех движений», говоря о торговых агентах, он обозвал монахов паразитами, которые живут как грабители, ничего не производя? А распространяясь о трудностях, ожидающих первооткрывателей (Колумба), называл папу Иннокентия VIII невежественным. Здесь же, перечисляя шарлатанства строя Цивилизации, он заявил, что «в основе религии лежат легенды, которые были необходимы только вождям, чтобы ввести человечество в заблуждение и увести от воспоминаний о счастливом первобытном обществе, где господствовали серии...».

«Разве Бог, — говорит Фурье в той же «Теории четырех движений», — не был бы достоин порицания из-за того, что привел нас... к созданию общества, отвратительного по своим порокам, каков строй Цивилизации?»

Религия, по словам Фурье, пугает детей адом, ханжам выравнивает пути, преступникам несет успокоение от угрызений совести, беднякам обещает их излюбленную химеру — «равенство». Она «умеет делаться полезной для самых хищных...».

Представители церкви и раньше не могли примириться с теорией Фурье о необходимости полной свободы человеческих страстей, с беспримерной дерзостью его посягательств на нравственные начала.

Могли ли молчать католические газеты, если он издевался над священными и интимными отношениями полов, подкапывался под основы брака и семьи? Его религиозные взгляды по сути своей атеистические. Они направлены на ниспровержение общества, религии, морали!

Особенное возмущение у служителей культа вызвала статья Фурье «О свободе воли». Она, конечно, была еретической, эта статья. Ведь автор утверждал, что человек и Бог в истории должны действовать совместно, что человек должен быть «сотворцом Бога», а не слепым исполнителем его воли.

Фурье недоумевает: за что все-таки его обвиняют в безбожии? Разве не он в свое время критиковал Оуэна за грубый атеизм?..

Но критика была небезосновательной. Часто и резко нападая на атеизм, Фурье был, конечно, весьма далек от ортодоксальной религиозности.

Объективно его концепция бога — уступка времени. Хотя бытует мнение, что французы эпохи Великой французской революции были сплошь атеистами, но это справедливо только по отношению к некоторой незначительной части населения — преимущественно буржуазии и интеллигенции. Широкие народные массы были, безусловно, верующими, а потому, чтобы привлечь сторонников к «социетарной теории», Фурье в ее изложении так часто ссылается на бога, цитирует изречения Христа.

Фурье приспосабливал христианство к своим нуждам, осознанно или неосознанно пользуясь принципом «цель оправдывает средства». Это не могло не остаться не замеченным стражами чистоты католического вероучения.

ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

В 1836 году начинает выходить, как продолжение предыдущего издания, новый фурьеристский журнал «Фаланга». Редакцию возглавил Виктор Консидеран, и при активном сотрудничестве фурьеристов Контагреля и Туссенеля журнал просуществовал тринадцать лет. В последний год своей жизни Фурье напечатал здесь пять статей.

Небольшая редакция на улице Жакоб, 54 стала местом истинного культа учителя. Стены помещения увешаны его портретами, картинами с изображением фаланстера и дома, где родился Фурье. В комнатах редак-

ции — бюсты учителя самых разнообразных размеров. Камеи и перстни с его профилем отсюда распространялись по всей Франции.

В то же самое время ученики, стараясь отвлечь Фурье от сотрудничества в журнале (его огромные статьи заполняли буквально все полосы), убеждают его приступить к фундаментальной работе, обещая помещать отдельные главы новой книги в журнале.

Виктор Консидеран по этому поводу пишет одному из коллег: «Было бы предпочтительнее, чтобы наш знаменитый Фурье изложил в отдельной работе все, что он имеет еще поведать своим последователям и человечеству, вместо того чтобы помещать все это в «Фаланге», где только его сторонники могли бы его понять».

Анализируя публикации этих лет на страницах «Фаланги», можно понять, какая острая борьба шла между учителем и учениками. Он доподлинно знал, что не только в Париже, но и в провинции часть последователей поддерживает его лишь на словах.

Таким образом, все более очевидной становилась тенденция среди последователей «социетарной теории» к примиренчеству и компромиссам.

Страдая от разногласий в кругу учеников, Фурье в то же время понимал неизбежность выпадов в свой адрес.

Из воспоминаний Шарля Пелларэна мы узнаем, что не раз в беседе с учениками метр говорил, что любое учение (и даже его) нельзя принимать за веру. «Исследуйте, — говорил он, — проверяйте, судите собственным разумом, вооруженным даже недоверием».

Старые ученики продолжали любить и восторгаться Фурье, но те, кто примкнул к школе в 30-х годах, видели в нем только «мудреца» и «чудака», который приносит школе вред.

Для таких настроений характерно написанное после смерти Фурье письмо Лемуана, который признавался Виктору Консидерану: «У меня еще глаза мокры от печального известия... Я, конечно, плачу не о нас, так как полагаю, что Фурье опубликовал уже почти все, что открыл существенного. Мне не хотелось бы сказать, что его характер и неуступчивость в отношении некоторых причудливых принципов вредили фаланстерскому делу, но совершенно несомненно, что Фурье не был больше полезен». Другой ученик высказался еще резче: смерть Фурье не явилась «ни непредвиденной случайностью, ни душев-

ной скорбью, ни несчастьем для его будущего учения, успехам которого он скорее вредил, чем содействовал».

Внутренние разногласия в школе, обострившиеся в последние годы жизни Фурье, привели к тому, что в начале 1837 года от школы отошла группа недовольных, хотя большинство осталось с Консидераном.

Между тем приближалось шестидесятилетие философа.

10 февраля 1837 года в «Фаланге» было опубликовано сообщение о том, что Фурье приступает к работе над «Трактатом о торговле».

В этом году он поменял квартиру и жил теперь в комнате на Сен-Пьер-Монмартр. Сплошь заставленная цветами, комната походила на оранжерею. И груда рукописей! Они разбросаны повсюду: на столе, стульях, шкафах. Человека, впервые зашедшего сюда, пожалуй, должна была бы удручать своей хаотичностью эта масса тетрадей, конспектов и выписок из прочитанного, с различными заметками, отдельными мыслями на полях. В одной стопке — записки, которые относятся к «Трактату» или «Новому миру», рядом — тетради со статьями, которые написаны вне связи с основными произведениями. Отдельно лежат письма. Особенно часто писали ему Мюирон и Консидеран.

В часы прогулок его выход на улицу сопровождался обязательным кормлением бродячих кошек, для которых он заранее собирал объедки. Любимицы чуть ли не со всей округи с мяуканьем сбегались к своему покровителю. Эта слабость Фурье вызывала насмешки жильцов.

Фурье никогда не был женат. Комментируя это обстоятельство, одни биографы утверждают, что он провел бурную молодость, другие, что, наоборот, он всю жизнь сторонился женщин. Сам Фурье как-то признался друзьям, что он не женился, потому что никогда не смог бы сделать женщину счастливой. Трудно сказать, что он имел в виду, говоря так.

Вообще в последние годы Фурье мало с кем встречался. Об этом времени сохранилось восторженное воспоминание некой госпожи Курвуазье, одной из немногих женщин, в доме которых теперь он бывал.

«Седые, несколько вьющиеся волосы представляли точно белую корону на его большой, но пропорционально сложенной голове; его голубые глаза, проницательные и глубокие, бросали взгляд, суровая энергия которого предупреждала о таком же характере его речи. Его немного

горбатый нос дополнял впечатление тонких губ и такого разреза рта, который говорит о разнообразных и сильных страстях. Все его лицо, открытое и производящее впечатление, где выражались ясно живость ума и сила гения вместе с глубоко заложенным негодованием и полным спокойствием снаружи, с самого первого взгляда выдавало в нем человека, состоящего во вражде с своим веком, но отмеченного перстом божьим для грядущих столетий. Таким именно, в соединении с привлекательностью истинно хорошего человека, Фурье и являлся тем, кто его понимал и любил... Его горячая, оживленная беседа, все разъяснявшая, на все дававшая ответы, приветливость, выражавшая его действительное чувство, благосклонность и снисходительность, прямо вытекавшие из глубины его гения, — все это тысячью блестящих черт отражало его бесконечные совершенства...»

Сам часто нуждаясь, Фурье умудрялся еще и помогать другим — советом, участием, а иногда и деньгами. Он мог днями устраивать чьи-то дела. На страницах «Фаланги» все та же госпожа Курвуазье рассказывала, как однажды в дождь, непогоду Фурье разыскивал в предместье Сен-Мартен родственников одной служанки и сделал все, чтобы выручить девушку из беды.

Зная, что бедствующая вдова вынуждена продать дорогую для нее как реликвия статуэтку Наполеона, он ее купил, а уходя, «нечаянно» забыл у хозяйки, хотя 70 франков для Фурье были значительной суммой и в лучшие его времена.

Фурье никогда не мог похвастаться здоровьем, а в последние два года разнообразные болезни особенно часто досаждали ему. Однажды он потерял сознание прямо на улице, а во второй раз — на лестничной клетке. После одного из таких приступов, опасаясь скоропостижной кончины, Фурье решил составить завещание. Все свои книги и рукописи он завещал Жюсту Мюирону, как «старейшине» учеников *.

Зима 1837 года была суровой, стояли непривычные

---

* После смерти учителя Жюст Мюирон, Кларисса Вигурэ и Виктор Консидеран подписали акт, составленный парижским нотариусом, о совместном, неделимом и не могущем перейти в индивидуальную собственность владении и распоряжении литературным наследством Фурье, состоящим из 98 рукописных тетрадей. С годами архив значительно пополнился за счет автографов, поступивших от других учеников.

для Парижа холода. Друзья Фурье, зная о его неприязненном отношении ко всем и всяческим лекарям, все же настаивали на том, чтобы его осмотрел толковый врач. Старик капризничал, отказывался, а когда все-таки согласился, то приход доктора ничего нового не открыл для больного. Он и сам знал, что у него никудышный желудок и очень неважные дела с печенью. Трудный больной даже не дал себя как следует осмотреть, не говоря уж о том, что ни одно из прописанных лекарств не принял.

К лету ему стало немного легче, но в сентябре снова слег, и, как Кларисса Вигурэ ни уговаривала переехать к ней, а друзья ни советовали лечь в частную лечебницу, где он будет окружен заботой, Фурье наотрез от всех предложений отказался. Ему хотелось остаться одному в своей комнате, не разлучаться со всем тем, что постоянно окружало его и что стало делом и смыслом всей его жизни. Уступил просьбам только в одном — разрешил ухаживать за ним привратнице дома.

Утром 9 октября, как всегда с минутной точностью, пришел доктор Шаплэн. Его поражал этот необычный больной. Отвечает обстоятельно на все, даже незначительные, вопросы, причем отвечает четким голосом, быстро реагируя на реплики собеседника. И в то же время мертвенная бледность и затуманенные глаза выдают, что силы оставляют его. Только сверхчеловеческая воля еще теплила жизнь в этом теле. В последние месяцы Фурье почти постоянно лежал и хотя принимал лекарства, но от еды упорно отказывался. Он не мог выпить даже бульона или стакан молока. Утолял жажду ледяной водой или разбавленным вином. Упадок сил не было надежд остановить.

Вечером 10 октября его навестили Кларисса Вигурэ и Виктор Консидеран. Метр оживился и следил за разговором, хотя было видно, как это ему трудно дается.

В час ночи он пожелал доброго сна привратнице, а когда в пять утра она зашла навестить больного, он уже был мертв. Срочно вызванные Вигурэ и Консидеран нашли его лежащим на полу, одна нога уже была занесена на кровать. У истощенного старика не хватило сил подняться. Вигурэ закрыла глаза усопшему. Вскоре с него сняли маску и сделали слепок с мозга.

Так на 66-м году окончил свою жизнь этот необыкновенный человек. Как-то, за несколько лет до смерти, он с почти демонической гордостью написал о себе в «Оде на открытие социальных судеб»: «Лишь я один

измерил глубину обширных планов Творца, я один его ученик-истолкователь, я один освободил человечество: есть ли герой, есть ли пророк, более меня достойный бессмертия?»

В той же самой оде Фурье расточает библейские проклятия «современному Вавилону», то есть Парижу, недостаточно оценившему его великое «открытие», и верит, что потомство увенчает его заслуженной славой: «Твои сыны придут на мой гроб оплакивать твою гордость вандала, почтить и отмстить мою память. Они проводят в Пантеон мой прах, обремененный большей славой, чем прах Цезаря и Наполеона».

Это пророчество Фурье не сбылось. Похороны оказались много скромнее.

На следующий день, 11 октября, с двух до трех часов дня улица Сен-Пьер-Монмартр у дома № 9 заполнилась народом. После торжественной службы в церкви Пти-Пер процессия в 400 человек направилась за гробом к кладбищу. Здесь были не только его ближайшие друзья. Здесь были люди науки и литературы, врачи и архитекторы, студенты и артисты — все, кто в глубине души хоть частично разделял его идеи. Пришли и многие сенсимонисты, привлеченные сюда добрыми чувствами к памяти социального разоблачителя. В стороне плакала группа женщин.

Впоследствии хроникер «Фаланги» отмечал, что в толпе провожавших можно было видеть и «рабов современного общества — пролетариев».

На Монмартрском кладбище Консидеран произнес речь в честь «человека, одаренного могучим разумом, совершившего единолично самое величайшее дело, какое только может представить себе гений человечества».

На простом могильном камне была вырезана надпись: «Здесь покоятся останки Шарля Фурье. Серия распределяет гармонии, притяжения пропорциональны судьбам».

Хотя Пантеон остался закрыт для него, в 1899 году в Париже был воздвигнут памятник Фурье, тот самый, с описания которого мы начали эту книгу. Представители нового поколения фурьеристов на открытии памятника сказали: «Вечная слава Фурье! Слава поэту всеобщего сострадания, провозвестнику «единения наций» и земного счастья, основанного на справедливости и солидарности! Слава апостолу свободной гармонии среди людей!»

Глава XII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким остался в памяти человеческой этот необыкновенный мыслитель XIX века. Его жизнь, полная борьбы, огорчений и упований, будет еще долго поражать воображение потомков. Рано предоставленный самому себе и обреченный на одиночество, он верил, что в обществе будущего основой отношений между людьми станут любовь и дружба, единство и согласие.

Он мечтал о времени, когда вдохновенный труд станет наслаждением, сам же почти всю жизнь гнул спину над рабочей конторкой, занимаясь ненавистной торговлей ради заработка.

Воображение рисовало ему сказочные дворцы, столы, полные изысканных яств, в то время как, сняв жалкую мансарду, он экономил каждый франк, каждый сантим. Постоянно в этом человеке уживались две судьбы: судьба неудачливого торговца-коммивояжера и судьба вдохновенного мыслителя — экономиста, философа, социального реформатора.

После смерти Фурье «социетарная школа» вступает в новый этап развития. Растет число ее последователей, и, по самым скромным подсчетам, только во Франции к 1846 году их насчитывалось около полутора тысяч. К фурьеризму, как ни парадоксально, примкнул на время даже будущий император Франции, принц Людовик-Наполеон III.

Пропаганда «социетарной теории» к середине XIX века приобрела грандиозные размеры. Создав свой фонд, свои торговые предприятия, фурьеристы распространяли листовки, брошюры, книги и картины с изображением фаланстера. Портреты и бюсты Фурье продавались далеко за пределами Франции. В Швейцарии, Бельгии, Англии, Германии, Испании, Португалии, Греции и Италии

произведения приверженцев «социетарной школы» можно было встретить тогда в тысячах экземпляров.

Однако в этом потоке публикаций все реже и реже встречались произведения самого Фурье.

Фурьеризм перерождался. Огромную роль в его перерождении сыграли ученики. Стремясь расширить влияние школы, они приспосабливали теорию учителя для нужд всех классов, всех партий, всех наций и вероисповеданий. Учение Фурье они называли гипотезой, которая ни в коем случае не посягает на устои существующего строя. Выходило так, что единственно верное, заслуживающее внимания в его сочинениях, их рациональное зерно — это советы по созданию ассоциаций.

Тем самым фурьеристы отказались от основного в теории учителя — принципов перехода к новому «социетарному порядку».

Были попытки оторвать Фурье от социализма, попытки доказать, что он не был провозвестником идеи решительного перехода от капитализма к социализму, а ратовал только за исправление и усовершенствование существующего строя.

Трактуя по-своему одни положения теории Фурье, замалчивали другие. Из наследия Фурье были изъяты не только «фантастика», но и спорные проблемы. В итоге избирательного редактирования в сочинениях Фурье оставалось только то, что соответствовало взглядам его «реформаторов».

Последователи Фурье не только прибегали к методам извращения текстов, но и просто скрывали отдельные рукописи, изымая их из архивов. Доступ к теоретическим положениям Фурье был надолго закрыт.

Эпигоны фурьеризма продолжали критиковать мораль буржуазного строя, говорили о равенстве и праве человека на счастье, о свободном и увлекательном труде, о всестороннем воспитании, но они растеряли ту непримиримость, ту бичующую остроту, которая была отличительной особенностью сочинений Шарля Фурье.

Постепенно одни фурьеристы отходили от «социетарной теории» и присоединялись к пролетариату, другие, выхолащивая его учение, призывали к «социетарному миру» и служили интересам буржуазии.

Встав на путь мелкобуржуазных интересов, эти последние всю свою энергию направили на создание ассоциаций.

В самых различных уголках мира создавались разнообразные фаланстерские общины. Фурьеристы старались по-новому организовать производство и распределение, они уделяли много внимания просветительской работе, проблемам воспитания. Они блюли основной принцип ассоциации — общность имущества, помещали членов общин в одном доме, участвовали в прибылях. Во всем этом было преобладание буквы над духом.

Созданная Бодэ-Дюлари уже после смерти Фурье «социетарная» сельскохозяйственная и промышленная колония в Кондэ-сюр-Вегр превратилась с годами в своего рода кооперативный дом отдыха. Организованный в 60-х годах XIX века доктором Жуаном «сельский детский дом социального экспериментирования» просуществовал недолго.

Некоторые фаланстерские общины в Соединенных Штатах оказались достаточно жизнеспособными. Но все это достигалось неимоверными трудностями, при полной экономической изоляции общин от остального мира, при спартанском, весьма аскетическом образе жизни «новобранцев». Будущее американских общин было предрешено.

В упорной и долгой борьбе с тяжелыми внешними условиями большинство фаланстерских организаций ликвидировали свои хозяйства после 3—5 лет совместной деятельности, некоторые доживали до 12 лет. Последняя община во Франции распалась в 90-х годах XIX века.

Что касается России, то здесь фурьеризма как общественного движения, подобно французскому, никогда не существовало, но отдельные его теоретические и практические положения воспринимались, перерабатывались, приспосабливались к российским условиям и сыграли в свое время определенную революционную роль.

Освободительная мысль России в эпоху становления декабристской идеологии и после краха декабризма, проявляя живой интерес к прогрессивным общественным течениям Западной Европы, в какой-то степени находилась под влиянием французских социалистических идей. Известно, что декабрист М. С. Лунин еще в 1816 году встречался с Сен-Симоном, а декабрист князь Ф. П. Шаховской, отправляясь в заключение, взял с собой томик Роберта Оуэна. Н. И. Тургенев в своих спорах с Пестелем

в 1824 году характеризовал его планы «обобществления земельной собственности» как русский вариант утопического социализма, в частности системы Шарля Фурье.

Как свидетельство интереса к западному социализму в русской печати появляются попытки ознакомить читателей с идеями Фурье. Так, в «Литературном прибавлении к Русскому Инвалиду» вскоре после смерти мыслителя была опубликована (27 ноября 1837 года) статья «Карл Фурье», которая вызвала возмущение со стороны министра народного просвещения графа С. С. Уварова. Больше статей о Фурье долгое время не появлялось, однако влияние французского утопического социализма на революционные настроения в России 40-х годов было очевидным, оно охватило широкие круги русского просвещенного общества. Многие идеи великого утописта, в том числе планы построения общества будущего, «социетарная теория» и критика существующего строя, стали предметом осмысления молодых А. И. Герцена и Н. П. Огарева.

По мнению А. И. Герцена, «фурьеризм, конечно, всех глубже раскрыл вопрос о социализме». В своих дневниковых записях (30 июня 1843 года) он обращает внимание в теории Фурье на «свободное отношение полов, публичное воспитание и организацию собственности». И в то же время по поводу вышедшей книги Виктора Консидерана пишет: «Без всякого сомнения, у сенсимонистов и у фурьеристов высказаны величайшие пророчества будущего, но чего-то недостает... Народы будут холодны, пока проповедь пойдет этим путем; но учения эти велики тем, что они возбудят наконец истинно народное слово».

Критикуя последователей Фурье за мелочность их идей, Герцен дал соответствующую оценку этому искаженному фурьеризму, «который стремился лишь к непосредственно осуществимому, желал практического приложения, тоже мечтал, но мечты свои основывал на арифметических расчетах, прятал свою поэзию под названием хозяйствования, а любовь к свободе под сведением рабочих в бригады», — так что получалось, что «фаланстер — это не что иное, как русская община и рабочая казарма, военная колония на гражданскую ногу, трудовой полк».

Более систематическое, чем у Герцена и Огарева, исследование творчества Фурье было предпринято в 40-е годы членами известного кружка петрашевцев, которые

изучение «социетарной теории» совмещали с ее пропагандой, а отчасти и практическим использованием.

М. В. Буташевич-Петрашевский, глава кружка, в двухтомном «Карманном словаре иностранных слов, вошедших в состав русского языка», изданном в 1845—1846 годах, умело пропагандировал идеи фурьеризма, а в своем «Объяснении о системе Фурье и о социализме» писал, что «не одна организация работ или занятий в фаланстере дала Фурье право на название гения из гениев. Взгляд его глубокий на человеческую природу, разбор естественных склонностей человека, страстей, вот в этом он превосходит всех философов».

Петрашевцы были не просто популяризаторами фурьеризма. Они выступили за политическое преобразование общества, за уничтожение самодержавия и крепостничества, создание в России демократической республики без избирательного ценза, где будут господствовать «наука и опыт». Они настаивали на необходимости осуществления судебных реформ и выдвигали лозунг свободы печати.

Свои преобразования петрашевцы надеялись осуществить, конечно, не рассчитывая на милость «кандидата», но и путь революционной ломки старого строя поддерживался в кружке далеко не всеми. Характерно, что при обсуждении составленного Спешневым и Черносветовым плана восстания Петрашевский ответил, что он фурьерист и надеется именно в фаланстере увидеть осуществление своих идей, он за смену правительства, но смена эта должна произойти не немедленно, не вдруг, а путем постепенных преобразований, когда подготовленные народные массы сами подойдут к этой мысли.

Как известно, судьба петрашевцев была трагичной. В одну ночь сгорела «фаланстерия» Петрашевского — стоявшая на выселках отлично срубленная из барского леса изба о семи комнатах с залой, с различными подсобными помещениями, хлевом и овином; а по доносу провокатора Антонелли большинство петрашевцев пошли на каторжные работы, обвиненные в подготовке «бунта и пропаганде фурьеризма».

В Петропавловской крепости, составляя завещание, Петрашевский написал, что одну треть своего капитала поручает отдать Консидерану, главе школы фурьеристов, для основания фаланстера.

Вместе с другими петрашевцами суровое наказание постигло и молодого Ф. М. Достоевского. Его отношение

к идеям Фурье уже тогда, в 40-е годы, было достаточно сложным: не принимая современных ему социалистических теорий и утопий, он находил их несбыточными в условиях России. Но моральная сторона фурьеризма многими положениями привлекала великого писателя. Эта, по его словам, «не нужная, следовательно, комическая» система достойна внимания «не желчными нападками, а любовью к человеку».

В огромной степени испытал на себе влияние идей Шарля Фурье Н. Г. Чернышевский. Прочитав впервые «Теорию четырех движений», он отметил: «как будто бы читаешь какую-то мистическую книгу средних веков или наших раскольников: множество здравых мыслей, но странностей бездна». Несмотря на то, что, по его мнению, 2-й том сочинений Фурье «отзывает рассуждениями сумасшедшего у Гоголя», Чернышевский, однако, тут же признает, что Фурье «провозгласил первый нам несколько новых мыслей, которые называются нелепыми, а я нахожу решительно разумными и убежден, что будущее принадлежит этим мыслям...».

В целом же Чернышевский разглядел в теории Фурье учение великой исторической значимости и много ценного почерпнул у создателя «социетарной теории».

На это впоследствии указывал В. И. Ленин, говоря, что «в области научной критики капитализма Чернышевский был учеником Фурье, Оуэна и Сен-Симона» *...

В частности, тесно связана с учением Шарля Фурье пропаганда Чернышевским производственных ассоциаций в романе «Что делать?».

Как мы помним, героиня этого романа Вера Павловна устраивает на артельных началах мастерскую, кооперативный магазин, ссудный кооперативный банк, общество для совместной закупки продуктов, общежитие. За первой артелью возникают вторая и третья. В романе настойчиво проводится идея социального равенства мужчины и женщины. Сны Веры Павловны рисуют прекрасные картины общества будущего, напоминающее фаланстеры Фурье, где «счастливые красавцы будут вести вольную жизнь труда и наслаждения». Чернышевский, обращаясь к читателям, говорит об этом обществе будущего: «Любите его, стремитесь к нему, работайте для него, приближайте его,

---

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, с. 587.

переносите из него в настоящее, сколько можете перенести: настолько будет светла и добра, богата радостью и наслаждением ваша жизнь, насколько вы умеете перенести в нее из будущего...»

Несмотря на всю противоречивость взглядов Шарля Фурье, трудно найти социалиста XIX века, не испытавшего на себе влияние его идей. По отзыву Франца Меринга, особого внимания у Фурье заслуживает его критика современной цивилизации.

Вождь германской социал-демократии Август Бебель, также высоко ценивший творчество выдающегося утописта, признавался, что испытывает громадное наслаждение при чтении его произведений.

«Идеям Фурье, — по словам Бебеля, — еще суждено воскреснуть при будущем переустройстве общественных порядков, хотя и в ином виде, чем это рисовалось их творцу». Проводя аналогию между утопией Гёте в «Странствиях Вильгельма Мейстера» и фантастическими картинами Фурье, Бебель считает, что «последний превосходит Гёте в том отношении, что он основательнее знал природу человека, лучше, чем Гёте, изучил положение народных масс и естественную историю человечества».

Высоко оценил социальную философию Шарля Фурье один из первых пропагандистов марксизма в России, Г. В. Плеханов.

«Из всех современников Гегеля, — пишет он, — только Фурье отличался такою же ясностью взгляда и так хорошо понимал диалектику буржуазных экономических отношений. Этот знаменитый француз стремился даже «страсти, причиняющие в своем необузданном и, вместе с тем, стиснутом состоянии все преступные взрывы и отклонения, направить на пользу общества».

Вместе с тем Г. В. Плеханов отмечает, что утописты для осуществления своих планов готовы были идти на соглашение с кем угодно: с либералами и консерваторами, с монархистами и республиканцами.

«Из старых утопистов, — говорит он, — в этом отношении особенно замечателен Фурье. Он, как гоголевский Костанжогло, старался всякую дрянь употребить в дело. То он соблазнял ростовщиков перспективой огромных процентов, которые им станут приносить их капиталы в будущем обществе, то он взывал к любителям дынь и арти-

шоков, прельщая их отличными дынями и артишоками будущего, то он уверял Луи-Филиппа, что у принцесс Орлеанского дома, которыми теперь пренебрегают принцы крови, отбоя не будет от женихов при новом общественном строе. Он хватался за каждую соломинку. Но, увы! Ни ростовщики, ни любители дынь и артишоков, ни «король-гражданин», что называется, и ухом не вели, не обращали ни малейшего внимания на самые, казалось бы, убедительные расчеты Фурье. Его практичность оказалась заранее осужденной на неудачу, безотрадной погоней за счастливой случайностью».

Подходя к оценке наследия Шарля Фурье, нужно постоянно помнить, что учения утопического социализма возникли в самом начале XIX века, поэтому их авторы — Сен-Симон, Роберт Оуэн и Шарль Фурье — во многом находились еще под влиянием просветительских идей XVIII века. Именно от философов-просветителей они унаследовали ошибочное положение о том, что для торжества социальной справедливости на земле достаточно лишь силы человеческой убежденности, силы разума. Идеалистический лозунг французских материалистов «мнения правят миром» лег в основу их утопических теорий. Социализм, по убеждениям, по мнению их создателей, был выражением абсолютной истины, разума, справедливости, и стоило только открыть его законы, чтобы они собственной силой покорили весь мир.

Несовершенство и противоречивость теории Шарля Фурье Ф. Энгельс объясняет исторически: «Незрелому состоянию капиталистического производства, незрелым классовым отношениям соответствовали и незрелые теории» *.

Но, как бы ни были несовершенны отдельные стороны учения Фурье, навсегда останется его блестящая критика капитализма. К. Маркс в «Капитале» не раз ссылался на эту критику; по мнению Ф. Энгельса, «Фурье подверг существующие социальные отношения такой резкой, такой живой и остроумной критике, что ему охотно прощаешь его космологические фантазии, которые тоже основаны на гениальном миропонимании» **.

---

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 194.
** К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, с. 582.

Интересно, что вскоре после знакомства Маркса с Энгельсом у них возникла мысль о создании библиотеки по истории французского и английского социализма и коммунизма с начала XVIII века. 7 марта 1845 года Энгельс написал Марксу: «Мы здесь собираемся переводить Фурье и, если удастся, вообще издавать «Библиотеку выдающихся иностранных социалистов». Лучше всего было бы начать с Фурье» *. К сожалению, отсутствие издательских возможностей помешало осуществлению этих планов.

В созданное воображением Фурье общество строя Гармонии верили целые поколения. И не только верили, но и пытались вслед за учителем воплотить его грезы и планы в действительность. Но «при капиталистическом способе производства, — отметил В. И. Ленин в «Очередных задачах Советской власти», — значение отдельного примера, скажем, какой-либо производительной артели, неизбежно было до последней степени ограничено, и только мелкобуржуазная иллюзия могла мечтать об «исправлении» капитализма влиянием образцов добродетельных учреждений» **. Стремление Фурье осуществить свою мечту путем примирения в фаланге всех классовых противоречий В. И. Ленин в статье «О кооперации» охарактеризовал как фантастическое ***.

Едва ли можно найти систему, где гениальные идеи были бы так тесно переплетены с совершенно наивными или даже нелепыми взглядами, как у Фурье. Тонкий наблюдатель и аналитик, он дает нам ряд поразительных, исключительных по силе характеристик современной ему социальной эпохи. Несмотря на то, что его теория будущего общества — образец мелкобуржуазной утопии, все же и здесь много идей поразительно свежих, оригинальных, сохранивших интерес до настоящего времени, наконец, идей, которые, возможно, в еще большей степени станут актуальными для будущих поколений.

Перу Фурье принадлежит лозунг «Право на труд». Вскрывая всю безрассудность существующей социальной

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 27, с. 24.
** В. И. Ленин. Полн. собр.. соч., т. 36, с. 191.
*** В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 375.

системы, отрывающей друг от друга понятия «труд» и «наслаждения», делающей труд тягостным и лишающей большинство рабочих радости, он показывает, что при разумных условиях, когда каждый будет следовать своим наклонностям, труд будет наслаждением.

С именем Фурье связано пророчество о том, что в обществе будущего исчезнет противоположность между городом и деревней. Это он впервые в мире провозгласил, что прогресс человечества пропорционален прогрессу в положении и правах женщины. Перечислив неизлечимые болезни строя «цивилизованных», Фурье сделал вывод: при буржуазном обществе будут постоянно существовать непримиримые противоречия между личностью и коллективом.

Поистине гениальные наблюдения содержат в себе взгляды Фурье на воспитание. Бесценны не только многие его идеи, но и форма их изложения, недаром Энгельс отметил, что Фурье по своим критическим приемам должен быть причислен к величайшим сатирикам «всех времен» *.

В современном мире в связи с постоянным обострением идеологической борьбы закономерно повышается интерес не только к социализму, но и к его истокам. В результате появилось большое число исследований мировоззрения великих утопистов прошлого века, в том числе и Шарля Фурье. Его идеи ныне берут на вооружение самые различные партии, идеологические группировки и течения.

В ряде работ современных буржуазных авторов, фальсифицирующих теоретические положения мыслителя, содержится утверждение, что Фурье нельзя относить к представителям утопического социализма, что утопистов-де устраивали общественные отношения, характерные для капиталистического общества, и что главное при социализме не уничтожение частной собственности на орудия и средства производства, а обеспечение экономического прогресса, который якобы возможен и без коренных социально-политических преобразований. С другой стороны, с целью принизить марксизм появились попытки доказать неоригинальность Маркса, тождество его идей

* К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, с. 270.

с идеями утопистов, а тем самым ненаучность исторического материализма.

В работах буржуазных историков нередко встречается тенденция ограничить положительные идеи Фурье рамками абстрактного морализма. В соответствии с такой задачей он оценивается не как великий борец за преобразование существующего миропорядка, а как талантливый моралист, который обеспокоен в первую очередь совершенствованием человека, а не общества. Не поиск справедливого строя, а удовлетворение человеческих страстей — вот в чем, по их мнению, видел Фурье смысл своих предсказаний.

Эта категория исследователей проявляет повышенный интерес к самым противоречивым местам в его сочинениях. Предметом внимания этих авторов стали «всеобщее притяжение» и «всеобщая аналогия», «теория страстей» и «совокупления планет», примитивные космогонические теории Фурье, его «анти-львы» и «анти-тигры».

Они стремятся опровергнуть марксистско-ленинское понимание личности Фурье как одного из великих социалистов-утопистов, предшественника научного социализма К. Маркса и Ф. Энгельса, хотят представить Фурье творцом «философии желаний» и «поэзии наслаждений».

Его рисуют мыслителем, который заменяет «царство принуждения царством желания». Подлинная революция, утверждают они, не пролетарская, а тотальная, которая состоит в решении сексуальных проблем, в утверждении примата физического начала над духовным. Объективно эта апология эротики ведет к разрушению созданных человечеством духовных и культурных ценностей.

Подобная трактовка наследия Шарля Фурье нередко служит соблазном для нестойких умов, в частности, это проявилось в практике целого ряда современных молодежных движений, выдвинувших лозунг человеческого счастья, обеспечиваемого за счет неограниченных чувственных удовольствий.

Утопия Шарля Фурье в наши дни во многом перестала быть утопией. Целый ряд его теоретических предпосылок перекликается с практикой социализма, с опытом государств, которые стали на путь созидания новых общественных отношений, неподвластных жестоким законам

капитализма. То, что в эпоху, когда идеалы Фурье не могли быть осуществимы, считалось фантастической мечтой, нередко становится явью нашей социалистической действительности. В этом смысле современная практика социалистического строительства в масштабах мировой системы является наиболее объективным критерием истинности многих предсказаний Шарля Фурье.

Наши представления об обществе будущего богаче, полнокровнее, чем у Фурье и других мыслителей-утопистов, но мы высоко ценим тех, кто брал на себя смелость сделать когда-то первые шаги.

Главная задача этой книги — оглянуться на прошлое, чтобы еще раз напомнить о заслугах необыкновенного мыслителя, который смог, отсекая настоящее, пробиться в будущее.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ШАРЛЯ ФУРЬЕ

1772, 7 апреля — Родился Франсуа-Мари-Шарль Фурье в семье оптового торговца колониальными товарами в городе Безансоне.
1781 — Смерть отца.
1790 — Ученичество в торговом доме.
1792 — Открыл самостоятельную торговлю в Лионе.
1792—1793 — Совершил ряд поездок по Франции.
1793 — Мятеж жирондистов в Лионе. Шарль Фурье бежит в город Безансон, мобилизован в армию.
1794—1796 — Служба в революционной армии.
1796 — Переезд в город Лион.
1796—1800 — Поездки по делам торгового дома в Париж, Безансон, Марсель, Руан.
1801—1802 — В лионской газете помещены несколько мелких статей Фурье.
1803, 3 декабря — Опубликована статья «Всемирная гармония».
1803, 17 декабря — Написал статью «Континентальный триумвират и непрерывный мир в течение 30 лет».
1807 — Опубликовал памфлет «О торговом шарлатанстве».
1808 — Закончена «Теория четырех движений».
1809 — Поездка в Швейцарию.
1811 — Поступил в военное ведомство на должность эксперта по приемке сукна.
1815 — Окончил работу над «Новым миром любви».
1816 — Поселился в деревне Таллисье, а затем в городке Беллэ.
1816 — Первое письмо от Жюста Мюирона.
1818 — Встреча с Мюироном в Беллэ.
1820 — Поездка в Безансон. Знакомство с Клариссой Вигурэ и Виктором Консидераном.
1822 — Завершен «Трактат об ассоциации».
1822—1825 — Живет в Париже.
1825 — Устроился в Лионе на должность кассира в одном из торговых домов.
1826 — Возвращение в Париж.
1828 — Живет в Безансоне.
1828 — Написан трактат «Новый хозяйственный и социетарный мир». Окончательно обосновался в Париже.
1831 — Издал полемическую работу «Уловки и шарлатанство последователей секты Сен-Симона и Оуэна, обещающих ассоциацию и прогресс».
1832 — Создание журнала «Индустриальная реформа», или «Фаланстер».
1832 — Попытка создать опытный фаланстер.
1835—1836 — «Ложная индустрия».
1836 — Начало выхода нового журнала фурьеристов «Фаланга».
1837, 10 октября — Кончина Шарля Фурье.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии. Соч., т. 4.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Соч., т. 3.

К. Маркс. К критике политической экономии. — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, с. 5—6.

Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке... — К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19.

В. И. Ленин. Три источника и три составных части марксизма. Полн. собр. соч., т. 23.

В. И. Ленин. Карл Маркс. Полн. собр. соч., т. 26.

В. И. Ленин. Очередные задачи Советской власти. Полн. собр. соч., т. 36.

В. И. Ленин. О кооперации. Полн. собр. соч., т. 45.

Шарль Фурье. Преступления капитализма. Пгр., 1918.

Шарль Фурье. Теория четырех движений и всеобщих судеб. М., 1938.

Шарль Фурье. Новый промышленный и общественный мир. М., 1938.

Шарль Фурье. О воспитании при строе Гармонии. М., 1939.

Шарль Фурье. Избранные сочинения, тт. I—II. М., 1951; тт. III—IV. М., 1954.

Арк. А-н (Анекштейн). Шарль Фурье, его личность, социальная система. М., 1922.

А. Бебель. Шарль Фурье, его жизнь и учение. Спб., 1906.

Н. Водовозов. Шарль Фурье. М. — Пгр., 1923.

Г. Л. Белкин. Идеи Фурье у Петрашевского и петрашевцев. М. — Пгр., 1923.

В. Волгин. Французский утопический коммунизм. М., 1960.

В. Волгин. Социалистические взгляды Фурье. — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. IV. М.—Л., 1929.

В. Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм. М., 1961.

А. Дворцов. Шарль Фурье, его жизнь и учение. М., 1938.

М. Доманже. Социальная критика в сочинениях В. Консидерана. — Архив К. Маркса и Ф. Энгельса. Т. IV. М., 1929.

И. Зильбефарб. Социальная философия Шарля Фурье. М., «Наука», 1964.

Шарль Жид. Пророчества Фурье. Харьков, 1919.

А. Р. Иоанисян. Генезис общественного идеала Фурье. М. — Л., 1939.

А. Р. Иоанисян. Шарль Фурье. М.. 1958.

Г. С. Кучеренко. Сенсимонизм в общественной мысли XIX в. М., «Наука», 1975.

Б. Фрометт. Пророки кооперации Фурье и Оуэн. Пгр., 1918.
Г. В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Соч., т. VII. М.—Л., 1925.
Г. В. Плеханов. Французский утопический социализм. Соч., т. XVIII. М. — Л., 1925.
Критика современной буржуазной и реформистской историографии. Сборник. М., 1974.
Великие утописты Сен-Симон, Фурье в их школы. Экономические системы социализма в ее развитии. М., 1926.
А. Р. Иоанисян. Коммунистические идеи в годы Великой французской революции. М., 1966.

Peilerin Ch. Charles Fourier, sa vie, sa tecrie. P., 1871.
Bourgin H. Fourier. Contribution à l'étude du socialisme francais. P., 1905.
Louvancour H. De Henri de Saint-Simon a Charles Fourier, Chartres, 1913.
Leroux P. Lettres sur le fouriérisme. t. 1—2., Boussac, 1848.
Jide Ch. Les prophéties de Fourier. Nimes, 1894.

СОДЕРЖАНИЕ

Вступление 5

Глава I

Детство 7
Коллеж 12
Ученичество в торговом доме 16
Год 1793-й... 23

Глава II

Школа жизни 31
Бордо, Лион, Париж, Марсель... 39

Глава III

«Лавочный капрал» 52
«Самый механизм торговли слажен наперекор здравому смыслу» 58
Общество «цивилизованных» 65
Свобода... Равенство... 74

Глава IV

«Теория четырех движений» 79
О выгоде земледельческой ассоциации 80
Закон всеобщего тяготения 82
Судьбы человечества 87
«Это был пробный шар...» 95

Глава V

Император 98
«Брак «цивилизованных» тормозит прогресс общества...» 106
«При помощи одного рычага любви...» 110

Глава VI

В деревне 115
«О лакомствах для народа» 120
Жюст Мюирон 123
Фаланга 129
Труд будет радостным... 137
О «кандидате» 142
Пути перехода 145

Глава VII

Париж 148
Роберт Оуэн 152
Снова Лион 158

Глава VIII

«Новый промышленный и общественный мир» 168
Человек в обществе будущего 170
И начинать нужно с воспитания 174

Глава IX

Париж 185
«Секта Сен-Симона» 189
Сенсимонисты признают «социетарную теорию» 198
События революции 1830 года 201
Журнал «Фаланстер» 206

Глава X

Опыт 210
«Социетарная теория» проникает в рабочую среду . . 216
Вести из-за границы 218
Снова детская фаланга 226

Глава XI

«Ложная индустрия» 228
О боге 231
Последние годы жизни 233

Глава XII

Заключение 239
Основные даты жизни и творчества Шарля Фурье . . . 251
Краткая библиография 252

Василькова Ю. В.

В19 Фурье. — М.: Мол. гвардия, 1978. — 256 с., ил.— (Жизнь замечат. людей. Серия биогр. Вып. 15 (585)).

В пер.: 1 р. 10 к. 65 000 экз.

Эта книга о представителе французского утопического социализма Франсуа-Мари-Шарле Фурье, одном из предшественников научного коммунизма. На фоне жизни мыслителя, полной лишений и невзгод, автор излагает его исторические и социальные взгляды, его критику существующего общественного строя, проблемы будущего человечества.

ББК87.3
ІФ

В $\frac{30702-276}{078(02)-78}$ **Б3—53—003—78**

ИВ № 1943

Юлия Валерьевна Василькова

ФУРЬЕ

Редактор **Ю. Лощиц**
Серийная обложка **Ю. Арндта**
Художественный редактор **А. Степанова**
Технический редактор **Т. Кулагина**
Корректоры: **З. Харитонова, А. Долидзе**

Сдано в набор 19.05.78. Подписано в печать 25.10.78. А06035. Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать высокая. Условн. печ. л. 13,44. Уч.-изд. л. 14,7. Тираж 65 000 экз. Цена 1 р. 10 к. Б. З. 1978 г., № 53, п. 003. Заказ 873.

Типография ордена Трудового Красиого Знамени издательства ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». Адрес издательства и типографии: 103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.